ЕКАТЕРИНА ГОРДЕЕВА

Мой Сергей

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

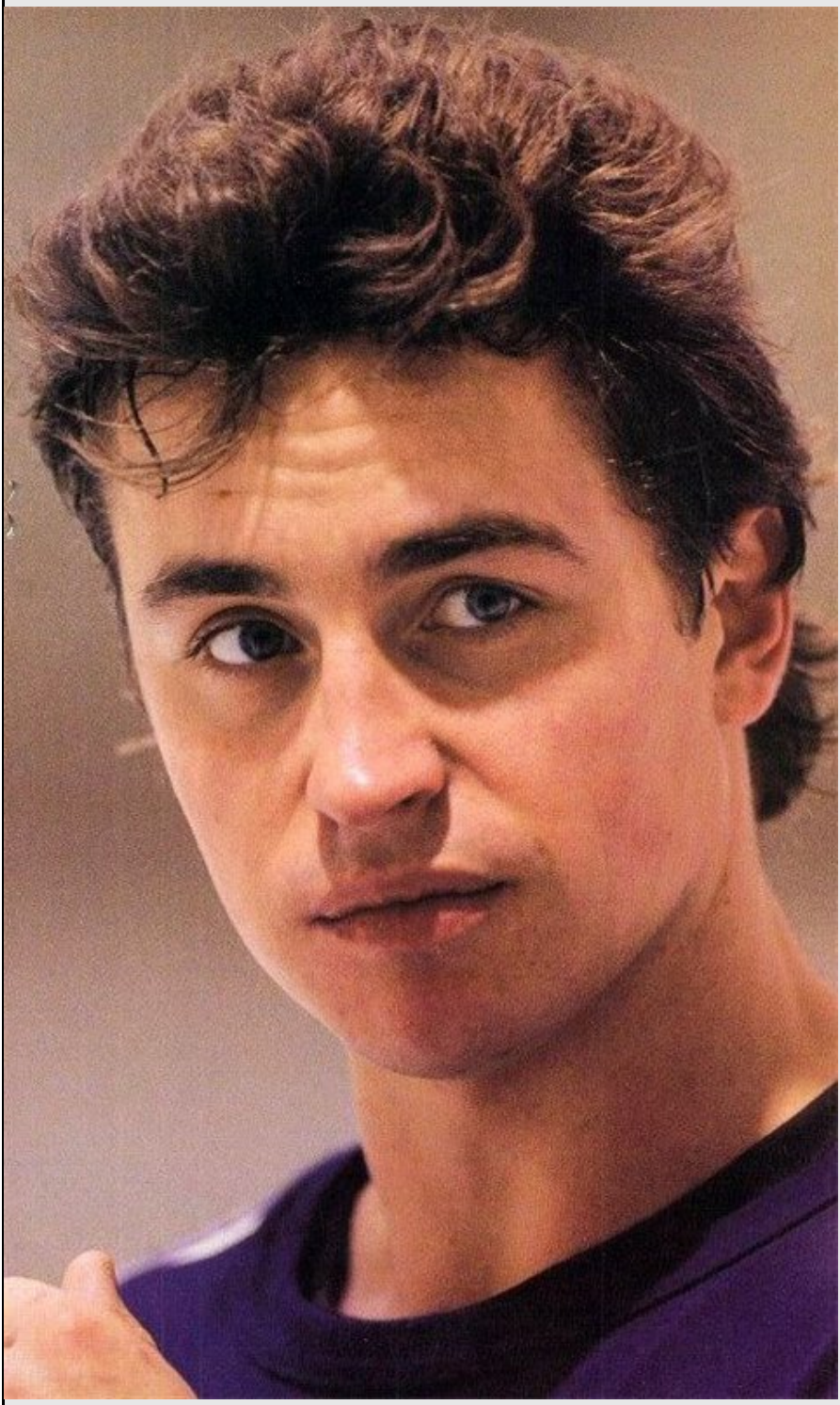
Посвящается советскому и российскому фигуристу Сергею Гринькову. Книга по праву стала бестселлером и покорила сердца миллионов читателей по всему миру. Оторваться от нее невозможно... Это - подлинная история великой любви, счастья и трагической утраты. Правда о трудном пути двух молодых людей к высочайшему спортивному мастерству, мировому признанию и олимпийскому золоту. Надрывающий душу своей неподкупной искренностью рассказ о том, как женщина, потерявшая самого дорогого и близкого для нее человека, нашла в себе силы не только жить дальше, но и вновь побеждать...

- Екатерина Гордеева.
  - Благодарности
  - ПРОЛОГ
  - ДЕТСТВО
  - ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ
  - СЕРГЕЙ
  - НЕСЧАСТНЫЙ, БЕЗЖАЛОСТНЫЙ ЖУК
  - ЗНАКИ ВНИМАНИЯ
  - ЖЕЛАНИЕ, ЗАГАДАННОЕ В ПРАЗДНИК
  - КАЛГАРИ
  - ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН
  - ЛЮБОВЬ
  - ПАРИЖ
  - РОМЕО, ДЖУЛЬЕТТА И ДЕРЕВНЯ ЛЯГУШИНО
  - ПРЕДЛОЖЕНИЯ
  - СВАДЬБА
  - МОЛОДОЖЕНЫ
  - ДАР
  - ДАРЬЯ
  - ОТЪЕЗД
  - «ЛУННАЯ СОНАТА»
  - ТРЕНИРОВКИ В НОВОЙ РОССИИ
  - ЛИЛЛИХАММЕР
  - СИМСБЕРИ И НОВЫЙ ДОМ
  - ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО
  - ПРОЩАНИЕ
  - Я ТЕРЯЮ СЕБЯ
  - ВЕЧЕР ПАМЯТИ
  - ЭПИЛОГ
- notes

○ 1

Екатерина Гордеева.

МОЙ СЕРГЕЙ
История любви



Благодарности

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Мне невероятно приятно, что у меня есть возможность предоставить вашему вниманию эту книгу.

К сожалению, первое предложение написать книгу о Сергее или о нашей жизни поступило от американского агентства, которое предложило американского писателя. Я была очень удивлена: во-первых, предложением о написании книги, а во-вторых, была не уверена, что смогу хорошо объясниться с писателем на английском языке. Но после нескольких встреч с Эдуардом Свифтом (так зовут писателя) я поняла, что книга будет предназначена для американского читателя, которому нужна сентиментальная, трагическая, романтическая история.

Человек, который задавал мне вопросы, родился и воспитывался в США и, естественно, имел уже какое-то сложившееся до встречи со мной мнение о России и русских людях. Поэтому вопросы имели определенный уклон или характер в сторону восхваления Запада и подчеркивания недостатков в России.

Многие вещи, которые казались естественными или не имеющими значения для меня, производили неизгладимое впечатление на него. Безусловно, языковой барьер был очень сложным, и преодолеть его во многих местах книги не удалось. А так как русскую душу вообще трудно понять, то я не уверена, что он передал ее точно так, как этого хотела бы я. Поэтому надеюсь, что вы прочитаете книгу со скидкой на то, что это моя первая попытка быть соавтором. Надеюсь, что, может, когда-нибудь у меня будет шанс написать книгу специально для русского читателя о прекрасном русском человеке, великом фигуристе — Сергее Гринькове.

Я посвящаю эту книгу Сереже. Моему любимому, моему мужу и лучшему другу, отцу моего ребенка и великому спортсмену.

За свою короткую и яркую жизнь Сергей подарил многим людям прекрасные мгновения. Он жил для земной любви и умел делиться ею с другими, потому что это было естественное состояние его души.

Я благодарна Сереже за каждый прожитый рядом с ним день, за каждую его улыбку, за каждое доброе слово. Сережа, я сберегу

чудесную сказку, в которой мы жили, и расскажу ее нашей дочке!

Екатерина Гордеева, 1996

Я улыбаться перестала,
Морозный ветер губы студит,
Одной надеждой меньше стало,
Одною песней больше будет.
И эту песню я невольно
Отдам на смех и поруганье,
Затем, что нестерпимо больно
Душе любовное молчанье.

Анна Ахматова

Я хочу поблагодарить за проявленное ко мне терпение во время короткого, но очень напряженного периода работы над этой книгой членов моей семьи; Сэлли, Нейта и маленького Тедди. И Катю, душевная красота которой делает ее еще прекраснее, — за доверие.

Э.М. Свифт

Я ПРИЗНАТЕЛЬНА:

моим родителям и сестре Марии, сестре Сергея Наталье — за любовь и бесконечную поддержку;

Эду Свифту — за его понимание и проницательность; Джейми Раабу — за энергичность;

Хайнцу Клютмейеру — за великолепные фотографии и щедрость;

моему самому дорогому другу, Дебби Нэст, которая была рядом со мной, когда мне было особенно трудно, и без которой мне никогда не удалось бы реализовать свои идеи;

нашим тренерам: Владимиру Захарову, Станиславу Леоновичу и Марине Зуевой — без них мы не стали бы известными фигуристами;

всем друзьям — за любовь и поддержку;

моей малышке Дарье — за то, что она дает мне силы и дарит улыбку Сергея!

Я особенно благодарна фотографам, чьи работы украсили эту книгу.

ПРОЛОГ

Для меня начинается новая жизнь, отличающаяся от той, которой я жила до сих пор. Впервые я почувствовала это в Москве через две недели после похорон моего любимого Сергея. Я испугалась, я замкнулась в своем горе. И сделала единственное, что смогла придумать, единственное, что хорошо умела, чему училась с тех самых пор, как мне исполнилось четыре года: я стала кататься. Вышла на лед, который всегда так много значил для нас с Сергеем, и в глазах маленьких фигуристов, занимающихся со своими тренерами, увидела столь знакомые мне мечты и надежды на будущие победы. «Жизнь продолжается», — промелькнуло тогда у меня в голове.

Немного позже, новогодней ночью, в канун 1996 года, когда веселились моя двадцатилетняя сестра Мария и ее друзья, засмеялась и я — засмеялась просто оттого, что нахожусь рядом с ними. Это было чудесно, пусть и длилось всего несколько мгновений^ Я снова подумала о том, что жизнь остановить невозможно.

А еще я понимаю, что должна жить дальше, когда смотрю на свою дочь Дарью. Что бы я ни чувствовала, о чем бы ни думала, я не могу не улыбнуться ей, потому что она всегда дарит мне улыбку.

У меня есть фотография ее отца, сделанная задолго до того, как он стал знаменитым Сергеем Михайловичем Гриньковым, двукратным чемпионом Олимпийских игр в парном катании. Я редко называла его Сергеем, когда мы находились рядом; чаще Серега — это мягче, или Сережа — ласковее, романтичнее, имя, которое нужно произносить в особых случаях. Так вот, Сергея сфотографировали, когда ему было девять лет. На том самом льду, где мы с ним вместе тренировались. Они с Дарьей похожи как две капли воды.

Сейчас ей четыре года, у малышки потрясающие голубые глаза и светлые волосы — такие же, какие были у ее отца в детстве. Как и он, она всегда готова ликующе и открыто улыбаться... Я так любила его улыбку! Ведь именно Сергей принес в наш дом смех, а в мою жизнь — солнце. Он научил меня, вечно такую серьезную, радоваться и веселиться. Он заботился обо мне так деликатно, что я даже не всегда это понимала. Его не стало, но у меня есть Дарья — последний дар Сергея.

Я хочу, чтобы он не сомневался: я сделаю все, чтобы ей было хорошо. Она будет самой счастливой девочкой на свете. И узнает, каким человеком был ее отец и какое доброе у него было сердце.

Вот одна из причин, по которой я пишу эти строчки сейчас, пока еще не поблекли, не затуманились прекрасные воспоминания о нем, ведь это неминуемо произойдет — со временем. Недавно я слышала, как кто-то спросил у приятеля:

— Если бы тебе предложили начать все сначала, что бы ты изменил в своей жизни?

Я много об этом думала и поняла, что с радостью согласилась бы прожить свою жизнь еще раз только в обратном порядке. Я бы хотела попасть в мир, где завтра — вовсе не завтра, а вчера. Послезавтра превратилось бы в позавчера, и так далее... Сейчас меня совсем не занимает, что будет завтра.

Наверное, я не должна так думать, ради Даши я обязана смотреть в будущее. Но правда заключается в том, что любой из моих нынешних дней я с радостью готова променять на любой день из прошлого. Надеюсь, пройдет время и все изменится. Однако я знаю твердо, что больше никогда не буду счастлива так, как в те годы, которые мы прожили вместе с Сергеем. Разве важно, что ждет меня впереди. Ведь самое лучшее в моей жизни было связано с Сергеем, а он умер.

Поэтому я вступаю в будущее, призвав на помощь все свое мужество, и тоскую о временах, вернуть которые невозможно.

Все, что происходило между мной и Сергеем, было совершенно естественно и почти неизбежно. Сначала мы были просто партнерами. Потом стали приятелями, А дальше — близкими друзьями. Полюбили друг друга. Поженились. У нас родилась

Я жила в мире, где всегда могла делать то, что мне очень нравилось, — кататься на коньках. Рядом постоянно находился любимый человек. И мои замечательные родители, Елена Львовна и Александр Алексеевич Гордеевы, желавшие мне только одного — счастья.

Я никогда не слышала недобрых слов и не знала, что такое зло, потому что самый главный в моей жизни человек меня любил. Мне не приходило в голову посмотреть критическим взглядом на окружающий мир и поискать в нем недостатки. Мое внимание было занято только Сергеем.

А потом Бог забрал его, когда ему было лишь двадцать восемь лет. Сергей умер неожиданно от сердечного приступа 20 ноября 1995 года в Лейк-Плэсиде во время обычной тренировки. Я потеряла мужа и самого близкого друга, моя дочь — отца. Больше я не могла заниматься любимым делом — ведь ушел мой партнер.

Единственное, что оставил мне Бог, — это Дарья. Словно Он хотел сказать: «Начинай все сначала, Екатерина. Открой глаза и

посмотри на мир вокруг себя. Испытай, каково тем, кому меньше везло в жизни».

Именно это я и делаю. Познаю разочарование. Марина Зуева — наш с Сергеем хореограф— после его смерти произнесла фразу, смысл которой до меня тогда не дошел. А может быть, я все поняла сразу, только не хотела об этом тогда думать. Она сказала, что ей меня не жаль.

Возможно, потому, что моя жизнь с Сергеем была прекрасна; такое счастье никогда не длится долго. Или она не сомневалась, что со мной все будет в порядке. Не знаю. Зато теперь мне совершенно точно известно, как много может перенести человек. Я и не представляла, что люди могут быть такими сильными и стойкими, что им удается справляться с любой болью. Но слова ранят сердце и оставляют рубцы, которые долго не заживают. Это так. Впрочем, ведь еще есть слова, дарующие вечное счастье.

Я всегда считала Сергея человеком другого уровня; он был мужественнее, умнее меня. Мне казалось, он будет до конца жизни оберегать меня.

Его больше нет, и я, как никогда раньше, чувствую себя уязвимой и слабой. До сих пор мне не доводилось испытывать ничего похожего. Я опасаюсь доверять людям, боюсь разговаривать с ними, боюсь обидеть или услышать слова, которые причинят боль мне. Прежде я о таких вещах совсем не задумывалась. Я вдруг перестала понимать, что движет людьми, мотивы их поступков.

Я всегда считала себя храброй. Без малейших колебаний прыгала в воду с вышки. А сейчас у меня такое ощущение, словно я впервые за двадцать пять лет оказалась далеко от собственного дома. Точно живешь в волшебной сказке, а потом вдруг тебя оставляют одну в диком лесу.

Вот чем была моя жизнь с Сергеем: волшебной сказкой. Он был честным, спокойным и абсолютно надежным. Сначала мужчина, а потом уже спортсмен. В отличие от меня — я была фигуристкой, женой и матерью. Только в таком порядке.

Меня печалит, что все так сложилось. Я жалею, что у меня оставалось совсем мало сил на Сергея и дочь. Я учусь быть такой, как он. Сергей был прекрасным отцом и заботливым мужем, сильным и одновременно нежным. Я же отдаю льду — и так было всегда — слишком много себя и своих чувств.

Вряд ли мне удастся объяснить зачем, но я решила составить список того, что Сергей хотел сделать.

Он считал, что Дарья должна заниматься карате. Мечтал поехать на Олимпийские игры в Нагано в 1998 году. В Лиллехаммере, где мы завоевали вторую золотую олимпийскую

медаль, он допустил одну маленькую ошибку — единственную за все время наших выступлений. Сергей всегда выступал очень уверенно. В тот раз причина была во мне — он беспокоился за меня. Поэтому и хотел снова участвовать в соревнованиях, чтобы больше не думать о том мелком просчете. Прежде чем поделиться своими мыслями со мной, Сергей носил их в себе целый год. Третьи Олимпийские игры... Я сомневалась, что выдержу напряжение еще одной Олимпиады, но не могла сказать ему «нет», потому что видела в его глазах надежду.

Сергей мечтал, чтобы в нашем доме был огромный глобус. Он любил рассматривать на карте страны, где мы побывали, ему нравилась география и хотелось показать все эти места дочке.

Он хотел, чтобы к нам приехала его сестра Наталья, а ее дочь Светлана выучила английский язык. Сергей очень расстраивался, что не знает английского, хотя понимал все достаточно хорошо. Он всегда стремился к идеалу и стеснялся говорить с ошибками. Уроки иностранного языка в Москве стоят дорого, около пятисот долларов в месяц, но Сергей был готов платить за обучение Светланы любые деньги. Сейчас ей тринадцать; он считал, что в этом возрасте дети учатся легко.

А еще Сергей говорил о том, что хотел бы перебраться в Айдахо, в Сан-Вэлли. Мы выступали там несколько раз, и нам обоим понравились те места. Сергей любил кататься на лыжах. А меня привели в восторг горы, чудесная природа, леса, потрясающее ночное небо, усыпанное звездами. Необъятные, открытые пространства. О таком можно только мечтать.

Он хотел провезти меня по Европе. На машине или на поезде. Останавливались бы в разных местах, ходили бы в музеи и церкви, сидели бы в маленьких кафе, пили вино, а потом, устав после долгих прогулок, отдыхали бы днем в уютных гостиницах. Он мечтал о том, как мы не спеша, держась за руки, гуляли бы по бульварам — и никакого жесткого расписания, никаких показательных выступлений, никакой подготовки к соревнованиям, ведь вся наша жизнь только из этого и состояла. Нам не нужно будет мчаться из одного города в другой, не успев ничего толком увидеть... Мы много раз обсуждали наше будущее путешествие по Европе.

Я намерена сохранить этот список и добавлять в него все, что мне удастся вспомнить. Сергей столько всего хотел сделать, столько всего, не имеющего никакого отношения к фигурному катанию!..

ДЕТСТВО

Оглядываясь назад, я думаю о том, что мне все давалось слишком уж легко и гладко. Печальная сторона жизни была мне совершенно не знакома. До встречи с Сергеем я росла счастливым здоровым ребенком, наивным и веселым. Мне повезло — меня очень любили. Мой отец, Александр Алексеевич Гордеев, работал в Ансамбле песни и пляски Советской Армии имени А. В. Александрова. У него были сильные ноги и длинная шея, как и полагается танцовщику, и абсолютно плоский живот. Он все делал невероятно быстро, по дому передвигался стремительно. Я помню, как отец, исполняя танец с саблями, взвивался в воздух, поднимая ноги к самому подбородку, а прямо под ним мелькали похожие на ножи клинки — четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать раз подряд. Или приседал и выбрасывал ноги вправо и влево, вправо и влево — один из очень сложных, чисто гимнастических элементов русской пляски.

Отец хотел, чтобы я стала балериной. И расстроился, когда я выбрала фигурное катание.

У него серо-голубые глаза, такие же, как и у меня, и доброе лицо. Только его выражение почти никогда не соответствовало тем словам, что отец говорил, — он был человеком строгим и серьезным.

Мои родители познакомились на занятиях хореографией; маме было в то время четырнадцать лет. Поженились они, когда ей исполнилось девятнадцать, ровно через год родилась я. Моя добрая, замечательная мама страстно любит своих детей; это человек, которым я восхищаюсь и горжусь. Она была в молодости необыкновенно красива, высокая — ростом почти метр семьдесят, с осиной талией, великолепной фигурой и походкой балерины. Каштановые вьющиеся волосы; у меня такие же. Мама всегда следила за ногтями, покрывала их красным лаком и не выходила из дома без макияжа. Я частенько словно завороженная наблюдала за тем, как она сидит у зеркала и приводит себя в порядок.

Мама всегда была очень ласкова с нами, детьми — моей младшей сестрой Машей и мной, улыбалась нам гораздо чаще, чем отец.

Работала она оператором телетайпа в ТАССе. Мама гордилась своей работой. Внешне мама отличалась от обычных женщин. Она носила туфли на высоком каблуке и красивые платья, которые отец привозил ей из своих заграничных гастролей. По делам службы ей тоже доводилось часто ездить в разные страны. Когда

мне было одиннадцать, мама провела шесть месяцев в Югославии, а весь следующий год прожила в Бонне, в Западной Германии. А когда мама была в Москве, она работала по сменам: с восьми утра до восьми вечера или с восьми вечера до восьми утра.

Поэтому за мной и сестрой присматривала ее мама, наша бабушка, Лидия Ивановна Федосеева. Нас не нужно было устраивать в детский сад, нам не требовалась няня. Бабушка сыграла в моей жизни огромную роль. Невысокого роста, немного полная, она двигалась всегда проворно, ее переполняла энергия. Однажды, когда мне было двенадцать, мы тренировались на побережье Черного моря, и один из фигуристов оставил мою сумку с вещами в аэропорту в Москве. А произошло это вот почему: в поездках у нас мальчики отвечали за багаж, а девочки — за теннисные ракетки. Я сошла с трапа, держа в руках ракетку этого мальчика, но тут выяснилось, что он забыл про мои вещи.

В первый момент я готова была его убить. Пришлось позвонить домой и попросить, чтобы мне доставили мою сумку.

Бабушка отправилась в аэропорт, нашла ее там, но не стала посылать самолетом, побоявшись, что с ней опять что-нибудь произойдет. Вместо этого она села на ночной поезд, идущий в Краснодар, а потом на автобусе добралась до курорта, где мы тренировались. Охранник, стоявший у ворот, позвонил мне и сообщил, что прибыли мои вещи. Я пошла, чтобы их забрать, и увидела свою бабушку. В этот момент я чуть не расплакалась.

— Бабушка, что ты здесь делаешь? — спросила я.

А она ответила, что привезла мою сумку.

Она пробыла у нас всего несколько часов, потом снова села на автобус и точно так же, ночным поездом, вернулась в Москву.

Бабушка всегда коротко стриглась и делала аккуратную прическу. В девятнадцать лет она поседела, волосы стали белыми, точно бумага, и с тех пор она регулярно ходила в парикмахерскую красить волосы. У нее было такое милое лицо, а голос мягкий и добрый. Я просто обожала, когда она читала нам с сестрой перед сном книжки. Мне ужасно нравились сказки братьев Гримм. Очень, очень страшные.

В основном в нашем доме готовила бабушка, а я частенько помогала ей на кухне. Она научила меня шить и вышивать и мастерила все мои костюмы для фигурного катания, пока мне не исполнилось одиннадцать лет.

А еще бабушка научила меня, как удалять желток из яйца, а затем раскрашивать скорлупу. Это было перед Пасхой. Мы все любили этот праздник. За несколько недель до Пасхи бабушка брала тарелку, наполняла ее землей, сеяла траву и каждый день

поливала. Утром в день Пасхи мы прятали разноцветные яйца в выросшую траву, а Маша их искала.

Мой дед — отец моей мамы — тоже жил с нами. Его звали Федосеев Лев Николаевич, а я называла его «дека» — сокращенно от «дедушка». Он был полковником и занимал высокий пост, преподавал в Академии бронетанковых войск, что позволяло нам вести если не роскошную, то весьма обеспеченную жизнь — по меркам Советского Союза. На работу дека всегда ходил в военной форме. Так, зимой это была теплая серая шинель, папаха и кожаные сапоги. Запах его формы казался мне диковинным, резким; после работы дед с удовольствием обедал, а в конце выпивал пару рюмочек коньяка.

Дедушка называл меня Катрин — только он один — и очень любил нас с сестрой. Он был спокойным, тихим человеком и частенько разрешал нам с Марией играть со своими военными наградами. А еще мы обожали разглядывать его исторические книги. Я помню, как листала толстые фолианты, старые, с множеством карт и описанием знаменитых сражений; мне они нравились гораздо больше, чем волшебные сказки.

Мы жили в пятикомнатной квартире на одиннадцатом этаже двенадцатиэтажного дома на Калининском проспекте. Это потрясающее место, из окон открывается великолепный вид на Москву-реку. А с балкона мы обычно смотрели на солдат, направлявшихся на парад на Красную площадь, и на праздничные салюты, которые устраивали таким образом, что сверкающие огни рассыпались прямо над рекой.

Церемония передачи Олимпийского факела в 1980 году тоже проходила на нашей улице. Мне тогда было девять лет, и я наблюдала за происходящим с балкона.

Я была самой счастливой девочкой на свете, которая ни в чем не нуждалась. Подобно большинству детей, я не задумывалась о том, как живут остальные люди. Я воспринимала все так: мы самая замечательная страна в мире и самый великий народ. Только в четырнадцать лет я начала понимать, что такое политика. И еще — если правительство тебе что-то говорит, это вовсе не обязательно правда.

Летом мои родители обычно проводили месяц на Черном море. Я ненавидела плавать. Всегда. Не знаю почему. Плаваю я не очень хорошо, а по словам мамы, девочкой я злилась, только когда что-то делала не лучшим образом. В каком-то смысле одна из этих поездок помогла мне начать кататься на коньках.

Как-то раз родители встретили на курорте знакомого фигуриста, он был тренером в ЦСКА — Центральном спортивном клубе армии. Армия, как и большинство профсоюзов бывшего

Советского Союза — автомобильной, сталелитейной, угольной промышленности, — имела свои спортивные клубы по всей стране, но самым крупным и престижным из них считался ЦСКА. Эти спортивные клубы были организованы весьма профессионально: их оснащали современным оборудованием, приглашали лучших тренеров. Занимались там с перспективными спортсменами, и в результате Советский Союз являлся ведущей спортивной державой мира.

Одним из секретов успеха был отбор талантливых детей в самом раннем возрасте. Затем начинались серьезные каждодневные тренировки, на которых будущий чемпион мог развить свой потенциал. Просмотры шли по возрастным группам, и на них допускались все желающие. Родителям вовсе не требовалось иметь отношение к армии, чтобы ребенка приняли в ЦСКА. Если его отбирали, занятия были бесплатными. ЦСКА имел базовую школу в Москве, в которой юные спортсмены получали среднее образование. Попасть в какой-нибудь клуб считалось огромной честью, в особенности в ЦСКА, поскольку спорт был одной из немногих возможностей для жителей Советского Союза поехать за границу и увидеть мир. Самые лучшие атлеты, кроме того, имели массу привилегий, недоступных простым гражданам страны,— например, могли рассчитывать на квартиру в Москве, машину и очень приличную ежемесячную зарплату.

Так вот, этот фигурист знал о том, где работает мой отец, и предложил ему осенью привести меня на каток в ЦСКА на просмотр. Мне тогда было четыре года, начинать заниматься балетом — рано, да и для фигурного катания я тоже была маловата. Но знакомый моих родителей сказал на приемной комиссии, что мне пять, а в этом возрасте детей уже принимали в клуб. Я была совсем крошечной — большое преимущество для девочки в фигурном катании, — так что меня сразу взяли.

Найти подходящие коньки оказалось невозможно, поэтому мне приходилось надевать несколько пар носков в самые маленькие ботинки, которые маме удалось отыскать.

В первый год я посещала каток два раза в неделю, потом, через год, — уже четыре. Это было всего лишь времяпрепровождение, развлечение. Никаких особых целей я перед собой не ставила. Если бы меня не отдали в фигурное катание, я занималась бы гимнастикой или танцами. Мама не верила, что из меня получится приличная фигуристка, до тех пор пока мы с Сергеем не выиграли чемпионат мира среди юниоров — мне тогда исполнилось тринадцать.

Мама хотела, чтобы я была нормальным ребенком, и считала, что я все делаю замечательно. Я никогда не мечтала об

олимпийских медалях или о поездках в другие страны, в которых побывали мои родители. Прыжки давались мне не очень хорошо. Я любила кататься на коньках — и все.

Однако у Центрального спортивного клуба армии богатая история по части воспитания чемпионов в фигурном катании, и тренеры великолепно знали, что нужно делать, чтобы подготовить ребенка к будущим победам. Мы занимались в зале три раза в неделю: выполняли специальные упражнения для брюшного пресса и ног, самые разнообразные прыжки. И еще три раза в неделю была хореография — эти уроки мне нравились. Нас учили правильно стоять, держать голову и руки — всему, что могло пригодиться потом. По периметру катка было установлено огромное зеркало, мы видели себя и старались контролировать свои движения.

Мама вспоминает, что я была очень послушным и дисциплинированным ребенком. Никому не доставляла никаких хлопот. Чтобы быть на катке в 7.00 — именно в это время нам давали лед, — мне приходилось вставать в полшестого или в шесть утра. Иногда мои родители решали, что не поведут меня на утреннюю тренировку, но я будила их со словами: «Я не могу пропустить занятия. Это моя работа».

Такой характер я унаследовала от отца. Он очень строго и требовательно обращался со мной. Впадал в ярость, если у меня были не причесаны волосы, или кофточка не заправлена в юбку, или если я забывала убрать в комнате, если я сутулилась, или на лице была грязь, или я не съедала того, что мне положили в тарелку.

В детстве я постоянно была в напряжении, когда рядом находился отец. Например, в четыре года он уже требовал от меня, чтобы я могла сказать, который час. А мама говорила: «Не волнуйся, скоро научится». Она всегда меня жалела — наверное, потому, что я была такая крошечная. Но от отца мне не приходилось ждать никаких послаблений. Когда он переступал порог моей комнаты, собираясь помочь с уроками, у меня переставала работать голова, я постоянно боялась ошибиться.

Отец все делал быстро — двигался и думал — и потому хотел получать ответы на свои вопросы мгновенно. Л я впадала в панику и ничего не соображала. Он требовал, чтобы мои домашние задания были выполнены идеально, без единой помарки. Если ему не нравились мои тетради, я переделывала задания по нескольку раз до тех пор, пока они не становились не только правильными, но и абсолютно, безупречно аккуратными. В первом классе я рисовала шестерки наоборот и, если я что-нибудь просто стирала, мне приходилось переписывать целую страницу.

Оглядываясь назад, я понимаю: отец учил меня стремиться к совершенству. Только иногда я думаю, что он несколько перебарщивал. Впрочем, когда я говорила: «Я хочу быть лучшей», или: «Я хочу закончить первой», отцу это нравилось.

Однако в глубине души он был добрым человеком. Говорят, глаза — окно в сердце; это правда, потому что глаза моего отца были добрыми. Порой он приходил ко мне в комнату, когда я ложилась спать, со словами: «Катя, прости меня, что я так с тобой строг». Он злился, если я болела, и заявлял, что я сама виновата — надела, мол, недостаточно теплую одежду. Рядом с ним я боялась даже кашлять. Но вечером он давал мне лекарство или втирал мазь в грудь и просил прощения за то, что рассердился.

Он объяснял мне, что ведет себя так, потому что крайне требовательно относится к самому себе. Когда его забрали в армию на два года, он уже был танцором и каждый вечер после тяжелого армейского дня занимался хореографией, чтобы не потерять форму. Он говорил мне, что всегда нужно делать больше, чем тебя просят. Если тренер велит прыгнуть пять раз — сделай не меньше восьми прыжков. Если кто-то делает что-то один раз, ты должна сделать два.

Теперь я вижу отца рядом с моей дочерью Дарьей и не могу поверить, что это тот же самый человек. Он терпеливо и очень подробно что-то ей объясняет. Если он просит внучку убрать игрушки, то тут же начинает помогать. Не помню, чтобы он когда-нибудь помогал мне. Когда Дарья была совсем маленькая, он кормил ее из бутылочки и постоянно брал на руки. Став дедушкой, мой отец превратился в другого человека. Изменилось, конечно, и его физическое состояние. Может быть, дело в этом.

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

Я училась в специализированной спортивной школе. В ней занимались дети не только из ЦСКА, но и из других спортивных клубов Москвы. Кроме обычных уроков, все учащиеся занимались каким-нибудь видом спорта. Одним из моих одноклассников был хоккеист Павел Буре.

Занятия в школе начинались в сентябре и продолжались до конца мая, и пока мне не исполнилось десять, летом я от фигурного катания отдыхала. Больше всего во время каникул я любила ездить на дачу — летний домик к северу от Москвы. Мы делили его еще с одной семьей. В нашей половине имелись гостиная, маленькая кухонька и три спальни. Дом находился в деревне, рядом с лесом, а недалеко была река, местами мелкая, а местами глубокая, так что я могла спокойно разгуливать по воде, а отец мог с удовольствием плавать.

Мне нравилось проводить на улице целые дни напролет. Железная дорога, соединяющая Москву и Ленинград — теперь Санкт-Петербург, — проходила всего километре от нашего дома, и пять раз в день мимо проносились поезда. Мы любили сидеть на холмах неподалеку от железнодорожного полотна и бросать камешки в проходящие поезда. Чаще всего мы играли в войну, строили секретный дом, маскировали его; я была медсестрой, ждала, когда придут солдаты, которых нужно лечить. Я бинтовала их и отправляла назад на фронт. Отец требовал, чтобы я как можно больше тренировалась, занималась растяжками, бегала — в общем, улучшала свою спортивную форму, а мне хотелось просто отдыхать. Я уже говорила, что мой отец в те годы был человеком чрезвычайно требовательным. Я любила рисовать, раскрашивать картинки, играть в куклы, шить и все такое прочее. Самые обычные вещи. На даче устраивала танцевальные праздники. Мы с сестрой придумывали настоящие спектакли, которым давали громкие названия вроде «Последний концерт Буратино». А потом мы приглашали на представления соседей.

Боюсь, я чересчур жестко обходилась с Машей, когда мы это делали, совсем как отец со мной. Она была хорошенькой, тихой девочкой с очень светлыми волосами и круглыми щечками, немного бледной, всегда носила челочки, из-за которых становилась похожей на мальчишку. Я требовала, чтобы Маша выполняла определенные балетные па в наших спектаклях, хотя она младше меня на четыре года и балетом не занималась.

«Значит, ты так не можешь?» — высокомерно говорила я и показывала какой-нибудь пируэт. Я командовала сестрой и была с

ней излишне строга.

Впрочем, больше всего я любила ходить с дедом за грибами. Он обожал лес и давал названия всем местам, мимо которых мы проходили, когда отправлялись на поиски грибов. Например, «Лес на другой стороне реки», или «Большой лес», или «Собачья дорога». В разные времена года в разных местах росли разные грибы. В сосновом бору — белые, в березовой роще — красноголовики. Хорошо собирать грибы в сентябре и октябре, но в июне появляются самые крупные, иногда больше огромного помидора.

Дека будил меня в шесть утра. Родители еще спали: они приезжали на дачу отдохнуть, и меньше всего на свете им хотелось вставать спозаранку и идти в лес за грибами. Иногда они не просыпались до двенадцати часов дня. Дед учил меня, что в лес нужно отправляться рано, чтобы тебя не опередили другие грибники. Но если мы поднимались поздно, дедушка всегда успокаивал меня, что наши грибы спрячутся и будут нас дожидаться. Он говорил правду, потому что мы всегда приходили домой с добычей.

Русский человек издавна относится к грибам как к чему-то мистическому. Существует древнее поверье, что, как только гриб попадается на глаза человеку, он сразу перестает расти. Дека не разрешал мне брать с собой корзину, когда мы шли в лес, потому что, если грибы увидят тебя с корзиной, они сразу поймут, зачем ты заявился, и спрячутся в траве, чтобы ты их не отыскал. Мы никогда не носили с собой нож. «Представляешь, что подумают о тебе грибы, если заметят, как ты крадешься среди высокой травы с корзинкой и страшным ножом в руке? Они испугаются!»

Дека прятал полиэтиленовый мешок мне в карман брюк, а другой прятал у себя и подчеркивал, что только в этом случае грибы нас к себе подпустят. Мы заходили далеко в березовый лес. Я с трудом поспевала за дедом, но старалась изо всех сил, боялась, что он не возьмет меня с собой в следующий раз.

Когда наши мешки наполнялись и мы возвращались домой, все страшно радовались — ведь бабушка готовила из грибов очень вкусные блюда. Грибы старательно чистили, а потом мыли два раза. И только после этого бабушка начинала стряпать. Иногда она их резала, смешивала с луком, яйцами и специями — это был начинка для пирожков, которые бабуля жарила в масле. Или варила грибной суп. А частенько мариновала. Я люблю маринованные грибы, поэтому бабушка делала для меня отдельную банку, в которую складывала самые маленькие грибочки — ведь я тоже была самой маленькой. К сожалению, я терпеть не могу грибной суп. Да и вообще, мне больше нравилось

собирать с дедом грибы, чем их есть.

А еще дека брал меня на рыбалку. Он смастерил удочки: маленькую — для меня и большую — для себя. Сначала мы отправлялись за червяками. Довольно противное занятие, и теперь я вряд ли стану это делать, но в десять лет мне нравилось нацеплять червяков на крючок. Красные, мерзкие, чем толще, тем лучше. Мы ловили на них карпов. Отец тоже иногда рыбачил — охотился на угрей: обязательно ночью находил подходящее место, включал фонарь и, когда они плыли на свет, насаживал угрей на острогу. А потом я помогала ему их коптить. Очень, очень вкусно.

У меня было замечательное детство, о котором осталось множество счастливых воспоминаний.

Вначале я каталась одна — пары создавались, только когда девочкам исполнялось одиннадцать, — и гордилась тем, что мои родители не приходили на тренировки, чтобы на меня посмотреть. Большинство мам и пап частенько появлялись на занятиях, и мне было жалко таких детей. Они взрослеют, начинают выступать в серьезных соревнованиях, но, откатав программу, все так же первым делом ищут глазами тренера, а потом маму или папу.

Впрочем, отец каждый день спрашивал меня, как проходят тренировки. Именно поэтому мне всегда хотелось делать все очень хорошо. Я не могла ему солгать. Если у меня что-то не получалось, я честно говорила, и он сердился. Вот почему я любила, когда меня после тренировки забирала бабушка, а не отец. Она это знала, и, хотя ей приходилось ехать на двух автобусах и метро, старалась прийти за мной сама. Отец частенько заезжал за мной на машине, и, если на его вопросы я отвечала, что все прошло нормально, это было плохо. Неправильный ответ. Если же я заявляла, что у меня все в порядке, его интересовали подробности. Он желал знать про все прыжки, которые я выполняю, и про трудности, с которыми мне приходится сталкиваться. Иными словами, после тренировки я была вынуждена сдавать своего рода экзамен.

Если юный фигурист, тренировавшийся в армейском клубе, не улучшал свои показатели в течение года, его или ее не переводили в следующий класс в спортивной школе. Чтобы вы поняли, насколько это было трудно, приведу пример: когда я начала кататься, в нашем классе училось около сорока ребят, занимавшихся фигурным катанием в клубе ЦСКА. К окончанию школы осталось пять девочек и пять мальчиков.

Каждый год у нас проводились соревнования, что-то вроде итогового экзамена. Я не очень хорошо прыгала, поэтому и не

могла рассчитывать на серьезные результаты в одиночном катании. Самое высокое место, которое мне удалось занять в таком соревновании, было третье; самое низкое — шестое. Однажды отец пришел на один из подобных экзаменов, начавшийся в семь часов утра. Я страшно нервничала из-за того, что он появился, и, надевая костюм, зацепила молнией волосы. А когда вышла на лед, поняла, что у меня не шевелится голова — хвост застрял в молнии, и я ничего не могу с этим поделать. В конце концов пришлось остановиться и подойти к судье. Мне позволили распутать волосы и начать снова. Потом отец долго хмурился, ходил с недовольным видом и больше не появлялся на моих выступлениях, пока я не стала кататься в паре.

Отец по-прежнему мечтал, что я поступлю в хореографическое училище, и, когда мне исполнилось десять, попросил меня принять участие в конкурсе. Я согласилась только потому, что он этого хотел. Вот очередной пример моего послушания. Впрочем, теперь могу признаться, что я не очень старалась во время отбора.

Я ходила на приемные экзамены вместе с подругой, Оксаной Коваль. Она тоже занималась фигурным катанием и была на целую голову выше меня. Ее зачислили, а меня нет — из-за роста. Оксана стала балериной, а ведь не пройди она тогда испытания, может, именно она каталась бы в паре с Сергеем. Вот так распоряжается нами судьба.

Когда я не поступила в балетную школу, отец был страшно разочарован и расстроен, а мама обрадовалась. Она прекрасно знала, как трудно стать хорошей балериной и как часто бывает, что из де, отобранной приемной комиссией, ничего путного не получается. Что до меня, я относилась к провалу совершенно спокойно, поскольку один из тренеров мне сказал: «Не волнуйся ты из-за этого экзамена. Ты прославишься в парном катании». Он поговорил с отцом и убедил его в том, что в фигурном катании меня ждет большое будущее, если мне найдут стоящего партнера. И все же отец никак не мог скрыть своего огорчения. Мне никогда не удавалось сделать все так хорошо, чтобы он остался мной доволен. Вот разве только на Олимпийских играх все было в порядке.

СЕРГЕЙ

Той весной, когда мне исполнилось одиннадцать, мою подружку Оксану Коваль и меня пригласили на большой каток, где работали пары и мальчики, которые были старше нас. Среди них находился и Сергей. Тренеры велели нам немного покататься. Ничего в этом особенного не было, но мы с Оксаной знали, что все это не просто так и что из нашей группы выбрали только нас двоих. Из разговоров фигуристов мы поняли, что Сергею ищут партнершу.

Тем летом Оксана поступила в балетную школу. Когда я вернулась на тренировки в начале следующего сезона, Владимир Захаров, который работал с парами, велел прийти на очередную тренировку пораньше, поскольку он выбрал для меня партнера. Я страшно волновалась, потому что была уверена — это Сергей.

Мы с ним до того момента ни разу даже не разговаривали. Я помнила только, что видела стройного, красивого мальчика — Сергея Гринькова на льду вместе с другими фигуристами, да еще в школе. Он был настолько меня старше — четыре года в детстве кажутся целой жизнью, что мне и в голову не приходило, что мы когда-нибудь будем кататься вместе. В школе я пару раз обращала на него внимание: он не носил обязательной синей формы, как другие. Впрочем, Сергей всегда выглядел аккуратно. Иногда он приходил на уроки в отличных брюках и пиджаке и в узком черном кожаном галстуке, чрезвычайно в те времена модном. А учебники Сергей носил не в рюкзаке, а в дипломате. Это было страшно стильно и выделяло его среди остальных.

Он был хорошим фигуристом-одиночником — пришел в армейский клуб в пять лет, — но ему не очень давались прыжки, именно поэтому ему предложили перейти в парное катание. Правда, возникали сомнения насчет того, достаточно ли он силен. Когда мы только начали тренироваться вместе, руки у Сергея были маленькими, так что мой небольшой рост оказался весьма кстати. Но он занялся специальной силовой подготовкой и быстро набрал нужную форму. У меня хранятся его фотографии, сделанные в летнем лагере на Иссык-Куле, где мы тренировались. Он уже и тогда был широкоплечим красавцем. Но в те дни я была слепа и ничего этого не замечала. Считала его всего лишь партнером, не более того.

Сергей всегда был очень спокойным и застенчивым и не любил о себе рассказывать. Прошлым летом, за несколько месяцев до его смерти, я сказала: «Серега, наверное, я старею. Знаешь, как старики любят вспоминать свое детство? Я все чаще и

чаще думаю о тех временах».

А он мне ответил: «Не волнуйся, Катюха, я тоже думаю о детстве. Давай я расскажу тебе парочку историй о себе».

«Катюха» — так он называл меня обычно, а вот «Катя» — когда речь шла о чем-нибудь серьезном. Например: «Катя, сегодня нам нужно заняться налогами». А когда он хотел показать, что любит меня, тогда говорил «Катюша», очень нежно и тихо.

Раньше Сергей редко вспоминал свое детство.

Конечно же, я знала, что его родители — Анна Филипповна и Михаил Кондратьевич Гриньковы — работали в московской милиции. Может показаться необычным, что сын милиционеров стал фигуристом, но в семидесятых годах фигурное катание было очень популярно в Москве. Это был молодой, перспективный вид спорта, и соревнования так часто транслировали по телевидению, что многие дети хотели испытать свою судьбу. А их мамы и папы с радостью поощряли желание детей заниматься спортом — любым.

Гриньковы приехали в Москву из Липецка. Так что бабушки и дедушки заботиться о Сергее не могли. Поэтому родители отдали его в круглосуточный детский сад, а затем в школу-интернат, где дети проводили целый день и оставались на ночь. В шесть, семь, восемь лет родители приводили его туда по понедельникам, а в пятницу после работы забирали. Иногда они говорили: «Не расстраивайся, Сергей, мы возьмем тебя пораньше, может быть, в среду или четверг». Сергей ждал и ждал, стоя у окна и глядя на улицу, а когда оказывалось, что они не сдержали обещания, он плакал.

Сергей рассказал мне еще одну историю: про то, как зимой родители отправили его в какой-то лагерь, где днем дети спали в гамаках на улице в мороз! Наверное, они страшно мерзли. Но солнце, отражающееся от снега, было таким ярким, что Сергею и другим детям приходилось закрывать глаза. А потому они быстро засыпали. Если ты вел себя хорошо и не плакал, после сна тебе давали кусочек шоколадки.

Поведав мне эти две истории, Сергей сказал, что сумел справиться со всеми трудностями; вот и нам не следует расстраиваться из-за того, что мы отдали Дарью в детский сад.

Анна Филипповна, мать Сергея, говорила мне, что, когда он был маленьким, ей с трудом удавалось следить за тем, чтобы его одежда всегда оставалась чистой. Отправляя сына в школу, она предупреждала, чтобы он постарался не пачкаться, но кончалось дело тем, что Сергей умудрялся свалиться в таз с водой или происходило еще что-нибудь в таком роде. Не могу себе представить, что Анна Филипповна относилась к этому спокойно,

но Сергей никогда не жаловался на мать, хотя она и была очень строгой женщиной.

Нельзя сказать, чтобы Сергей был образцовым учеником в школе. И вовсе не потому, что он плохо себя вел или демонстрировал учителям неуважение; просто он всегда ненавидел конформизм, презирал лицемерие и притворство. Считал, что не должен улыбаться тому, кто ему не нравится. И никак не мог понять, почему я стараюсь поддерживать с людьми — со всеми людьми — хорошие отношения, даже с теми, кто обидел меня или причинил мне боль. В этом мы с ним очень отличались друг от друга.

Сергей жил на окраине Москвы, в доме возле Москвы-реки, а на берегу был пляж, куда многие приезжали купаться. Сергей очень любил море, любил плавать и терпеть не мог ходить в походы. Еще он обожал игровые виды спорта — теннис, футбол, хоккей — и, как большинство мальчишек, просто с ума сходил от солдатиков. Его мать рассказывала мне, что он мог просидеть, играя с ними, несколько часов подряд.

Я видела отца Сергея только два раза до его кончины в 1990 году. Это был человек крупного сложения, тихий и очень спокойный — характером Сергей пошел в отца. Михаил Кондратьевич с трудом помещался в своей маленькой машине, поэтому первым делом, заработав приличные деньги, Сергей купил отцу другой автомобиль.

Они жили вчетвером: родители, Сергей и его сестра Наташа — в трехкомнатной квартире с малюсенькой кухней. Наташа на семь лет старше Сергея и очень на него похожа — те же глаза, рот и такая же скромная. Она была ему самым близким человеком. Родители работали, а сестра заменяла Сергею мать, и они любили оставаться вместе. Наталья умела справляться с трудностями, а это качество характера Сергей очень ценил в людях: нельзя показывать, что тебе больно. Наталья всегда была очень мужественным человеком. Однажды Сережа рассказал мне о случае из их детства. Когда ему было лет пять или шесть, он нечаянно прищемил сестре палец дверью. Наталья бросилась в ванну остановить кровь и быстро закрыла за собой дверь — не хотела, чтобы маленький брат все это видел и испугался. Рана была очень серьезной — у нее даже остался шрам, — но Наталья не расплакалась и показала Сергею палец, только когда все зажило. И много лет спустя Сергей не переставал удивляться твердости ее духа. Впрочем, жизнь сложилась у Наташи нелегко, и твердость духа ей очень понадобилась. Наталья недолго побыла замужем, родила дочь, Светлану, но брак распался. В восьмидесятых годах разводы случались очень часто, среди

прочего потому, что начинались проблемы с жильем. Купить квартиру было невозможно. Приходилось идти к официальным властям, объяснять, что ты, например, вышла замуж и живешь с родителями, что твой муж тоже живет с родителями и вы нуждаетесь в собственном уголке. После этого надо было ждать, пока вам дадут государственную квартиру. Вас ставили на очередь, но никто не знал, сколько времени пройдет, прежде чем вы сможете поселиться в собственной квартире. А пока вы жили с одними родителями или с другими и были лишены возможности вести себя так, как считаете правильным. Возникали стрессовые ситуации, которые в конце концов и приводили к разрыву. У Натальи все произошло именно так.

Захаров замечательно тренировал начинающие пары. Приехав из Свердловска, города, где воспитали немало хороших фигуристов, он и сам выступал в парном катании, а потому знал, как лучше и легче всего научить своих подопечных выполнять необходимые элементы. В России есть такая поговорка: Зачем заново изобретать колесо?» Мне кажется, это одна из проблем, с которыми сталкиваются спортивные пары в Соединенных Штатах и Канаде: пытаются выучить все элементы по-своему, словно они выполняются в первый раз.

Обычно Захаров — человек спокойный — вначале терпеливо, ровно и невозмутимо объяснял, что мы должны были сделать. Только потом начинал раздражаться. У него были голубые глаза и смуглая кожа, летом он здорово загорал. Невысокого роста, но сильный и крепкий человек. Я прекрасно помню его руки. Он с легкостью поднимал меня в воздух, чтобы показать Сергею, как нужно правильно делать поддержки; Сергею, тогда еще подростку, они давались с трудом. Захаров заставлял его тренироваться с тяжелым железным стулом, потому что держать стул очень неудобно как и человека.

Когда одиночник начинает заниматься парным катанием, ему приходится отрабатывать все, чему он научился, заново, Например, даже такая простая штука, как дорожка шагов, здесь выглядит иначе: ведь теперь у тебя есть партнер и нужно стремиться к тому, чтобы твое тело двигалось одновременно с его телом. Мы в течение целой недели по два часа в день тренировали дорожку на льду. Бедный Сергей, его ноги были настолько длиннее моих, что ему никак не удавалось сделать полный шаг!

Нам пришлось заново разбирать технику исполнения вращений, потому что теперь мы должны были обращать внимание на синхронность, чтобы все наши линии» совпадали. Тодес — очень трудный элемент. Оба партнера должны

правильно напрягать руки. Сначала я слишком сильно отклонялась назад, потом Сергей. В результате, не успев начал вращение, мы оказывались на льду. Когда мы работали над этим элементом, у меня на теле не было живого места, а ведь он кажется таким простым, если делать его правильно. Однако эта простота лишь кажущаяся. Мышцы живота партнерши должны быть постоянно напряжены.

А еще мы бесконечно занимались прыжками. Когда катаешься одна, можешь прыгать в любой момент — нужно только подготовиться. А с партнером это следует делать вместе, именно сейчас, и никого не интересует, готова ты или нет. Поддержки, как и любые другие движения, зависят от техники их исполнения, в каждой нужно по-своему держать руки. После тренировок у меня невыносимо болели кисти, и, чтобы их укрепить, я поднимала штангу, к которой на веревке подвешивали какой-нибудь груз. А Сергею приходилось разучивать особые шаги, чтобы не споткнуться и не упасть, когда он держит меня на руках. Захаров объяснял все, что нам следовало знать.

Я не боялась поддержек и всегда чувствовала себя в безопасности, когда Сергей меня поднимал. А вот выбросов я боялась панически. Во время выброса партнерша прыгает в тот самый момент, когда партнер кидает ее, словно тряпичную куклу, схватив за руку и талию. Мы с Сергеем часто выполняли тройной сальхов и двойной аксель. Во время броска партнерша в этом случае летит дальше, чем если бы она прыгала сама. Мы тренировались на толстых матах в зале, а когда у нас начинало хорошо получаться, переходили на лед. Захаров говорил что-нибудь вроде: Сегодня будем отрабатывать спирали, поддержки, вращения, а потом выбросы». Стоило ему произнести это слово, и я всю тренировку думала только о том, что меня ждет в самом конце.

Я постоянно падала, когда училась приземляться. Недостаточно быстро вращалась, слишком поздно разводила в стороны руки или не сгибала правую ногу, а левую не успевала вытянуть как полагается. Когда тебя подбрасывают в воздух, очень трудно определить, где находится лед. Я падала, падала и падала. И тогда Сергей шептал:

— По-моему, тебе следует сходить перешнуровать ботинки.

Он так делал, если уставал: говорил, что у него что-то случилось с ботинками.

— Пойди посиди немного, — советовал он мне, — я больше не могу тебя бросать.

А я отвечала:

— Зачем мне сидеть? Я только замерзну и стану бояться еще

больше. Лучше уж сделать еще десять раз и покончить на сегодня.

Сергей снова меня бросал, а я снова падала. У него делалось грустное лицо, но он прятал от меня глаза, потому что был не в силах смотреть, как я раз за разом оказываюсь на льду. Но он ни разу на меня не разозлился. Некоторые партнеры сердятся, если у партнерши не получаются приземления после бросков. Парное катание может быть очень опасным для девушек. Я видела молодых людей, которые доходили до такого состояния, что становились жестокими и специально швыряли партнершу не туда, куда она ожидала, или подбрасывали слишком высоко. Последствия таких действий могут быть крайне серьезными. Сергей никогда ничего подобного себе не позволял.

Я не плакала. Ну может быть, чуть-чуть, я не очень помню. Станислав Жук, ставший нашим тренером, когда мы немного подросли, обычно говорил Сергею:

— Ты должен бросать ее так, словно она хрустальная ваза.

Возможно, это правильно, но мне аналогия совсем не нравилась. Почему ваза? Почему не человек? Я не ваза. Впрочем, кажется, эти слова помогли Сергею обращаться со мной более осторожно.

Все фигуристы в нашем клубе называли меня «баба Катя». Меня это прозвище сердило, но дали его мне потому, что я просто обожала вышивать.

А еще, наверное, потому, что я была очень серьезной, исполнительной и аккуратной. Когда мы куда-нибудь ехали, я не расставалась с маленькой сумочкой, собранной моей бабушкой. В ней находилось все, что может понадобиться фигуристу, если что-нибудь случится с его костюмом: булавки, ленточки, резинки, ножницы, нитки. И еще сладкое печенье, конфеты и бутерброды. На мои возражения бабушка всегда заявляла:

— Сама не захочешь — Сергей съест.

Сергей ей нравился, и она частенько пекла для него пирожки с мясом или творогом.

В начале второго года нашего совместного катания Сергей уже в который раз не явился на утреннюю тренировку. Естественно, я была на месте, потому что никогда и ничего не пропускала; если бы мне велели отправиться на Луну, я бы немедленно это сделала. Потерявший терпение Захаров приказал мне возвращаться домой и больше в тот день на каток не приходить. Он сказал:

— С Сергеем у тебя нет будущего, я больше не стану с ним работать. Ты, Катя, продолжай кататься одна, а мы будем искать тебе нового партнера.

Я считала, что это несправедливо. Гордилась тем, что катаюсь

с Сергеем, и всегда чувствовала себя рядом с ним спокойно и уверенно. Я относилась к нему как к старшему брату и знала, что он пропустил не больше тренировок, чем остальные ребята. Не больше, чем сам Захаров. Он был самым обычным мальчишкой, который еще не заболел фигурным катанием окончательно и бесповоротно и который еще не решил, что спорт станет делом его жизни. Но Захаров держался с ним слишком строго и чересчур сурово реагировал на его ошибки. Захаров позвонил нашим родителям и попросил их на следующий день прийти в клуб. Естественно, это было очень необычно, поэтому мои мама и папа захотели встретиться вечером с родителями Сергея и поговорить с ними, прежде чем идти к Захарову. Тогда они и познакомились. Мой отец сказал, что, по его мнению, Сергей — хороший фигурист, что у него отличная фигура, возможно, он недостаточно силен, но для шестнадцатилетнего мальчика сложен просто отлично. Однако отец считал, что Сергею следует больше внимания уделять тренировкам. Все хотели, чтобы он понял, что поступает неправильно, слишком часто пропуская занятия на льду. Поэтому мои родители дождались, когда Сергей вернется. Он был потрясен, увидев их у себя дома. У него сразу вырвалось: «Где Катя?» — потому что вечерних занятий у меня не было, и я осталась дома. В тот момент он еще не понимал, насколько серьезно обстоит дело.

Мои родители сказали Сергею, чтобы он позвонил мне домой. И мы с ним решили на следующий день перед тренировкой обсудить наши проблемы в метро. Мы в первый раз встречались не на льду. Я была очень расстроена и плакала — я же знала, как сильно зол на Сергея Захаров. Знала, что он отказался с ним работать, а мысль о том, что мне придется поменять партнера, пугала. Не знаю почему, но я всегда считала, что со мной сможет кататься только Сергей. Романтические чувства не имеют к этой уверенности никакого отношения. Конечно, он был мне очень симпатичен, но поскольку был намного меня старше, я и надеяться не смела, что он может испытывать ко мне что-нибудь особенное. Но мне нравилось быть с ним рядом. Впрочем, моего мнения никто не спрашивал. Только в Америке тренеров занимает, что чувствуют фигуристы. У нас говорят так: «Давай катайся. А свои недовольства оставь при себе».

Встретившись с нашими родителями, Захаров разговаривал с ними очень резко, сказал, что я не должна кататься с Сергеем, поскольку он плохой партнер.

Тогда мать Сергея ответила:

— Отлично, мы уходим из ЦСКА и пойдем в какой-нибудь

другой спортивный клуб, где Сергей займется спортивными танцами на льду.

Она всегда считала парное катание самым тяжелым видом фигурного катания, потому что партнеру приходится часто поднимать партнершу, Кроме того, в танцах не нужно прыгать.

Но мои родители, которые прекрасно знали, как я ко всему этому отношусь, сказали ей, что я не буду кататься ни с кем другим. Они считали, что решение должны принять мы сами. А вовсе не Захаров.

Именно тогда мы поняли, что будем продолжать тренироваться вместе.

Поэтому, позанимавшись с нами год, Захаров от нас ушел. Нашим новым тренером стала Надежда Шеваловская, тоже работавшая в ЦСКА. Ее подруга, бывшая фигуристка, училась в театральном институте на факультете хореографии, и Шеваловская попросила ее сделать для нас с Сергеем несколько программ.

Так в нашу жизнь вошла несравненная Марина Зуева.

Мы были молоды, и она тоже. Мы с Сергеем стали ее будущим. В качестве дипломной работы Марина должна была представить комиссии готовую программу, и мы откатали ее для нашего нового хореографа. Музыка была очень красивой и романтичной, исполнял ее хор мальчиков. И никаких выбросов, которых я по-прежнему страшно боялась.

Я очень нервничала в тот день, когда на каток должны были прийти преподаватели театрального института, чтобы оценить работу Марины. Но она сказала нам тогда и потом часто повторяла:

— Вас не должны беспокоить судьи. Они самые обычные люди, которые хотят получить удовольствие от вашего выступления. Они счастливы, что им не нужно сидеть в своих кабинетах. Ваше дело — доставить им радость.

Когда Марина только начала с нами работать, она была худенькой девушкой с длинными, черными, совершенно прямыми волосами, красила ногти ярко-красным лаком, и мне это ужасно нравилось. А еще у нее были длинные изящные пальцы. Если она хотела подправить какое-то движение, ее прикосновения были мягкими и осторожными — и очень приятными.

Марина в одежде все годы следовала моде, и меня всегда поражало, как ей удается за один день полностью изменить свою внешность, оставаясь модной и привлекательной. Многое из того, что Марина носила, она шила сама и с большим вкусом. Она начала надевать леггинсы и длинные свитера, когда они еще только входили в моду. Она была первооткрывателем, и ее не

волновало, что скажут люди. В те времена, если ты выделялся, о тебе обязательно начинали болтать всякую чепуху. Сейчас, естественно, все переменилось. Теперь люди, как безумные, тратят деньги, стараясь угнаться за модой. Сумасшествие какое-то. Тогда все было иначе.

Создавая новую программу, Марина подробно описывала каждый элемент, объясняла, зачем нужно держать руки так, а не иначе, почему она хочет, чтобы некоторые движения были мягкими, а другие, наоборот, резкими. Иногда она приносила на тренировки картинки и просила нас повторить ту или иную позу, Или предлагала изобразить весну, цветы, птиц, любовь, солнце. А потом зиму. Или что-нибудь нарисовать на льду.

Сергей порой смеялся над этими упражнениями, потому что Марина, случалось, предлагала отобразить что-то совсем необычное. Она могла сказать: «Давай, пробеги по льду, словно ты маленький зверек». И уделяла много внимания нашей мимике. После тренировок, обычно с половины восьмого до половины десятого, мы простаивали перед зеркалом и пробовали изобразить на своих лицах разные выражения. Марина просила: «Сделайся смешной». А потом хотела, чтобы мы показали грусть. И мы послушно следовали всем ее указаниям.

Когда у Марины рождалась новая программа, она всегда вначале была невероятно трудной, но потом, чтобы ее можно было исполнить, Марина отказывалась от некоторых элементов. Например, два раза хлопнуть в ладоши во время дорожки шагов, повернуть голову, а после этого сделать какой-нибудь сложный прыжок невозможно. Тогда Сергей просил ее показать нам, что она хочет от нас получить. Он спрашивал: «А ты сама так сможешь, Марина?» Или: «Марина, перед прыжком нельзя закрывать глаза».

На нашем первом чемпионате мира среди юниоров в Саппоро, в Японии, в декабре 1983 года мы заняли шестое место. И это после трех месяцев тренировок с Шеваловской! На следующий год, когда чемпионат мира среди юниоров проводился в Бродморе, мы уже стали первыми. Сергею было семнадцать лет, а мне — тринадцать.

Тогда мы впервые попали в Соединенные Штаты, и нам казалось, что мы перенеслись в сказочный мир. Было Рождество, много снега, елки в ярких украшениях. Я привезла домой две игрушки в качестве сувениров, золотую и небесно-голубую, — утащила их прямо с елки. Повсюду горели свечи и разгуливали Санта-Клаусы. А потом снег прекратился, выглянуло солнышко —

так бывает иногда во сне, — и снежинки превратились в сверкающие кусочки хрусталя.

В Бродморе есть маленький прудик, где плавают утки, и мы с Сергеем часто ходили их кормить. Я была в восторге от той красоты, что меня окружала. Потом потеплело, и помню, я очень удивилась, что на улице зима, а пальто можно не надевать.

Все нас предупреждали, что кататься будет очень трудно — ведь стадион расположен высоко над уровнем моря. Один из фигуристов не закончил программу, потому что вдруг начал кашлять кровью. Но с нами все было в порядке, мы чисто откатали программу, наши тренеры сказали, что это самое главное. Не нужно слишком стараться, говорили нам. Никто не рассчитывал на то, что мы победим, и после того, как это произошло, я отправилась в игрушечный магазин, чтобы отметить успех. Мне ужасно понравилась маленькая обезьянка, которая стоила шесть долларов, а поскольку для меня это были огромные деньги, я выменяла ее у продавца на матрешку, которую привезла с собой. А потом попросила Сергея поменять другую на водолазку с эмблемой чемпионата. В те времена в Москве было нелегко купить приличную детскую одежду, и я всегда старалась привезти своей сестре столько же подарков, сколько покупала себе.

Я приобрела нам обеим по паре брюк и по кофточке, теплые сапоги для Маши и длинное зимнее пальто для себя. Пальто стоило шестьдесят долларов — целое состояние. Но дома такого я не купила бы ни за что на свете. А подругам я всегда привозила мыло, шампунь и лосьоны, которые нам давали в гостиницах в качестве подарков.

После соревнований был банкет, из которого я запомнила только то, что Сергей все время разговаривал с девушками из танцевальных пар — все они были в великолепных платьях. В обычной жизни, не на льду, он не обращал на меня никакого внимания. Мы еще не стали близкими друзьями, я была слишком маленькой для него. Например, когда мы летели на самолете домой, я сидела с Владимиром Петренко, младшим братом Виктора и моим ровесником. Мы ели мороженое и не могли поверить, что такое возможно — как же удалось персоналу сохранить его, ведь перелет занял много часов!

Четвертого февраля Сергею исполнилось восемнадцать, и я преподнесла ему свой первый подарок: брелок для ключей, который отец привез из Испании, — маленький пистолет на цепочке, стрелявший пистонами. И хотя подарок был скромным, я так стеснялась, что места себе не находила от беспокойства. Но Сергею брелок понравился, и он носил его с собой. Я была страшно довольна.

Той весной мы участвовали в Кубке Дружбы, который проводился в красивом горном курорте в Болгарии, После соревнований вся наша команда выбежала на улицу и мы начали играть в снежки и валяться в снегу; была очень весело. Сергей просто обожал такого рода развлечения. Именно тогда я впервые поняла, что он мне нравится и что мне хорошо рядом с ним.

Я никому не говорила о своих чувствах. К сожалению, у меня никогда не было близких подруг, с которыми я могла бы делиться секретами. Может, если бы я чаще бывала дома, я бы рассказала о своем открытии маме. Но мы так много времени проводили на сборах и соревнованиях, что я гораздо реже виделась со своей семьей, чем с Сергеем. Из фигуристок нашего клуба я больше всего общалась с Анной Кондрашовой, но Анна была на семь лет старше и считала меня ребенком. Так было всю жизнь — я редко проводила время в обществе своих сверстников.

Так что пришлось мне самой разбираться с новыми, загадочными ощущениями, царившими в моей душе, а опыта у меня никакого не было. Иногда мне становилось грустно, однако я думала, что просто скучаю по дому и к моей грусти одиночество не имеет никакого отношения. Я так серьезно относилась к тренировкам в тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать лет, что не ходила в гости к другим девочкам, чтобы поболтать, посплетничать и заняться прочими глупостями, на которые тратят время подростки. Но ведь как раз в этом возрасте и принято обсуждать влюбленность, мальчиков и разные чувства. Этот пробел в моей жизни мне уже не восполнить.

Вот почему, среди прочего, меня влекло к Сергею. Вокруг него всегда были друзья. Он мог пойти, куда хотел, и делать все, что пожелает. Мне казалось, что его жизнь кардинально отличается от моей.

НЕСЧАСТНЫЙ, БЕЗЖАЛОСТНЫЙ ЖУК

В мае 1985 года мне исполнилось четырнадцать. Сергей постеснялся прийти ко мне на праздник, но позвонил и попросил с ним встретиться. Мы выбрали место возле метро неподалеку от моего дома.

Естественно, я очень волновалась. Я уже говорила, что Сергей редко проводил со мной время вне катка. Он пришел, и я увидела, что он держит в руках огромную игрушечную собаку, белую с коричневым. Страшно дорогую. Когда я оглядываюсь назад и вспоминаю о том, как редко Сергей делал мне сюрпризы, меня поражает, что он решился купить такой чудесный подарок. С тех пор эта собака всегда со мной, в моей постели.

Марина Зуева приготовила для нас очень трудную короткую программу в сезоне 1985/1986 годов на музыку Скотта Джоплина, в которой большая нагрузка падала на ноги и требовалась выразительная мимика. Сергей обладал удивительными актерскими способностями, у него все получалось естественно и не мешало катанию. Марина частенько просила меня за ним понаблюдать и постараться сделать так, как он. Они одинаково мыслили. Марина была ближе к Сергею, чем ко мне, потому что он был старше и их вкусы во многом сходились. В ее глазах я оставалась девчонкой, слишком маленькой, чтобы участвовать в их спорах о прочитанных книгах, в философствованиях о жизни.

А еще Марина сочинила для нас длинную программу с очень трудной хореографией на попурри из произведений Дюка Эллингтона и Луи Армстронга. Эта музыка была гораздо сложнее, чем у остальных пар, и нам она ужасно нравилась. На соревнованиях в Канаде в начале года я упала, когда мы делали параллельный тройной сальхов — труднейший элемент, который Шеваловская вставила в программу.

Главным тренером армейского клуба тогда был Станислав Алексеевич Жук. После моей ошибки он заявил Марине, что я упала, поскольку программа никуда не годится, и что он сделает для нас новую, простую и без затей, в которой будут лишь элементы фигурного катания и никакой хореографии. И еще объявил, что с этого момента будет нашим тренером. Так начался самый долгий и трудный год в нашей с Сергеем спортивной жизни.

Жук тоже когда-то выступал в парном катании, трижды занимал второе место в европейских чемпионатах с 1958 по 1960 год. Ему было уже за пятьдесят; круглолицый, невысокий, с огромным животом и поразительными глазами — маленькими,

темными. Казалось, они заглядывают в самые глубины твоей души. Когда он смотрел на меня из-под нависших бровей, мне всегда становилось страшно. Он невероятно быстро двигался, у него были сильные, но неприятные руки. Мне не нравилось, когда он показывал нам, как нужно выполнять то или иное движение.

Сергей частенько потешался над Жуком. Мы изображали его стремительную походку, когда он шел быстро, маленькими шажками. Сергею наш тренер не нравился как человек. Жук довольно часто бывал нетрезв и резко, иногда даже грубо разговаривал с ребятами. Порой грязно ругался. Очень любил ими командовать, точно солдатами, — ведь они тренировались в армейском клубе. «У меня чин выше твоего». Жук просто обожал это армейское правило.

Обычно мы тренировались с 9.00 до 10.45 утра, затем еще сорок пять минут занимались поддержками.

Потом я шла в школу, делала уроки, а к половине седьмого возвращалась на тренировку, которая продолжалась до половины десятого.

Сергей уже окончил школу и любил днем поспать. Однако Жук считал, что спать днем можно не больше сорока пяти минут, иначе ты не сможешь как следует работать вечером. Наш друг Александр Фадеев, фигурист-одиночник, которого тоже тренировал Жук, мог проспать и три часа подряд. И Сергей тоже. В результате Жук начал всем рассказывать, что Сергей ленив и не знает, что такое дисциплина, не слушается тренера и пропускает тренировки. Л мне он постоянно твердил, что намерен подобрать нового партнера, что ему не нравятся привычки Сергея.

Когда он это говорил, я его ненавидела, поскольку твердо знала, что со мной может кататься только Сергей, и я не собиралась менять партнера. Но Жук продолжал ругать Сергея, постоянно повторяя одну и ту же фразу: Сергей нарушает режим».

Жук злился из-за того, что Сергей не принимал его всерьез, что вне тренировок его игнорировал. Сергей часто повторял:

— Что я делаю после тренировок, вас не касается. Если я захочу выпить кружку пива, я это сделаю. А если в воскресенье у нас нет тренировки, я не собираюсь вставать в семь часов утра.

Жук мог приказать мне все что угодно, и я бы это выполнила, поскольку, как уже говорила, была очень послушна. И потому меня страшно беспокоило поведение Сергея. Мне казалось, что он совсем не стремится к успеху. Ужасная глупость с моей стороны, ведь на самом деле он занимался тяжелой атлетикой, чтобы стать сильнее, да и катался просто великолепно. Что бы Сергей ни делал — играл ли в теннис, футбол, или бегал,— он всегда старался победить. У него были свои жизненные правила, и хотя

Сергей никому о них не рассказывал, он жил, следуя собственному кодексу. Он твердо знал, что хорошо, а что плохо. В отличие от меня — я вечно без рассуждений принимала то, что говорили другие.

Жук стремился занимать нас как можно больше и постоянно держать возле себя. Видимо, из-за того, что был одинок. А возможно, чтобы не пить. Он хотел контролировать наши жизни. Частенько повторял:

— Если я с вами не стану работать, вам ни за что не попасть в олимпийскую команду, да и на чемпионат мира вас никто не возьмет.

Он старался сделать так, чтобы мы полностью от него зависели, чтобы считали, будто лишь он один в состоянии позаботиться о нашем здоровье и научить нас правильно питаться и спать.

Заставлял нас вести дневники: сколько выбросов, вращений и прыжков мы попытались сделать, сколько раз приземлились верно, как чувствовали себя перед тренировкой, как — после. Мы должны были делать эти записи каждый вечер. Сергей категорически отказывался. Брал мой дневник и все списывал. Зато я всегда выполняла задания тренера очень старательно. У меня просто отлично все получалось. Жук приказал нам приносить дневники на тренировки, чтобы он мог их проверять. А в конце месяца нужно было все суммировать — сколько часов проведено на льду, сколько прыжков сделано, сколько приземлений, сколько ошибок. Меня от всего этого охватывал самый настоящий ужас.

Летом Жук любил возить нас в два места, где проводил обычные тренировки, не на льду. Одно из них — курорт на Черном море, с очень мягким климатом. Мы отправлялись туда в середине мая – начале июня. Встречались в семь утра каждое утро, и Жук рассказывал нам, чем предстоит заниматься днем. Затем была пробежка — с 7.15 до 8.45, всегда по обычной дороге, никаких специальных дорожек и особых дистанций.

Жук обычно говорил: «Бегите вон туда, а потом обратно». Два раза или сколько ему в этот момент хотелось. Иногда мы бегали вдоль пляжа, по камням, ракушкам и песку; ужасно тяжело, но, наверное, полезно для ног.

В девять мы завтракали, потом делали упражнения для рук: уходили на специальную площадку у моря, где было много больших круглых камней, и бросали их вперед, назад и в разные стороны. Камни весили около двух килограммов, а это упражнение приходилось выполнять раз пятьдесят – шестьдесят. Жук очень внимательно следил за количеством выполненных

попыток. И естественно, я абсолютно точно следовала всем его распоряжениям. Потом мы делали отжимания и упражнения для брюшного пресса.

Тяжелее всего был бег по лестницам, который Жук просто обожал. Самая длинная лестница насчитывала двести двадцать пять ступенек, а другая — сто семьдесят пять. Иногда тренер заставлял нас не бегать, а запрыгивать на ступеньки, сначала на одной ноге, а потом на другой. Всегда с секундомером в руках, причем мы должны были заносить свои результаты в дневники. А вечером он говорил: «Сегодня вы работали лучше».

Или: «Сегодня было хуже, чем вчера. Придется принять меры».

Жук считал, что фигуристам очень полезно нырять и плавать под водой. Он утверждал, что это упражнение помогает научиться контролировать дыхание. Ты делаешь глубокий вдох и удерживаешь воздух как можно дольше. Но в фигурном катании удерживать дыхание не нужно. Только Жук с его безумными идеями думал, что мы это делаем на льду. Я помню, как однажды в середине мая он объявил всем, что мы идем бить гарпунами рыбу. Он очень любил это занятие. В условленное время пришла я одна и страшно разозлилась на остальных за то, что мне ничего не сказали. Мы с Жуком отправились на рыбалку вдвоем. Лето еще по-настоящему не наступило, вода в море была ледяная, и я мгновенно замерзла. Жук велел мне надеть что-нибудь поверх купальника, чтобы согреться. Ласты оказались слишком большими, найти подходящего размера не удалось, поэтому я натянула на ноги несколько пар носков, а на себя свитер, теплые брюки и даже теплую шапку. Я ненавижу море, а поскольку плаваю плохо, мне было очень страшно. Жук вошел в воду с ружьем для подводной охоты и заставил меня последовать за ним.

В июле, когда па черноморском курорте становилось жарко и влажность была слишком высокой, мы переезжали в Киргизию на Иссык-Куль, курорт в горах, где мне нравилось больше, чем на Черном море, несмотря на то что из-за высоты тренировки на лестнице были еще более изматывающими. Иссык-Куль — очень глубокое красивое озеро, про которое сложено много легенд. Вечерами мы ходили в лес. А еще был футбол и теннис. Мы с Сергеем иногда играли вдвоем против какой-нибудь пары. И хотя Сергей всегда стремился победить в паре с другим молодым человеком, со мной он вел себя сдержанно. Я, однако, страшно расстраивалась, когда ошибалась, а Сергей только смеялся, качал головой и спрашивал, что это я так горюю — мы же играем просто так, для удовольствия. Больше всего Жук любил, когда мы

тренировались на льду в Новогорске, в центре подготовки олимпийского резерва, расположенном недалеко от Москвы, в лесу. В Новогорске имеются несколько гостиниц, при каждой свое кафе, футбольные поля, кинотеатр, бассейн, гимнастический зал, терапевтический центр и, естественно, каток. Обычно перед каждым важным соревнованием — мировым, европейским или национальным — мы отправлялись в Новогорск на пятнадцать дней.

Жука это очень устраивало, потому что вместо того, чтобы возвращаться вечером домой, к родителям, мы жили в гостинице и он мог в любой момент призвать нас к себе. Он всегда что-нибудь придумывал: то заставлял нас слушать музыку, то проверял наши дневники, то подробно рассказы. вал, что будем делать завтра.

Я очень скучала по дому и частенько засыпала в слезах. Я жила в одной комнате с Анной Кондрашовой. У Ани всегда были проблемы с весом, ей приходилось прикладывать серьезные усилия, чтобы поддерживать нужную форму, а Жук обожал поиздеваться над нами во время обеда. В конце концов мы перестали ходить на обед, потому что Жук рассказывал всем, сколько мы съели и сколько будем весить, если будем продолжать в том же духе. Он дразнил только девушек. Поэтому вместо обеда мы шли в город — минутах в пятнадцати ходьбы, — покупали там фрукты, овощи и печенье. Целую кучу сладостей.

Я пишу эти строчки и сама поражаюсь тому, что тогда с нами происходило. О чем мы думали? Почему слушались его?

Однажды я увидела, как Жук ударил Аню. Я была в ванной; Жук вошел к нам в комнату и начал кричать на Анну. Я решила, что, пожалуй, лучше останусь там, где я есть, но ссора разгоралась, поэтому когда я появилась в дверях, то увидела, что он ударил ее по спине. Я бросилась звать на помощь Сергея, однако, когда мы прибежали в комнату, Жук уже ушел. Аня плакала. Ничего нового в этом не было. Она плакала почти каждый день.

Жук постоянно мучил Аню какими-то немыслимыми подозрениями, устраивал за ней настоящую слежку. А я была слишком молода, поэтому Аня мне никогда не объясняла, что за этим стояло. По прошествии лет я поняла, какой это был бессердечный, жестокий человек. Может быть, именно находясь рядом с ним, я научилась быть сильной.

В 1986 году чемпионат страны проводился в Ленинграде. В тот год мы с Сергеем впервые участвовали в соревнованиях

взрослых пар. Мы катались хорошо, и, честно говоря, я совершенно не волновалась, потому что мы были прекрасно подготовлены. С моей точки зрения, даже слишком, поскольку думать мы могли только об элементах нашей программы и больше ни о чем. Мы выполняли синхронные двойные аксели, выбросы на тройной сальхов и на двойной аксель, тройную подкрутку. И заняли второе место после чемпионов мира, Елены Валовой и Олега Васильева.

Жук сказал, что мы выступили лучше, чем они. — Все нормально, — заявил он. — В Европе вы получите золото.

Чемпионат Европы проводился в Копенгагене. Прежде чем мы туда отправились, Жук заставил меня посетить целительницу, которая занималась акупунктурой. Не знаю, где Жук ее откопал, только он утверждал, будто она прекрасно умеет находить в теле своего пациента самое слабое место. Она называла такое место дырой. У меня тоже оно было, под левой лопаткой. Я и понятия не имела, что у меня там что-то не в порядке, пока мне про это не сказали. Странная женщина сначала очень больно нажала на какую-то точку у меня на спине, а потом заявила, что может посмотреть сквозь меня через дыру и найти мое самое слабое место.

Забавно, эта женщина будто бы лечила меня. Только какие могут быть проблемы у четырнадцатилетней девочки? Единственная проблема заключалась в том, что мне некогда было играть в куклы. Но чудаковатая особа сумела отыскать у меня на спине уязвимое место, смогла до него дотронуться, и уж конечно же, мне было больно — я ведь столько тренировалась! А она утверждала, что дела мои совсем плохи. Дала мне особый металлический диск, чтобы я приложила его на больной участок, сказала; что он меня защитит. Сама закрепила диск у меня на спине куском пластыря. Теперь я была готова к соревнованиям.

А потом... угадайте, что случилось? Я его потеряла, когда принимала душ! И подумала: Какой ужас! Теперь я обязательно упаду. И не смогу ни одного элемента сделать как следует, потому что дыра в моем теле, под левой лопаткой, осталась открытой». Мы уже приехали в Копенгаген на чемпионат Европы, и я ужасно расстроилась. Однако прямо перед соревнованиями я нашла диск на полу у себя в номере. Прикрепила его на место и была спасена.

Жук велел Сергею и Саше Фадееву тоже сходить к этой женщине, но они просто посмеялись над ним, а заставить их он не мог. Сергей никогда не относился к подобным вещам серьезно. Он воспринимал указания Жука, только когда речь шла о фигурном катании. И был, конечно же, совершенно прав. Сергей

не доставлял Жуку никаких проблем, не повышал голоса и не спорил с тренером. Но считал, что его личная жизнь Жука не касается. На льду он выполнял все, что тот говорил, но за пределы катка влияние Жука не распространялось. Я же в отличие от Сергея всегда была готова делать то, что мне приказывали другие.

Впрочем, Жук помог мне стать увереннее в себе. Никто и не предполагал, что мы примем участие в чемпионате Европы в 1986 году, — в программке даже не значились наши имена. Жук не упустил возможности привлечь к этому наше внимание, Он сказал мне:

— Вы должны откататься очень чисто.

Я и сама прекрасно все понимала. И была абсолютно уверена в Сергее. Я вообще никогда в нем не сомневалась. Даже во время тренировок мы делали все идеально, потому что, если допускали ошибку, Жук заставлял нас повторять элемент по нескольку раз. Совсем как когда я делала уроки с отцом. Именно так я и научилась прыгать двойной аксель. Жук велел мне сделать пять двойных акселей подряд. Если я спотыкалась на пятом, приходилось начинать все сначала. И еще — мы всегда выполняли определенное количество прыжков.

Во время чемпионата Европы в Копенгагене, где мы завоевали второе место после Валовой и Васильева, мы чувствовали себя уверенно. И откатали программу без единой ошибки. После произвольной программы Елена Валова расплакалась: она знала, что мы выступили лучше, хотя они и заняли первое место. У нее болела нога, и она не могла кататься в полную силу.

Поездка в Копенгаген для меня была скорее развлечением, чем соревнованием. На воскресные показательные выступления пришла королева Дании и подарила нам огромные коробки датского шоколада. Мы ходили по магазинам, и, помнится, я купила красные ботинки, которые потом надела во время чемпионата мира в Женеве. Мы получали двадцать долларов в день — живыми деньгами!— и я смогла найти себе джинсы: подобрать в Москве нужный размер было невозможно.

Я видела, что на Западе жизнь во всех отношениях гораздо лучше, чем у нас дома. Улицы чище, еда вкуснее, обслуживание быстрее и дружелюбнее. Мы к такому не привыкли. Прекрасная жизнь, только очень дорогая. Я часто привозила домой жевательную резинку и фрукты. Зимой в Москве купить апельсины и яблоки было трудно. А еще я приобрела тогда в подарок несколько кофточек Маше и заколки для галстука деду. Вернувшись домой, мы начали готовиться к чемпионату мира. Времени на отдых не было. Обычно после соревнований

возвращаешься без сил — переезды и эмоциональное напряжение дают себя знать, так что частенько организм не выдерживает и спортсмен заболевает. Вот и я свалилась с гриппом. А потом, когда поправилась, мы с Сергеем приступили к тренировкам, отрабатывали наши программы, те самые, с которыми так здорово откатались на первенствах страны и Европы. Мы бесконечно повторяли одно и то же под придирчивым взглядом Жука.

Поэтому, когда мы приехали на чемпионат мира 1986 года в Женеву — наш первый чемпионат такого класса, — настроение у нас было совсем не такое легкомысленное, как перед европейским первенством. Нам предстояло сделать очень трудную работу. Я чувствовала себя уставшей и нервничала, как никогда раньше. Во время соревнований меня преследовала только одна мысль: я хочу домой, к маме. Я ужасно по ней скучала.

Перед произвольной программой Жук попросил Сергея сходить со мной погулять, и мы отправились на Женевское озеро кормить лебедей. Сергей спросил меня, волнуюсь ли я, и я ответила, что волнуюсь ужасно. И он сказал: «Да, я тоже». Только внешне он выглядел совершенно спокойным. Он всегда казался спокойным, и, глядя на него, я тоже начинала чувствовать себя увереннее. Мы мало разговаривали и не прикасались друг к другу. Нас по-прежнему разделял барьер — возраст.

Мы снова очень чисто откатали программу, а Валова и Васильев допустили несколько ошибок; мы их обыграли. Приехав в первый раз на чемпионат мира, мы сразу завоевали золотые медали. Я не могла в это поверить. Мне даже не нравилась программа, которую Жук для нас придумал, — никакой определенной темы, никакой хореографии и никакого смысла в движениях. Музыка — не классика и не джаз, что-то ресторанное, только в самом конце возникали забавные, какие-то детские звуки, похожие на шум проходящего поезда. То, что Жук заставлял нас делать руками, не имело ни малейшего отношения к тому, что выполняли наши тела. Мы просто переходили от одного элемента к другому, ничего не чувствуя, думая только о том, чтобы не делать ошибок. Как ни странно это звучит, я была разочарована. Первое выступление на чемпионате мира — и победа. Когда мы стояли на пьедестале почета, я подумала: Почему мне дали медаль? Это же чемпионат мира, его смотрят по телевизору миллионы людей». Я не мечтала о том, чтобы стать чемпионкой мира или Олимпийских игр, совершенно неожиданно

поднялась на высшую ступеньку пьедестала почета, почему-то мне это казалось неправильным.

Я вернулась в гостиницу, села на кровать и расплакалась. Слишком просто все получилось. Никакого удовлетворения.

Я плакала, а Аня Кондрашова посмотрела на меня и сказала:

— Ты что, спятила? Ты каталась здорово!

Но я не чувствовала себя счастливой.

На следующий день Сергей отправился к фонтану на берегу Женевского озера и написал на нем свое имя. А рассказал мне об этом много лет спустя, и то немного подтрунивая:

— А ты разве со мной не ходила? Плохо.

Той весной вместе с другими медалистами мы участвовали в организованном ИСУс турне по Швейцарии, Франции и Германии — всего по двадцати городам. Мы переезжали из города в город на автобусе. Для нас это было первое путешествие подобного рода, и самое лучшее в нем было — смотреть в окно. Я много вышивала. Было страшно скучно. Жук заставлял нас каждый вечер выступать с короткой или длинной программой, поскольку показательной у нас не было — такие веселые, развлекательные программы спортсмены готовят на случай, если их приглашают выступать в каких-нибудь шоу. Они не такие сложные, как обязательные, но Жук требовал, чтобы мы делали все поддержки, прыжки и выбросы. В зданиях, где мы катались, в местах вроде Давоса, было холодно, и мы никогда не могли хорошенько разогреться.

Жук жил в одном номере с Сергеем, повсюду его сопровождал, следил за каждым его шагом. С ним было трудно и другим членам нашей команды. Он запрещал нам буквально все, не пускал на дискотеки вместе с остальными спортсменами, говорил, что если мы не будем его слушаться, то никогда не станем олимпийскими чемпионами. А хуже всего — я была настолько дисциплинированной, что, даже если бы кто-нибудь меня и пригласил, я бы ни за что никуда не пошла.

Выслушивать Жука каждый день было страшно тяжело. Он нагнетал напряжение весь сезон: начиная с чемпионата страны и кончая турне. Именно поэтому я не люблю вспоминать о нашем первом чемпионате мира. Брайан Бойтано, который тоже участвовал в этом турне, позже рассказывал, что они с Александром Фадеевым — которого все звали просто Саша — и Сергеем однажды пошли погулять. Брайан попросил Сашу, поскольку тот говорил по-английски, узнать у Сергея, чем ему нравится фигурное катание. Сергей ответил, что не любит фигурное катание. Просто так получилось, и теперь он привык.

Постепенно это отношение изменилось, но думаю, что тогда

он сказал правду.

ЗНАКИ ВНИМАНИЯ

Где-то в середине лета 1986 года Сергей, Александр Фадеев, Анна Кондрашова и Марина Зуева составили письмо, обращенное к руководству Центрального спортивного клуба армии, с просьбой снять Жука с должности главного тренера. Он стал невыносим, пил, пропускал тренировки, вел себя агрессивно с ребятами. Жук больше не мог работать с фигуристами. Меня попросили подписать это письмо, что я и сделала.

Отец страшно на меня рассердился и сказал:

— Это была не твоя идея. Почему ты не в состоянии сама думать? Ты должна принимать решения самостоятельно и не позволять другим делать это за тебя.

Он был прав только в одном. По знаку Зодиака я Близнец и потому имею обыкновение смотреть на проблемы сегодня так, а завтра совсем по-иному. И часто попадаю под чужое влияние. Однако когда речь шла о Жуке, дело обстояло иначе. Я не выносила этого человека, и чем дальше, тем сильнее. А вот мой отец считал его великим тренером, таким же замечательным, как Анатолий Тарасов, тренер сборной команды страны по хоккею.

А если Жук пьет — ну что же, с этим вопросом можно разобраться.

Однако Сергей принял решение окончательно. Тем летом он несколько раз разговаривал с моим отцом и заявил, что ему придется поменять тренера и что ни при каких условиях он больше не намерен работать с Жуком. Однажды я совершенно случайно услышала, как Сергей сказал моему отцу:

— Она будет кататься со мной, а решать, кто станет нашим тренером, буду я.

Сергей никогда не говорил мне: «Не волнуйся, я о тебе позабочусь», — но я всегда чувствовала, что так оно и будет.

Отношение моего отца к этой проблеме начало меняться после того, как мы заняли второе место в Кубке Канады, потому что были плохо подготовлены. Но окончательно он убедился в том, что мы не будем больше работать с Жуком, после одного случая, когда Жук довел меня до слез. Я собралась в выходные поехать на дачу и сходить с дедом в лес по грибы,

Тренировки у нас запланировано не было, и Жук сказал:

— Хорошо, Катя, только сначала мы должны послушать музыку для новой программы. Это займет всего пару часов, а потом можешь отправляться на дачу.

Я сделала так, как он хотел. Прослушивание заняло у нас целый день, и ехать куда-нибудь было уже поздно. Это так меня

расстроило, что, увидев отца, я не сдержалась и расплакалась. Именно тогда он и решил:

— Все, хватит.

Руководство Центрального спортивного клуба армии попало в очень сложную ситуацию, поскольку Жук имел звание полковника. В армиях всего мира принято защищать своих. Генералы, возглавлявшие ЦСКА, в конце концов оставили его главным тренером, а нам дали Станислава Викторовича Леоновича, вменив ему в обязанность заниматься с нами, повсюду ездить и отвечать за нашу подготовку.

Леонович со своей партнершей, Мариной Пестовой, завоевал серебряную медаль в парном катании в чемпионате Европы 1982 года. В течение одного года мы тренировались вместе на льду ЦСКА, и я всегда называла его Стас. Теперь же, когда он стал нашим тренером, для меня он превратился в Станислава Викторовича. Леонович хороший, добрый человек с необычным лицом. У него забавный нос, очень похожий на утиный; каждый раз, глядя на него, мне хотелось улыбнуться.

Мы с Сергеем были рады избавиться от Жука, однако мой отец чрезвычайно беспокоился, что Леонович окажется недостаточно строгим и толку от наших тренировок будет немного. Ему казалось, что у Станислава Викторовича мало опыта.

Но когда мы начали с ним работать, все изменилось и катание снова стало доставлять нам удовольствие. Первым делом он попросил Марину Зуеву вернуться и снова быть нашим хореографом. Она восстановила программу на музыку Дюка Эллингтона, которую сделала для нас в 1985 году, ту, что Жук запретил нам катать, поскольку считал ее слишком сложной.

Там было больше танца, больше работы для ног, больше хореографии и больше удовольствия, чем в любой другой программе, которую мы до сих пор катали. Марине, Леоновичу, Сергею и мне завидовали все фигуристы, потому что мы так прекрасно друг друга понимали, часто смеялись и получали удовольствие от совместной работы. Если Сергей пропускал тренировки, что с ним по-прежнему иногда случалось, Леонович никогда на него не кричал. Вместо того чтобы разозлиться, он говорил:

— Ты понимаешь, что из-за твоего вчерашнего отсутствия Марина, Катерина и я не могли работать?

Леонович всегда называл меня «Катерина» — единственный из всех; видимо, считал, что так я буду чувствовать себя более взрослой. Он частенько повторял:

— В этом деле, Сергей, участвуешь не только ты.

И Сергей перестал пропускать тренировки. Точнее, перестал пропускать их один, потому что мы взрослели и он стал меня подбивать прогуливать занятия вместе. Мы отправлялись на рыбалку или катались на водных лыжах на Волге. Сергей всегда считал, что, кроме льда, у нас должно быть и многое другое, что нельзя замыкаться только на тренировках и работе.

В 1987 году мы победили в чемпионате страны и поехали на европейские соревнования в Сараево. Тем летом мы выучили очень трудный элемент, который называется подкрутка в четыре оборота: Сергей подбрасывал меня в воздух, я делала шпагат, потом сводила ноги, делала четыре оборота в воздухе, а после этого он должен был меня поймать. Никто, кроме нас, этого элемента не делал, он отнимал много сил — был скорее выматывающим, чем сложным. Врачи измерили мой пульс после его исполнения — он превышал двести ударов в минуту. Мне приходилось вращаться так быстро, что один раз я нечаянно попала локтем Сергею в бровь — через несколько секунд глаз заплыл и закрылся, а на следующий день у него на лице красовался огромный черно-синий кровоподтек.

В тот день, когда мы выступали с длинной программой на чемпионате Европы, Сергею исполнилось двадцать. Мы надолго запомнили те соревнования из-за несчастного случая, который там произошел. В самом начале мы удачно выполнили наш новый сложный элемент, который даже Скотт Хамильтон, комментировавший соревнования по телевидению, ошибочно назвал тройным. Большинство судей тоже не смогли правильно сосчитаю обороты. Именно по этой причине мы выбросили четверной прыжок из нашей программы, когда готовились к Олимпийским играм в Калгари: этот элемент отнимает слишком много сил, но почти не влияет на оценки. Так вот, после выполнения четверного на брюках Сергея лопнула эластичная штрипка внизу.

Она болталась возле щиколотки, но не представляла никакой опасности, поскольку до льда не доставала. Однако судья Бен Райт, американец, принялся свистеть в свой свисток, испугавшись, что Сергей зацепится за нее и упадет.

Мы свисток слышали, но не знали, что он дан для того, чтобы мы остановились; А учитывая, что впереди нас ждал выброс на тройной сальхов, ни о чем другом я думать не могла. Когда я удачно приземлилась и практически все сложные элементы остались позади, мы; естественно, хотели продолжать кататься. Жук всегда говорил: необходимо слушаться тренера и ни в коем случае нельзя останавливаться, что бы ни происходило вокруг.

Тогда Бен Райт попросил техников выключить музыку. У меня

возникло какое-то жуткое, непривычное ощущение — мы катаемся, а в зале, где полно народу, царит мертвая тишина. Мы посмотрели на Леоновича: он не подал нам знака, что мы должны остановиться.

— Катаемся? — спросила я Сергея.

— Да, катаемся, — ответил он быстро.

И мы продолжили. Без музыки это было страшно тяжело, поскольку требовало полнейшей сосредоточенности на том, что делаешь. Так мы не катались ни разу в жизни — даже на тренировках. Однако мы все выполняли отлично, не допускали ошибок, и зрительный зал начал хлопать задолго до того, как мы закончили. Мы страшно устали и очень волновались.

Судьи получили приказ не записывать наши оценки. А российский судья сказал Леоновичу, что нам разрешено откатать программу еще раз после того, как выступят две пары, чтобы мы могли отдохнуть. Но ни я, ни Сергей этого не хотели. Нам казалось, что лучше мы все равно не выступим. Мы не понимали, что в случае отказа выйти на лед нас дисквалифицируют. Поэтому, когда Леонович спросил нас, готовы ли мы повторить программу, мы сказали «нет». Ему следовало настоять на своем, но Леонович никогда ничего не заставлял нас делать насильно. Мы отказались, и нас дисквалифицировали.

А причиной всему — отсутствие у Леоновича опыта. Во-первых, ему следовало остановить нас, когда он услышал свисток. Затем он должен был, не обращая внимания на нашу усталость, приказать нам снова выйти на лед, поскольку судьи наверняка благосклонно отнеслись бы к чемпионам мира, которые попали в такую сложную ситуацию.

Виноваты были все трое. Мы страшно разозлились и с удвоенной энергией принялись готовиться к чемпионату мира 1987 года в Цинциннати.

Бен Райт входил в состав судейской бригады и на чемпионате мира; он подошел к нам и извинился за тот инцидент. Мы сказали, что тоже ужасно сожалеем о случившемся и не сердимся на него.

В Цинциннати мы откатали произвольную программу — на этот раз под музыку — стараясь изо всех сил. По правде говоря, во время чемпионата мира 1987 года мы катались лучше, чем когда-либо. Успешно защитили свой титул, и когда соревнования подошли к концу, плакать мне не хотелось. А после чемпионата мы отправились в свое первое турне по Америке вместе с Томом Коллинзом, который каждый год организует показательные выступления с участием чемпионов мира и Олимпийских игр. У него эксклюзивный договор с ИСУ, и фигуристы — которые в те

времена все были любителями — с удовольствием участвовали в этих турне, потому что выступления проходили в переполненных зрительных залах по всей Северной Америке.

Б соответствии с правилами ИСУ, по-моему, мы могли получать наличными не более восьмисот швейцарских франков в год, но Том всегда платил нам что-нибудь сверх того, от пятидесяти до ста долларов в неделю. Говорить об этом вслух не полагалось. Но денег оказалось достаточно, и я смогла купить для родителей телевизор за четыреста долларов. Сергей помогал мне его выбирать в Нью-Йорке. А еще он помог мне подобрать чемодан, куда я сложила все, что купила для себя и сестры, подарки родителям и бабушке с дедушкой.

У советских фигуристов всегда возникали серьезные проблемы с багажом на обратном пути.

По-английски я тогда почти не говорила. Учила в школе, но пропускала уроки из-за тренировок и даже не помнила алфавита. Когда мы с Сергеем в ресторане открывали меню, то не имели ни малейшего представления о том, что там написано. В эти моменты я чувствовала себя просто отвратительно.

Во время этого турне я жила в одном номере с Грейси Уилсон, выступавшей вместе с Робом Макколом, — они были танцевальной парой. Трейси была старше меня, и, я думаю, Том Коллинз просил, чтобы она за мной приглядывала. Каждое утро она заказывала в номер завтрак и всегда спрашивала, не хочу ли я чего-нибудь, причем за все платила сама, как бы сильно я ни возражала.

В автобусе я всегда сидела с Сергеем. Он читал, а я смотрела в окно или вышивала. Я странно себя чувствовала из-за того, что мы проводил так много времени вместе. Ощущение было совсем новым; Иногда Сергей заходил ко мне в номер и приглашал погулять или пообедать. Денег у нас было негусто, так что мы ходили в «Макдоналдс» или пиццерию. Саша Фадеев тоже участвовал в этом турне, однако Сергей все чаще и чаще предпочитал мое общество.

Может быть, он просто старался обо мне заботиться? Не знаю. Он помогал мне с чемоданами и подавал руку, когда я выходила из автобуса. Но ничего особенного я в его поведении не видела — он всегда был такой. Он подавал руку и той женщине, что шла за мной, кем бы она ни была. Сергей вел себя как воспитанный молодой человек; думаю, он научился этому у Леоновича, который всегда очень уважительно держался со своей партнершей, Мариной Пестовой. Он считал, что хорошие

отношения между партнерами так же важны,, как и успех на тренировках. Если в жизни у них все в порядке, то и на льду не возникнет никаких проблем. Мне кажется, Леонович был слишком добрым человеком, чтобы работать тренером.

В Лос-Анджелесе Сергей Пономаренко и Марина Климова (которые уже стали мужем и женой) и мы с Сергеем отправились в Диснейленд. У Сергея было прекрасное настроение; он смеялся, шутил, был по-настоящему счастлив. Пару раз крепко обнял меня, когда мы катались на аттракционах или просто стояли в очереди. Раньше он никогда ничего подобного не делал, и я чувствовала себя на седьмом, небе. Чудесный был день.

За месяц мы выступили в двадцати пяти городах. И получили массу самых необыкновенных впечатлений. В Нью-Йорке Том Коллинз купил нам билеты на «Призрак оперы»; перед спектаклем мы, пообедали в «Сарди», где все стены увешаны портретами знаменитостей. В другой раз мы с Сергеем танцевали в каком-то кафе с музыкальным автоматом — нет-нет, не вдвоем, были еще люди. Иногда после выступления, когда мы ждали финального выхода, Сергей обнимал меня, но только если никто не видел.

Я не задумывалась над этими знаками внимания. По крайней мере не. помню, чтобы придавала им какое-то особое значение; Пару раз мы ходили в кино и во время сеанса держались за руки. Не знаю, почему на меня это производило такое невероятное впечатление, поскольку мы и так все время держались за руки — на льду. Только здесь в кинотеатре, все было иначе. Я помню, как отчаянно колотилось мое сердце, когда Сергей потянулся и взял меня за руку в первый раз. Я ничего ему не сказала. Просто улыбнулась, и все. И никогда не спрашивала, зачем ему было нужно держать меня за руку. Знала только, что это очень здорово.

Мне казалось, что он так себя ведет потому, что ему нравится турне и радует путешествие по Америке. Я и представить себе не могла, что это имеет ко мне какое-то отношение. Мне казалось, что, как только мы вернемся в Москву, все будет по-прежнему.

Однако после этой поездки все переменилось. Мама, которая Сергея просто обожала, начала приглашать его к нам домой. Ей нравилось, как он играет с нашим догом, Вельдом.

Теперь я гораздо меньше смущалась, когда хотела ему что-нибудь подарить, а иногда даже осмеливалась кокетничать — если у него было подходящее настроение. Впрочем, в мои намерения не входило покорить Сергея или привлечь к себе его внимание. Забегая вперед скажу, что мы с Сергеем и позже никогда не планировали свою жизнь надолго. Может быть, были суеверны — как и все спортсмены.

ЖЕЛАНИЕ, ЗАГАДАННОЕ В ПРАЗДНИК

Мы готовились к Олимпийским играм. Мне уже исполнилось шестнадцать, Сергею — двадцать, и вся наша жизнь была посвящена только одной цели — предстоящей Олимпиаде.

Тренировки начались летом 1987-го, когда мы отправились в Сухуми на двадцать дней, и именно там Марина приступила к подготовке двух новых олимпийских программ.

Группа поддержки была больше обычной: был специальный тренер, занимавшийся с нами бегом и тяжелой атлетикой, целая команда докторов, каждый день контролировавших наш вес и делавших анализы крови по нескольку раз в неделю — в результате на пальцах у нас живого места не было. Одному Богу известно, что они искали. В Федерации фигурного катания считали, что нас необходимо кормить особыми продуктами, поэтому нам ежедневно давали икру, в которой много протеина, зато очень низкое содержание жиров.

Каждое утро перед завтраком — разминка. Затем мы бегали и поднимали тяжести. Днем занимались с Мариной, Затем еще одна тренировка в зале, в пять, перед обедом.

В июле мы провели неделю дома, потом продолжили тренировки в горах Армении, в Цахкадзоре — городке, находящемся высоко над уровнем моря; нам было необходимо привыкнуть к особым атмосферным условиям.

Мне всегда нравилось ездить в такие спортивные лагеря. В горах очень красиво, и в. свободные дни мы отправлялись в походы или устраивали пикники. Кроме нас, там тренировались и другие спортсмены: боксеры, гимнасты, гандболисты. В холле общежития висел большой календарь, на котором отмечали, сколько дней осталось до Олимпийских игр — летних и зимних.

Все были напряжены больше, чем обычно; казалось, атмосфера накалена до предела. Вместе с нами тренировались фигуристы не только из спортивного клуба армии, и тренеры постоянно устраивали соревнования в беге. У меня с этим всегда были проблемы, время я показывала кошмарное.

Жук тоже приехал — к счастью, не в роли нашего тренера. Он по-прежнему иногда с нами работал, но главным образом в качестве контролирующего начальника, и один раз я растянула ногу, когда он заставил нас делать в зале подкрутку в четыре оборота — в самом конце тренировки, когда я уже устала.

Вечера после тренировок были свободны, и мы часто собирались у кого-нибудь в номере, чтобы попить чаю и поболтать. У меня всегда были с собой кипятильник, чай и что-

нибудь сладкое.

Сергей заходил не часто и всегда затем только, чтобы попить чаю или съесть пару конфет. Но все равно я страшно радовалась, что в эти короткие моменты могу быть с ним рядом.

Если я отправлялась на рынок за фруктами, то всегда покупала что-нибудь и для него, поскольку ходить на рынок он ленился. Порой по вечерам мы ели мороженое, но всегда не одни. У Сергея было множество друзей, иные старше его, например Саша Фадеев. Но я была счастлива, что меня тоже приняли в эту компанию.

Саша — невысокого роста, очень мускулистый, с сильными ногами и торсом. У него маленькие глаза, маленькие губы, маленькие руки. Все в нем очень небольшое. Когда Саша выходил на лед, он катался стремительно, уверенно и прыгал, словно резиновый мячик. Он очень талантливый фигурист, только, с моей точки зрения, до конца не реализовавший себя.

А вот в жизни, не на льду, все в нем было какое-то замедленное; казалось, он постоянно находился в расслабленном состоянии. Если ты спрашиваешь у него про время, вопрос приходится повторять несколько раз.

— Саша, у тебя часы есть?

— А?

— Ты знаешь, сколько сейчас времени?

— Хм?

— Который час?

И только тогда он отвечает.

Во время разговора Саша всегда раздумывал над тем, что было сказано раньше, до того, как вы перешли к новой теме. А еще он невероятно упрям и обладает независимым нравом. Если все дружно отправлялись в ресторан и заказывали одинаковую пиццу, можно было не сомневаться, что Саша выберет другую. Ему страшно нравилось быть не таким, как все.

И при этом его отличала удивительная доброта. Он частенько замечал, как я хмурюсь, когда слушаю их с Сергеем разговоры. Я была такой маленькой, что смотрела на всех снизу вверх и невольно морщилась. Саша всегда осторожно, чуть касаясь пальцами, разглаживал морщинки у меня на лбу. А потом так стали делать и все остальные. Я страшно смущалась.

Затем мы поехали тренироваться в Днепропетровск, на каток, где впервые встала на коньки Оксана Баюл. Именно там мы начали работать над олимпийскими программами. Год был олимпийский, и за нашими успехами следила вся федерация.

Мне нравилась произвольная программа, которую Марина сочинила на музыку Шопена и Мендельсона. По ее словам, нам

следовало кататься легко, без напряжения, радостно, так, словно смотришь на голубое небо, раскинувшееся над цветущими яблонями. Поэтому мы выступали в небесно-голубых костюмах, расшитых на плечах белыми цветами и побегами.

Короткая программа была сделана на музыку из оперы «Кармен». «Марш тореадоров». Многие члены федерации считали, что эта музыка для нас не годится, что она слишком серьезная, и требовали подобрать что-нибудь более романтичное. Марина, которая редко подчинялась, если не видела в этом необходимости, успокоила нас, сказав, что все будет в порядке. Однако я прислушивалась к разным разговорам и, как истый Близнец, сначала страшно волновалась по поводу короткой программы, а потом, наоборот, была уверена, что все пройдет просто великолепно. Мы меняли начало несколько раз, но музыка осталась. Нам предстояло играть тореадоров — красивых, грациозных и неистовых. Мы пропустили ранние соревнования, которые проводились в Северной Америке — «Скейт Америка» и «Скейт Канада», — чтобы врачи могли тщательно проследить за нашим здоровьем. Спортивная машина Советского Союза не упускала никаких мелочей. Но нас это устраивало. Мы знали, что в этом году наша главная цель — Олимпийские игры. Они приближались, и напряжение росло.

В середине ноября мы выиграли соревнования на приз газеты «Московские новости». Однако во время подготовки к показательным выступлениям Сергей зацепился коньком за неровность на льду как раз в тот самый момент, когда поднял меня на поддержку «звезда» — руки и ноги у меня были широко разведены в стороны. Он не сумел меня удержать, и я ударилась лбом об лед.

Сначала я ничего не почувствовала, потом возникло ощущение, что голова раскалывается от боли. Кто-то меня поднял — думаю, Леонович,— а в следующее мгновение я потеряла сознание. Пришла в себя в медицинском кабинете, из которого меня отвезли в больницу.

Там я провела шесть дней. Оказалось, что у меня серьезное сотрясение мозга. Я лежала и волновалась о том, что пропускаю тренировки, что мы теперь не поедем на Олимпийские игры, и страшно злилась на Сергея, потому что считала его виноватым.

Кто-то постучал в дверь, и на пороге я увидела Сергея. Он держал в руках букет роз. Вид у него был очень расстроенный. Впервые в жизни Сергей дарил мне цветы. Я была удивлена, даже счастлива, увидев его огорчение. Когда проводишь вместе так много времени, часто возникают серьезные конфликты, и пары, добивающиеся высоких мест в соревнованиях, не всегда

прекрасно относятся друг к другу. Но Сергей был такой грустный, что мне даже стало его жалко.

Он преподнес мне розы, а когда меня на каталке повезли делать анализы, перепугался почти до потери сознания. Вечером ему пришлось присутствовать на показательных выступлениях, чтобы получить наши награды; на фотографиях в газетах, появившихся на следующий день, у него очень печальное лицо. То, что он так переживает, каким-то невероятным образом поднимало мое настроение. До того как меня выписали, Сергей приходил еще три раза.

Я выписалась из больницы, но выйти на лед мне разрешили только через неделю. Сергей навещал меня ежедневно, а когда мне позволили приступить к тренировкам, я сразу заметила, что он держит меня по-другому — крепче, надежнее, словно не хочет, чтобы я вообще касалась льда. Будто повзрослел за то время, что мы не катались. А я почувствовала себя более уверенно. За эти две недели что-то произошло, и даже я — которую занимало только катание и тренировки — поняла, что Сергей стал иначе ко мне относиться. Раньше мы были двумя фигуристами. Теперь мы превратились в пару.

Из-за того, что я пропустила две недели тренировок, федерация приняла решение освободить нас от участия в чемпионате страны в конце декабря; мы должны были представлять Советский Союз на Олимпийских играх. Именно тогда мои родители впервые пригласили Сергея встретить с нами Новый год.

Двадцать восьмого или двадцать девятого отец вставал рано утром, чтобы купить самую лучшую елку. Когда мы с сестрой были маленькими, родители укладывали нас спать, а ночью ее наряжали. Первое, что мы видели проснувшись утром, это была великолепная елка, словно по волшебству одевшаяся в сверкающий наряд. Став старше, мы всей семьей украшали елку и квартиру к предстоящему празднику. Тридцать первого мама и бабушка начинали готовить что-нибудь вкусное — иногда рыбу, иногда утку. Каждый год разное. Я любила им помогать. Мы делали много салатов. Стол украшали разные экзотические фрукты, которые берегли специально для этого случая.

Под елкой всегда лежал красный с белым мешок Деда Мороза. Его сшила бабушка. Он завязывался большим белым бантом. Очень красиво. В течение нескольких дней перед Новым годом мы потихоньку складывали в мешок подарки, пока не наполняли его доверху. Предполагалось, что никто не должен видеть, как ты прячешь свой подарок, чтобы возникало впечатление, что мешок растет, растет, растет сам по себе. А в

полночь, выпив бокал шампанского и пожелав друг другу счастливого Нового года, мы доставали подарки.

Идея пригласить Сергея принадлежала моим родителям. Я сказала, что у него полно друзей и он вряд ли захочет встречать Новый год с нами. Но приглашение ему передала. Он ответил, что постарается прийти. Однако когда он и в самом деле объявился, я была страшно удивлена. И подумала, что он посидит с нами немного, а потом уйдет, но Сергей провел у нас всю ночь.

Сначала он смущался, потому что это был его первый праздник в нашей семье. Никаких гостей мы не приглашали — только бабушка с дедушкой, родители, сестра и я. Мы зажгли множество свечей, было невероятно красиво — ведь Новый год повсюду самый яркий и чудесный праздник. Я подарила Сергею картинку, которую вышила сама: клоун сидит на скамейке и кормит птиц, на лице у него улыбка, а по щекам текут слезы. Сергей ужасно удивился и обрадовался. Эта вышивка до сих пор висит на стене в квартире его матери. Правда, сначала он запротестовал и стал говорить: «Нет, нет, мне не нужно никакого подарка». Может быть, потому, что для меня у него ничего не было.

Не знаю, откуда такая идея пришла моей маме в голову, но она нам сказала, что с первым ударом курантов бросит старую тарелку на пол, чтобы та разлетелась на мелкие осколки. И до того, как часы пробьют в последний раз, каждый должен схватить кусочек, куда-нибудь его спрятать и загадать желание. Если в течение года осколок попадется кому-нибудь на глаза, его нельзя ни в коем случае трогать, иначе желание не сбудется. Даже во время уборки. Так что прятать нужно как следует.

Мама разбила тарелку с первым ударом курантов, все бросились хватать кусочки и разбежались в разные стороны. Не помню, где я спрятала свой, но помню, что загадала — победить на Олимпиаде. Мое желание исполнилось.

В тот год европейский чемпионат проводился в Праге. Я все еще была не в очень хорошей форме. После своего падения я похудела, стала слабее, плохо ела — уж и не знаю почему — и страшно из-за всего нервничала.

Мы с Сергеем откатали программы не самым лучшим образом, но все равно победили. Я сделала ошибку в каком-то элементе — то ли в прыжке, то ли в выбросе, не помню — и была очень расстроена, точно совершила нечто ужасное. А Сергей сказал: «Что ты так огорчаешься? Это же не Олимпийские игры. Мы успеем подготовиться».

Во время этого чемпионата я заметила, что Сергей стал более внимательно и ответственно обращаться со мной на льду. Мне

это страшно нравилось. Меня всегда немного беспокоило его отношение к тренировкам, но теперь, когда я чувствовала себя недостаточно хорошо, Сергей стал сильнее, надежнее и серьезнее. Я знала, что, несмотря ни на что, он будет обо мне заботиться.

Во время европейского чемпионата мы завтракали, обедали и ужинали вместе. Потом, после победы, нас пригласили на банкет. Мы танцевали какой-то быстрый танец, первый раз вдвоем; впрочем, Сергей не особенно любил танцевать.

А после соревнований мы поехали в Новогорск для окончательной подготовки к Калгари. Там собрались все спортсмены, которые должны были участвовать в зимних Олимпийских играх, и целая команда докторов, каждый день контролировавших наш вес и кровяное давление. В начале сезона я весила сорок один килограмм, теперь же — тридцать семь. Мне это никак не мешало, но я была все время в напряжении и чувствовала, что устала. Не могла расслабиться, плохо ела. По простой, наверное, причине: весь сезон только и разговоров было что об Олимпиаде, за нами постоянно следили врачи, тренеры, не переставая, напоминали, что мы обязаны быть в превосходной форме, — и я решила, что мне нужно похудеть. Олимпийские игры — это страшная нагрузка на нервную систему, длящаяся целый год, а я еще была слишком молода и не понимала, как это сказывается на моем организме.

В Новогорске нас часто собирали руководители олимпийской сборной и без конца рассказывали о расписании соревнований, о том, что такое дух Олимпийских игр, про Канаду и про то, как мы не должны забывать, что мы одна команда, просто обязаны помогать друг другу, не ссориться, заботиться о своем здоровье и все в таком роде. Не думаю, что кто-нибудь из спортсменов их особенно внимательно слушал, поскольку это отнимало у нас время, когда мы могли бы отдыхать.

Затем нам выдали олимпийскую форму. Для участия в церемонии открытия я получила сапоги, только они были не моего размера, поэтому я сохранила их для мамы. Со мной такое происходило постоянно. Юбка и пиджак были огромные, даже моя бабушка не смогла ничего с ними сделать, чтобы они на мне сидели хотя бы относительно прилично. Я всегда завидовала ребятам из канадской и американской команд, где даже самые миниатюрные девушки прекрасно выглядели в сшитой специально для них форме. А мне пришлось надеть это уродство, в котором я была похожа на попрошайку.

День отъезда приближался, и все принялись давать мне советы. За меня страшно беспокоились, потому что я была еще такая молодая. А я ужасно злилась. «Ты читала эту книгу? —

спрашивал меня кто-то, с кем я была едва знакома. — По-моему, тебе следует прочитать вот это». Меня довели до такого состояния, что после бесконечной подготовки, ожидания и волнений, когда наконец подошло время отправляться на Олимпийские игры, я уже ничего не хотела.

Я очень скучала по маме. Мы тренировались, переезжая с места на место, участвовали в разных соревнованиях, и у меня возникло ощущение, что меня против воли оторвали от моих родных. Я поняла, что с удовольствием бы осталась дома, с мамой, что, по правде говоря, меня страшно удивило.

КАЛГАРИ

27 января 1988 года мы прилетели в Монреаль, провели там ночь, а утром отправились на самолете в Калгари. Всю дорогу Сергей держал меня за руку. Как ни удивительно, но для меня это не имело никакого значения. Нет, конечно, было приятно, и я гордилась тем, что его рука лежит на моей. Однако я была так сосредоточена на себе, так поглощена мыслями о предстоящих Олимпийских играх, что и не думала о том, что он таким образом пытается сказать мне о своих чувствах. Мне следовало находиться на седьмом небе от счастья, но все мои мысли были заняты только тренировками, я погрузилась в переживания и не обращала внимания ни на что другое. Может быть, именно поэтому все так за меня и беспокоились и давали бесконечные советы.

Получив документы, мы переехали в соседний городок Окотокс. До церемонии открытия оставалось чуть больше двух недель, но наши тренеры хотели, чтобы мы адаптировались к другому часовому поясу. Нас поселили в милой, маленькой гостинице. Было очень холодно и много снега.

Местные жители каждый день приходили на тренировки, и нам это мешало. Довольно сложно отрабатывать тот или иной элемент под аплодисменты зрителей. Тренировка — не показательное выступление; ты сосредоточен на чем-то своем, в это время другой фигурист делает удачный прыжок и зрители начинают хлопать в ладоши. Меня это страшно отвлекало. Но эти люди были такие симпатичные. В первый же день кто-то из пришедших посмотреть на тренировку подарил мне куклу.

Четвертого февраля Сергею исполнился двадцать один год, и утром ему вручили торт из мороженого. Елена Валова преподнесла ему открытку с аистом, который несет что-то, завернутое в одеяло; когда открываешь открытку, оказывается, что это бутылка вина. Теперь он мог выпить на вполне законных основаниях — на счастье.

Сергей носил на шее золотую цепочку с подковкой, и я подарила ему олимпийский значок, чтобы он повесил его рядом с подковкой. Я страшно волновалась, когда отдавала Сергею свой подарок, а все принялись его дразнить: «Ага, Сергей что-то получил от Кати!» Но он, не обращая внимания на шутки, прикрепил значок на цепочку, и я была очень рада.

Танцевальные пары приехали в Окотокс через неделю после нас. Татьяна Тарасова, которая работала с Натальей Бестемьяновой и Андреем Букиным, а вскоре стала и нашим

тренером, привезла подарки от моих родителей — конфеты, письма и фотографию, где они снялись вместе с моей сестрой Марией. И банку икры. Отправляясь за границу, советские спортсмены всегда брали с собой лишнюю баночку икры, которую можно было без проблем поменять на джинсы, аудиокассеты или деньги. В Калгари нам давали уже открытые баночки, так что использовать икру в качестве обменного эквивалента мы не могли. От нас требовали, чтобы мы все съедали.

Восьмого февраля мы перебрались в олимпийскую деревню, красивую и отлично распланированную. Каждый раз при входе нас и наши сумки проверяла служба безопасности; это занимало очень много времени, а если мы въезжали на автобусе, то и вовсе продолжалось бесконечно. Кроме того, все женщины-спортсменки должны были пройти специальный контроль, который удостоверял, что мы и в самом деле женщины. С внутренней поверхности щеки брали мазок, изучали его в лаборатории, а потом давали бумажку, где говорилось, что ты в порядке.

В тот день, когда мы переселились в олимпийскую. деревню, Сергей заболел желудочным гриппом и у него поднялась температура. Он так плохо себя чувствовал, что два дня не выходил на лед. Я была напугана и страшно волновалась. Доктор, наблюдавший за конькобежцами, Виктор Аниканов, забрал его к себе в номер и двое суток не давал ему ничего есть. Сергей выглядел очень худым и слабым, и я боялась, что он не сможет участвовать в соревнованиях. Однако методика доктора помогла Сергею быстро выздороветь — на третий день он появился на льду, и все снова было в порядке.

В кафе для спортсменов делали самые вкусные ватрушки, которые мне когда-либо доводилось есть, так что я питалась в основном ими. Иногда ела овощные салаты, йогурты и фрукты. И никакого мяса. Никто не говорил, что не следует есть мясо, я так решила сама. Правда, все только и делали, что давали мне самые разные советы, — им казалось, будто я слишком худая. А я страшно злилась.

Юноши жили на разных с нами этажах, и мы с Сергеем виделись меньше, чем обычно. Я снова поселилась с Анной Кондрашовой. Время от времени сталкивалась с Сергеем где-нибудь на территории деревни, но он всегда был с Сашей Фадеевым, с которым жил в одной комнате, или еще с кем-нибудь из своих приятелей. Я стеснялась заходить к ним в номер, садиться за тот же столик в, кафе. Елена Валова и Олег Васильев прекрасно ко мне относились, но из-за того, что я была такая молодая, постоянно меня дразнили. «Что ты ешь?» или «Почему ты ничего не съела?» Мне это совсем не нравилось. Поэтому я

частенько ходила обедать одна и тогда делала все, что хотела. В дневнике я писала, что скучаю по дому. Я приехала в Канаду, чтобы принять участие в Олимпийских играх, но единственное, о чем я мечтала, — оказаться дома. Вы можете себе такое представить?

Катки в Калгари, доставили нам ряд неудобств. «Сэддлдом», где должны были проводиться соревнования, был большим и удобным, с отличным ледовым покрытием, соответствующим олимпийским стандартам. Но мы редко попадали туда на тренировки, поскольку там, проводились соревнования по хоккею, Тренировались мы на небольшом катке, который был меньше и уже того, к которому мы привыкли дома. Нам с Сергеем постоянно приходилось думать о том, чтобы не налететь на бортик, а то, что мы вынуждены были тренироваться в разных местах, несколько раздражало. Мы решили не принимать участия в церемонии открытия, поскольку на следующий день начинались соревнования в короткой программе, а на вечер у нас была намечена тренировка. Так что открытие мы смотрели по телевизору.

На следующее утро главный тренер ЦСКА Виктор Рыжкин зашел к нам, чтобы пожелать удачи. Я была рада его видеть; мы к нему хорошо относились, к тому же он передал мне приветы и поцелуи от родных, письмо от мамы и еще икры. Прочитав письмо, я почувствовала прилив сил, потому что знала, для кого буду кататься: для моих родителей, которые так много мне дали. В дневнике я написала, что сегодня мой первый праздник Святого Валентина в Америке. Мне объяснили, что в этот день влюбленные обмениваются подарками. Но поскольку в России такого праздника нет, мы с Сергеем ничего друг для друга не приготовили.

Я была уверена в том, что все будет хорошо. Не могу объяснить почему. Ожидание подошло к концу. Думаю, именно оно и сводило меня с ума. Мы откатали короткую программу, «Марш тореадоров», почти идеально и завоевали первое место. Единственное, что получилось не очень хорошо, — мы закончили кататься, стоя спиной к судьям. Когда мы подняли головы, то страшно удивились, не увидев судейской бригады. Потеряли ориентацию во время последнего вращения. Но мы просто рассмеялись и повернулись, чтобы сделать первый поклон. Никто, кроме нас, этой ошибки не заметил.

Я уже решила, как отпраздную окончание соревнований.

В игровой комнате в олимпийской деревне имелось кафе, где можно было заказать любое, какое только пожелаешь, мороженое: со взбитыми сливками и добавками, сотня разных сортов. Я

пообещала себе: как только соревнования спортивных пар подойдут к концу, буду ходить туда каждый день. Я всегда была именно такой — пока идут соревнования, баловать себя нельзя. Анна Кондрашова таких правил не придерживалась, и поэтому я каждый день с завистью наблюдала за тем, как она съедает солидную порцию мороженого с сиропом, орехами и фруктами. Она давала мне чуть-чуть попробовать — ужасно вкусно.

Я помню, что взглянула на Леоновича, перед тем как выйти на произвольную программу. Он был так бледен, что мне даже стало смешно.

По мере приближения момента нашего выхода на лед Леоновича словно бы охватывало оцепенение. Он никогда не произносил никаких напутственных слов. Но даже если бы он и попытался, мы бы его все равно не услышали, потому что он говорил почти шепотом. Казалось, когда приходит наша очередь показать, на что мы способны, его оставляют силы.

В такие минуты мне в голову приходили всякие глупые мысли. На этот раз я подумала: «Бедняга Стас, и зачем он из-за нас так нервничает? Мог бы спокойно сидеть дома с женой и детьми и смотреть фигурное катание по телевизору».

Произвольную программу мы откатали просто отлично, и судьи единодушно дали нам первое место. Безусловно, я была рада, но не испытывала никаких сверхъестественных чувств.

Мы не стали устраивать никакого праздника, по крайней мере я ни в каком празднике не участвовала. Леонович меня никуда не пригласил. Елена и Олег, завоевавшие серебряную медаль, пошли куда-то вместе с Сергеем, меня они с собой не взяли. Я осталась наслаждаться своим мороженым в одиночестве, но, как выяснилось, и тут меня ждало разочарование.

Я направилась в игровую комнату, чтобы наконец по-настоящему попробовать знаменитый пломбир с орехами и фруктами... И представьте — кафе было закрыто, причем навсегда! Я так разозлилась, что пошла в самое обычное кафе и съела три порции мороженого, но оно оказалось совсем не таким вкусным. А вечером я написала в своем дневнике:

«Я сижу в своем номере и чувствую себя ужасно странно, потому что все закончилось. Как-то даже слишком быстро. Мы столько готовились — и вот соревнования уже позади. Конечно, я счастлива. Я позвонила маме на работу в ТАСС прямо из пресс-центра, и она так удивилась. Леонович сказал мне уже после соревнований, что ему приснилось, будто мы победили. Раньше ему никогда не снились сны про фигурное катание. Он не знал,

стоит ли говорить нам про этот сон перед тем, как мы выйдем на лед, и не знал, к добру это или нет. Я ужасно хочу домой, И скучаю по маме. Мне уже здесь немного надоело». Странно, что у меня было такое невеселое настроение после того, как я выиграла олимпийскую медаль.

На следующий день Рыжкин поздравил нас от имени федерации и выдал каждому по три тысячи восемьсот шестьдесят долларов наличными. Я не могла поверить своим глазам, потому что мы и не предполагали, что получим какую-нибудь премию за то, что победили в соревнованиях. Мне платили что-то вроде зарплаты, триста пятьдесят рублей в месяц — больше, чем зарабатывали мои родители, Но эта премия... таких денег я никогда в жизни не видела.

Олимпиада продолжалась еще дней десять. Не могу сказать, что я провела их как-то уж особенно весело. Множество фотографов, интервью... Мы практически не виделись с Сергеем. Во время интервью для Эй-би-си я познакомилась с Пегги Флеминг, которая подарила мне красный свитер с пандой на груди. Журнал «Вог» захотел сфотографировать меня одну, без Сергея, в костюме, в котором я выступала. Мне страшно не понравилась идея фотографироваться в костюме, но без коньков. К тому же фоном было что-то вроде леса, и я чувствовала себя ужасно глупо, стоя среди деревьев в платье для фигурного катания. Мне было не по себе и хотелось, чтобы все оставили меня в покое.

Оглядываясь назад, на Калгари, на наши первые Олимпийские игры, я вдруг поняла, что не помню, каким там был Сергей, и меня это сводит с ума. Я даже не помню, как он выглядел. Наверное, тогда меня настолько занимали сами соревнования, что на него я не смотрела. Не могу даже с уверенностью утверждать, ходили ли мы на прогулку перед произвольной программой — обычно мы так всегда поступали. А если и ходили, то куда? И о чем разговаривали, и разговаривали ли, в общем, не помню, и все тут, и страшно на себя за это злюсь.

Выиграв золотую медаль, я решила, что имею право на подарок для самой себя. Поэтому в первый раз в жизни сделала завивку и проколола уши, купив маленькие сережки с бриллиантами.

Конечно же, я присутствовала на всех соревнованиях. Брайан Бойтано, Брайан Орсер и Виктор Петренко были просто великолепны. Я с удовольствием наблюдала за борьбой между Деби Томас и Катариной Витт. Деби каталась не очень хорошо. Я сидела рядом с пятачком «поцелуев и слезы, где стоял ее тренер, Алекс Макгауан, и помню, как в самой середине программы Деби

к нему повернулась и сказала:

— Прости меня.

Катарина Витт к тому времени уже выступила и была просто великолепна. Она нервно расхаживала взад и вперед, не могла устоять на месте, замирала на минутку, потом снова куда-то устремлялась, ни на секунду не сводя глаз с Деби. Мне было ее очень жалко. Телевизионные камеры не отрывались от ее лица, и все, что она чувствовала, видели миллионы людей. Может быть, именно поэтому она не оставалась подолгу на одном месте, старалась от них спрятаться.

Я сидела среди зрителей, ела воздушную кукурузу, и камера частенько останавливалась и на мне тоже. А на следующий день все меня спрашивали: «Ну как, понравилась воздушная кукуруза?» Сейчас то же самое переживает Оксана Баюл — каждый раз, приходя на хоккейный матч, она не знает, где сесть, и постоянно оказывается в поле зрения телевизионщиков. Соревнования между женщинами проводились в последний день Олимпиады, и я снова осталась одна. Я никуда ни с кем не ходила. Все остальные спортсмены были намного меня старше, им со мной, наверное, было жутко скучно. Я отправилась на какой-то банкет в полном одиночестве, надеясь найти там кого-нибудь из своих, но когда заглянула в зал, там было совершенно темно, даже стулья не расставлены. Просто столы с едой и холодильник с напитками. Видимо, я пришла первой. Мне стало не по себе, и я решила вернуться в номер.

У дверей стоял какой-то человек и держал в руках мешок с меховыми шапками, приготовленными в подарок всем девушкам. Поскольку найти они смогли только меня, то все шапки мне и отдали, попросив передать остальным. На следующий день мы уезжали, поэтому я прошла по общежитию, пытаясь отыскать хоть кого-нибудь, — безрезультатно. Я держала в руках мешок с шапками и чувствовала себя страшно одинокой.

Для большинства спортсменов Олимпийские игры — это место, где заводят новых друзей. Анна Кондрашова, например, на Олимпиаде в Калгари влюбилась в спортсмена из Латвии, который участвовал в соревнованиях по лыжному двоеборью. В номере она почти не сидела. Каждый вечер уходила погулять, встретиться с кем-нибудь, повеселиться.

У Сергея в Калгари тоже появилось множество друзей. А я была слишком робкой. Кроме того, с кем я могла куда-нибудь пойти? С хоккеистами? Немыслимо. Наверное, если бы мне удалось найти кого-нибудь, кому тоже было шестнадцать, мы бы придумали, как провести время. Но я стеснялась даже из номера выходить, мне казалось, что все тут же начнут меня спрашивать,

что я делаю и куда иду. Я бы не смогла ответить на эти вопросы. Мне нравилось само фигурное катание, я гордилась нашим успехом, но время после соревнований тянулось невыносимо долго, и я чувствовала себя несчастной.

Мы летели домой на особом самолете, который делал четыре посадки, так что весь путь занял двадцать один час. Мы приземлялись, ребята шли в беспошлинный магазинчик, покупали спиртное, снова садились в самолет. Все словно с ума посходили. Наверное, я и пилот самолета были единственными, кто оставался во время того перелета трезвыми. Было 29 февраля, високосный год, и все по дороге домой отмечали день рождения Раисы Сметаниной, завоевавшей медаль в лыжной гонке. Поэтому прилетели в Москву совершенно без сил, а в аэропорту собралось много людей с цветами, звучали торжественные, поздравительные речи.

Когда я показала свою олимпийскую медаль отцу, он сделал то же самое, что и со всеми остальными моими медалями, — положил награду в огромный бокал и наполнил его шампанским. А потом пустил бокал по кругу, чтобы каждый мог пригубить. Именно поэтому все ленточки на моих медалях в пятнах.

Отец страшно мной гордился. Когда мы с Сергеем начали выигрывать чемпионаты, он стал менее строгим, хотя временами не мог удержаться и начинал критиковать наши костюмы: «Мне кажется, этот цвет не годится». Но я уже не воспринимала его слова так серьезно, как раньше. У меня были тренеры, хореограф и мой Сергей — они говорили мне, что с их точки зрения хорошо, а что не очень. Но отец — артистическая натура, и он чувствовал, что должен высказать свое мнение, которое у него всегда имелось. Мне просто приходилось с этим мириться.

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

Отпраздновать получение нами золотых медалей мои родители решили у своего приятеля — Егора Губы, жившего на Волге, в двух с половиной часах езды на машине от Москвы. Он всегда был рад гостям. Летом он возил нас к запруде на реке, где мы купались и катались на водных лыжах. Если нам хотелось порыбачить, он ставил сети, куда заплывали карпы и щуки, блестящие и серебристые, а иногда и окуни.

Мы провели у Егора четыре или пять дней, катались на мотосанях, ходили в его баню, отдыхали, разговаривали и подолгу сидели за столом. Однако нужно было возвращаться в Москву и снова приступать к тренировкам, пришла пора готовиться к чемпионату мира в Будапеште. У меня тогда возникло очень необычное чувство: мы совершили нечто особенное, эмоционально я была опустошена и не могла себе даже представить, как снова выйду на лед.

Олимпийский сезон — сложное время, многие спортсмены после Игр переживают тяжелый период, который длится год, иногда два. Кажется, что тебя сбили с ног и ты не можешь подняться.

Когда мы приехали в Будапешт, я заболела гриппом. Меня тут же начали пичкать лекарствами и поить теплым молоком. А во время соревнований, когда мы катали произвольную программу, я упала при исполнении тройного выброса. Не смогла как следует приземлиться. А Елена Валова и Олег Васильев катались просто здорово и в третий раз победили.

Я за них порадовалась — несмотря на то что ужасно расстроилась из-за своего промаха, — ведь это было их последнее соревнование в любительском спорте. Елена от счастья смеялась и плакала одновременно. Она была очень волевым человеком, перед каждым соревнованием ей приходилось крепко бинтовать ногу, и она выступала, сражаясь не только со своими соперниками, но еще и с болью.

Мне запомнилась последняя тренировка перед выступлением женщин в произвольной программе. Деби Томас и Катарина Витт катались под одну и ту же музыку, из «Кармен». Катарина после победы на Олимпийских играх была в великолепной форме и так спокойна и уверена в себе, что захватила фотоаппарат и попросила кого-то ее сфотографировать. А потом она сделала то, что поразило меня до глубины души.

Когда заиграла музыка для Деби, Катарина начала под нее кататься. Она делала движения из своей программы под музыку

Деби, и все только на нее и смотрели: судьи, другие фигуристы, тренеры. Деби не знала, как ей поступить. У Катарины был такой вид, словно она хотела сказать: «Сейчас я в настроении немного покататься, и мне наплевать, что обо мне подумают другие». Она выполнила тройной риттбергер, хотя в ее программе такого элемента не было. Конечно же, вести себя так некрасиво, и я сочувствовала Деби. Но ведь это спорт, а Катарина самая настоящая чемпионка во всем, даже в образе мышления. Она умеет выигрывать, и с моей точки зрения, Витт завоевала свою золотую медаль именно тогда, во время той тренировки.

Чтобы немного утешиться после того, как мы проиграли чемпионат мира, я решила купить себе что-нибудь красивое и надеть это на банкет. Не знаю, какой в меня вселился бес, но я выбрала коротенькую юбочку с оборкой по подолу — страшно модную тогда — и блузку. Я очень смущалась, когда все это надела, но одновременно и гордилась собой. Когда Сергей увидел меня, то только и смог сказать: «Ого!» Мне стало немного легче. Я начала понимать, что, если мне хочется привлечь к себе внимание, я должна красиво одеваться, может быть, даже немного сексуально. Андрей Букин и Крист Боуман тоже обратили внимание на мой вид, что мне очень польстило. Сергей мне ничего не сказал, но я видела, что ему это не нравится. Но и мне не доставляло особого удовольствия, когда другие девушки оказывались рядом с ним. Если он подходил к кому-то поговорить или приглашал на танец, я тут же заговаривала с каким-нибудь молодым человеком.

После чемпионата мира нам предложили принять участие в турне по двадцати пяти европейским городам; спонсором турне выступал ИСУ. Европейские турне были более суматошными, чем американские. Без конца возникали какие-то проблемы, представления никогда не начинались вовремя, расписание было не таким напряженным, а дисциплина совсем не суровой. После представлений устраивались длинные обеды, потом вечеринки или походы в ночные клубы.

Я была по-прежнему самой молодой, и когда Сергей и другие фигуристы — Марина Климова и Сергей Пономаренко, Саша Фадеев и Лиз Мэнли или Виктор Петренко — куда-нибудь по вечерам уходили, меня с собой не брали. Они частенько проводили время в барах, а со мной их бы туда не пустили. Я расстраивалась, иногда сердилась, но, в общем, все понимала. Сергей иногда говорил: «Катя, не огорчайся, завтра мы будем вместе сидеть в автобусе». И обнимал меня.

Во время этого турне мы с ним очень сблизились. Он стал чаще меня обнимать, а я нередко спала, положив голову ему на

плечо, когда мы переезжали с места на место. Мне это так нравилось!

Вскоре мы начали понимать, что нуждаемся друг в друге не только на льду. И хотя я все равно чувствовала себя неуютно из-за того, что была младше всех, я вдруг заметила, что интересую Сергея не меньше, чем его друзья. Мы много разговаривали о самых разных вещах, я о нем заботилась, а он оказывал мне знаки внимания. Именно поэтому мне было особенно обидно, когда он куда-то уходил с другими, оставляя меня одну. В Европе столько всего можно посмотреть! И если раньше мне было совершенно все равно, когда Сергей не приглашал меня прогуляться вместе по Парижу и посмотреть Эйфелеву башню или побродить по какому-нибудь лондонскому парку, теперь мне это причиняло настоящую боль.

— Мог бы и меня позвать, — говорила я, — пожалуй, я бы тоже с тобой пошла.

А он отвечал:

— Понятия не имел. Мне и в голову не приходило, что ты захочешь.

Мы никогда не гуляли вдвоем, поэтому я стала ходить на прогулки одна. Я жила вместе с Натальей Бестемьяновой и проводила много времени вместе с ней и ее партнером Андреем Букиным. И у него и у нее были свои семьи. А еще с Валовой и Васильевым, которые тоже были женаты. Но чувствовала я себя при этом довольно странно.

Сергей же уделял много внимания другим фигуристкам. Помню, как один раз он танцевал с немецкой фигуристкой — эта картинка так и стоит у меня перед глазами. Я страшно тогда расстроилась, но ничего ему не сказала. Нас не связывали никакие отношения, и я не чувствовала, что он мне принадлежит. Надо отметить, что тот олимпийский год совсем не принес мне счастья. После европейского турне у нас появилась возможность отправиться в новое турне по Америке, которое организовывал Том Коллинз. Все остальные фигуристы согласились принять в нем участие, но я так устала от бесконечных переездов, что сказала «нет». Я объяснила Сергею, что скучаю по маме и не выдержу двух турне подряд. Естественно, это означало, что мы и наши тренеры лишимся достаточно приличной суммы денег. Меня попытался переубедить Леонович, потом Татьяна Тарасова. Но я твердо стояла на своем.

Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что, видимо, это был неразумный поступок, но, с другой стороны, я впервые самостоятельно приняла серьезное решение, не обсуждала его ни с мамой, ни с отцом. Сергей, конечно же, был недоволен, однако

сказал мне только, что я должна сама понять, чего хочу. Он не старался повлиять на меня или заставить передумать.

Так что остальные фигуристы полетели в Америку, а мы с Сергеем вернулись в Москву.

Золотая олимпийская медаль никоим образом не изменила нашу жизнь. Возможно, нас стали чаще узнавать, но дома я не чувствовала себя знаменитостью. Москва такой большой город, занятый своими проблемами и делами, да и живет в ней множество известных спортсменов. Только вот мои родители устроили мне грандиозный сюрприз — мы поехали вместе на две недели на Черное море. Когда я была там, мне позвонили из тренерского отдела нашего клуба и сообщили, что президент Михаил Сергеевич Горбачев приглашает меня на торжественный обед, который устраивает в честь президента Рональда Рейгана.

Я была страшно взволнована, не сомневалась, что Сергея пригласили тоже, и уже заранее предвкушала то удовольствие, которое получу, когда пойду на этот торжественный обед вместе с ним. Вернувшись в Москву, я сразу позвонила Сергею и узнала, что его не позвали, но он сказал, что я все равно должна идти. Я не имела ни малейшего понятия, как следует себя вести, и без Сергея, в окружении чужих людей, чувствовала себя ужасно. Меня посадили рядом с президентом Рейганом и Раисой Горбачевой, но она со мной не разговаривала, и мне было невероятно скучно.

Вернувшись домой с Черного моря, я узнала, что в мое отсутствие Сергей принес мне цветы и духи по случаю моего семнадцатилетия. Я не предупредила его, что собираюсь уехать, поэтому он оставил подарки бабушке, которая была от них в не меньшем восторге, чем я. «Смотри, что Сергей тебе купил!» Она обожала Сергея и уговаривала меня приводить его домой на обед после тренировок. «Почему ты не позвала Сергея? — спрашивала она. — Я испекла его любимые пирожки с мясом».

Я послала ему телеграмму с благодарностью за подарки. Не помню, почему не позвонила, — наверное, его не было дома.

Мы не виделись еще недели две, а потом встретились в тренировочном лагере на Балтийском море, в Юрмале. Мне показалось, что он похудел, а когда я посмотрела на него повнимательнее, то заметила шрамы на руках и следы от швов.

— Что это? — испуганно спросила я.

Он не ответил на мой вопрос, только сказал:

— Тебя это не касается.

В конце концов мне удалось узнать, что была какая-то драка. Он никогда не говорил со мной о подобных вещах. И о своей боли тоже. Никогда не обсуждал плохое. Словно считал, что я не должна знать об этой стороне жизни.

Я становилась старше. Выросла на несколько сантиметров и теперь была ростом почти метр шестьдесят, а весила больше сорока трех килограммов. Кроме того, я стала по-другому относиться ко многим вещам. Почти ко всему. Мама говорила, что дело в возрасте, что все девочки проходят через такой период, когда взрослеют, но я все равно никак не могла привыкнуть ко всем этим изменениям и новым чувствам; В своем дневнике я написала, что моя собственная природа сводит меня с ума. Я начала грубить Леоновичу, который, как мне казалось, вел себя с нами недостаточно жестко.

Сергей мне часто повторял:

— Катюха, он хочет, чтобы работа доставляла нам удовольствие. Он отличный тренер.

Но я не желала его слушать. Из-за того, что происходило с моим телом, у меня возникли проблемы с приземлением во время прыжков — получалось так, словно я должна всему учиться заново. А Леонович приходил на тренировку и предлагал:

— Так, делайте сегодня все, что хотите. Прислушивайтесь к своему телу и ногам.

Я же впадала в ярость и возмущенно кричала Сергею:

— Он тренер! Он обязан давать нам указания.

Потом я переживала из-за того, что так отвратительно себя с ним вела, — а на следующий день вовсе не была уверена в своей вине. Что бы я ни делала, у меня всегда было несколько мнений по поводу собственной деятельности. И я постоянно старалась как-то повлиять на свое настроение. Если мне было грустно, я пыталась развеселиться — естественно, у меня ничего не выходило.

Мне не с кем было поговорить о том, что со мной происходило, кроме второй половины своей личности, — я ведь все-таки Близнец. Ни с сестрой, которая была на четыре года младше, ни с мамой, поскольку меня часто не бывало дома. Да и с Аней Кондрашовой тоже, не так близки мы с ней были. У меня не было близкой подруги, с которой можно поболтать, посплетничать, посоветоваться. Поэтому мне приходилось держать свои сомнения при себе.

Однако когда я пыталась поделиться своими мыслями с Сергеем, сказать ему, что я не уверена в том, что правильно веду себя с Леоновичем, может быть, мне не нужно критиковать его за то, что он с нами не слишком строг, Сергей всегда отведал, что я ему нравлюсь такая, какая я есть, Сердце начинало отчаянно колотиться у меня в груди, и я была счастлива.

Сергей был старше меня, и я всегда считала его надежнее, сильнее, гораздо разумнее, знала, что он читал намного больше

меня. Он умел получать от жизни удовольствие, умел разговаривать с тренерами, у него было множество друзей. Сергей твердо знал, чего хочет от жизни. Мне нравилось смотреть на него, когда он оказывался рядом со своими друзьями, я видела, как хорошо ему с ними. Я даже завидовала его приятелям, потому что вовсе не была уверена, что со мной он будет так же счастлив. Особенно я ревновала его к Марине, потому что они подолгу разговаривали и ему эти разговоры были явно интересны. Мне казалось, что она талантливее, образованнее меня, знает про музыку гораздо больше, чем я. Со мной она обсуждала только работу и наши программы, а вот с Сергеем — множество других вещей. Может быть, именно по этой причине я и сосредоточила все свое внимание на катании. Я была уверена, что они — в особенности Марина — думают, будто я ни в чем, кроме фигурного катания, ничего не понимаю.

Вот почему я была так счастлива, когда Сергей стал вести себя со мной как с близким другом. Теперь мы проводили вместе гораздо больше времени. Если я грубила Леоновичу на тренировке или была в плохом настроении, Сергей морщился и говорил: «То, что ты сейчас вытворяешь, нехорошо». И ни разу не повысил на меня голос. Когда я начинала стучать по бортику коньком, чего Сергей терпеть не мог, он никогда громко не выражал свое возмущение, а лишь шептал; «Не унижайся. Ты же не маленький ребенок. Если ты собой недовольна, не показывай этого другим. Нужно уметь справляться со своими неудачами».

Не знаю, откуда бралось это хладнокровие. Может быть, таким был его отец. Именно поэтому все друзья так гордились Сергеем. Он мог безумствовать, как и любой другой, но когда нужно было быть сильным, он успокаивался и уже ничто не могло вывести его из равновесия. Я видела в нем те качества, которых не имела сама: уверенность, стабильность и зрелость. Вот почему он был для меня божеством, и мне казалось, что я его не стою, что он не для меня. О таком мужчине позволительно лишь мечтать.

ЛЮБОВЬ

После напряженного олимпийского сезона, который к тому же пришелся на сложный период взросления, мой организм был ослаблен. По-видимому, это привело к травме — трещине правой стопы.

В больницу меня возил отец, там мне наложили гипс. Я была страшно расстроена, плакала и тогда подумала, что мне не следовало никому ничего говорить, я вполне могла кататься, боль была терпимой.

Гипс должны были снять через месяц, но на лед мне разрешат выйти только через четыре недели после этого. Следовательно, весь новый сезон пройдет кое-как...

Но это время, когда я не могла тренироваться, оказалось самым важным в моей жизни. Иногда я думаю: сложилось бы все так, как оно сложилось, если бы я была здорова?

Я начала заниматься английским с преподавателем, два раза в неделю, потому что успела забыть все, чему меня учили в школе, даже алфавит мне пришлось осваивать заново. Но ведь английский — язык международного общения, его следует знать. Благодаря травме у меня появилось время для занятий. У мамы было два учебника по грамматике английского языка, которые она сохранила с тех пор, как сама училась в школе, они мне очень пригодились. Кроме того, я подружилась в Калифорнии с человеком по имени Терри Фоли, который прислал мне в подарок золотые сережки, после того как мы завоевали первое место. Он работал инженером в корпорации Макдонелл-Дуглас» и летом вместе со своими тремя дочерьми приезжал к нам в гости в Москву. Несколько раз в месяц я писала ему письма по-английски, а он присылал их мне назад с исправленными ошибками. Мне это тоже очень помогло. Сергей навещал меня или звонил каждый день. Иногда приходил на обед, а один раз я испекла для него пирог. Теперь я уже была уверена, что много для него значу. В середине декабря мне сняли гипс, но нога еще болела, и кататься я не могла. Марина сказала мне, что хореографические упражнения очень полезны для восстановления формы, и я поехала вместе с ней в Новогорск. Я также поднимала тяжести, плавала, и мы с Сергеем тренировали поддержки. Он, естественно, продолжал работать на льду, учил новую программу, которую сочинила для нас Марина.

Однажды в конце декабря я пришла на каток, чтобы на него посмотреть. Я чувствовала себя ужасно из-за того, что стою у бортика, в то время как Сергей катается без меня, и, как ни глупо

это звучит, начала беспокоиться, что ему надоест ждать, когда я поправлюсь, и он выберет себе другую партнершу.

— Ты такая грустная, Катюха, — подъехав ко мне, сказал он. — Наверное, хотела бы покататься?

— Конечно, я грущу, Серега. Ты так здорово прыгаешь, а когда я снова встану на коньки, мне и на пять сантиметров не удастся оторваться ото льда.

Он улыбнулся своей чудесной, нежной улыбкой.

— Давай я тебя покатаю.

С этими словами он поднял меня и стал кататься, держа меня на руках.

Я будто летела, а мое сердце стучало так громко, что я не сомневалась — Сергей его слышал. Я чувствовала себя лучше, чем если бы была здорова.

Мы снова пригласили Сергея на праздник Нового года, который собирались отмечать вместе с Егором Губой в его доме на берегу Волги. Сергей ответил, что не знает, сможет ли приехать. Мне хотелось подарить ему что-нибудь хорошее, я невероятно смущалась, но купила ему грейпфрутовый ликер Парадиз» в зеленой бутылке с птичками на этикетке. Позже я узнала, что такой подарок больше подошел бы женщине. Но тогда я не имела об этом ни малейшего представления и была ужасно собой довольна.

Утром тридцать первого декабря мои родители приехали в Новогорск, чтобы забрать нас с собой, однако Сергей сказал, что будет отмечать Новый год с Сашей Фадеевым. Я расстроилась, хотя решила ему этого не показывать, отдала свой подарок, поцеловала в щеку — и почувствовала, что ему это приятно.

Мы добрались до Егора еще засветло, и я, по-прежнему страшно расстроенная, решила немного поспать. А тем временем Сергей и Саша передумали, но проблема заключалась в том, что им не на чем было добраться до Егора. Выход, естественно, они нашли, наняв частную машину.

Сергей зашел в комнату, где я спала, чтобы меня разбудить. Я так удивилась и обрадовалась, увидев его! Думаю, он был немного навеселе, потому что, когда я спросила, как они доехали, он ответил: «Твой ликер помог скоротать время». А потом спросил, не хочу ли я сходить с ним и посмотреть на Сашино поместье, которое он купил неподалеку. На самом деле там были баня и небольшой деревенский дом.

Я сразу сообразила, что Сергею баня вовсе не нужна, потому что у Егора она тоже была, просто он хочет увести меня от родителей. Мы добрались до Сашиного участка, и Фадеев растопил баню.

В тот день парился только Саша. Мы с Сергеем сидели в предбаннике за столом и разговаривали. Он налил мне маленькую рюмку водки и прошептал:

— Я хочу тебе кое-что сказать.

Ему было очень трудно произнести то, что он собирался. Даже водка не помогла. Я видела, он ужасно смущен, но понимала, что вот сейчас должно произойти что-то очень важное.

И вдруг он заявил:

— А почему бы нам не поцеловаться?

Или что-то вроде этого. Наверное, Сергей видел, что я не имею ничего против. Он нежно поцеловал меня в губы, а потом еще раз, только уже дольше. И тут из парной вышел Саша, чтобы чего-нибудь съесть. Я так смутилась, что не могла поднять на него глаз.

Он, видимо, что-то сказал, не помню, что именно. А потом схватил со стола какую-то еду и исчез. Сергей улыбался, я, наверное, покраснела. Когда Саша скрылся за дверью, мы поцеловались еще раз. Так продолжалось некоторое время. Периодически появлялся Саша, хватал несколько глотков свежего воздуха; ему было неудобно нам мешать, но он понимал, что если будет сидеть в парной безвылазно, то вряд ли выживет. Мы с Сергеем делали вид, что страшно ему рады, принимались с ним болтать и ждали, когда он снова скроется. В конце концов в девять часов вечера Саша сказал, что нам пора возвращаться, поскольку мои родители уже наверняка беспокоятся, куда это я подевалась. Я думаю, тогда он потерял не меньше пяти килограммов.

Помню, как мы шли назад и прислушивались к скрипу снега под ногами. Поля были укутаны белым снегом, а от луны на землю ложились причудливые тени. Было необыкновенно красиво, и я чувствовала себя совершенно счастливой.

«Интересно, — думала я. — Почему я? Почему мне так повезло? Я такая маленькая, робкая, мне так мало лет, Сергей мог выбрать какую-нибудь длинноногую красавицу. Почему же я?» Вот какие мысли проносились у меня в голове. Неожиданно я поняла, что стала старше.

Когда мы вернулись к Егору, все женщины отправились в баню. Я никому ничего не сказала о том, что произошло между мной и Сергеем. Это был мой секрет, и я не хотела ни с кем им делиться. Может быть, боялась, что у Сергея сегодня хорошее настроение, поэтому он и целовал меня. А может, в глубине души считала, что он быстро меня разлюбит и все закончится.

Потом мы пошли наряжаться и готовиться к празднику. Я выбрала ту же коротенькую юбку, что надевала на банкет после

чемпионата мира, а во время ужина выпила немного шампанского. В полночь все начали целоваться друг с другом, как того требует обычай, но Сергей лишь чуть коснулся губами моей щеки. Наверное, потому, что рядом были мои родители. Мы танцевали, дарили друг другу подарки. Потом был фейерверк, который Егор приготовил специально для этого случая,— снег, расцвеченный яркими, разноцветными огнями, невероятно красив.

На следующий день надо было возвращаться в Новогорск, и мы устроились вместе на заднем сиденье машины, когда отец нас туда вез. Нам хотелось поскорее остаться наедине, и, как только мы прибыли на место, я тут же пошла с Сергеем в его комнату.

После того как мы поцеловались, я спросила:

— Сережа, почему ты выбрал меня? Я еще недостаточно взрослая. Совсем некрасивая. И фигура у меня ужасная.

Сергей приложил палец к моим губам и сказал: — Ты ошибаешься. Ты уже достаточно взрослая. Тебе ведь семнадцать. У тебя отличная фигура. И все будет просто замечательно. Я люблю тебя именно такой, какая ты есть, Катюша.

Он говорил очень, очень серьезно. Обнимал меня, и я не замечала, как проходят минуты... или часы? Не знала, какое сейчас время суток — день или ночь. Мы сидели прижавшись друг к другу и целовались.

В конце концов кто-то постучал в дверь. Мы сделали вид, что нас нет, — не хотели, чтобы кто-нибудь узнал о наших чувствах. А я все никак не могла поверить в свое счастье — события развивались так быстро. Прошел почти год с тех пор, как мы поняли, что перестали быть просто партнерами, с тех пор, как Сергей меня уронил и я провела в больнице шесть дней. За все это время он ни разу меня не поцеловал. Чтобы сделать этот первый шаг, нам понадобилось тринадцать месяцев. И вдруг за один день мы поняли, что любим друг друга.

Я никому не стала ничего рассказывать. Ни маме, ни сестре — никому. О наших отношениях не знал никто в Новогорске. Только сестра Сергея, Наталья. Она очень на него похожа, у них одинаковые улыбки, черты лица. Сергей сказал ей перед Новым годом:

— Мне кажется, я люблю Катю.

Поскольку первый шаг сделал Сергей, я стала с ним смелее, чувствовала себя увереннее и старалась как можно больше уделять ему внимания.

Девятого января, почти через два месяца после травмы, мне разрешили выйти на лед, но времени на подготовку к европейскому чемпионату, который проводился в Бирмингеме, в

Англии, было недостаточно.

И тем не менее федерация послала нас на соревнования, чтобы мы могли их посмотреть. Это было в середине января, и мне казалось, что весь мир вокруг переменился. В отеле нас поселили в разных номерах, но мы жили в одном.

Сергей прекрасно понимал, что очень важно меня не испугать. А мама так и не успела рассказать то, что мне следовало бы знать. Я была наивной девочкой, у которой и подружек-то не было, с которыми можно поговорить о сексе.

Уверена, Сергей не предполагал, что я окажусь до такой степени неопытной. Но не торопил меня. Он уважал мое достоинство и скромность и был невероятно нежным и внимательным, хотя вполне мог бы и разозлиться, а я бы тогда страшно расстроилась.

Он давал мне советы, и я вскоре поняла, что должна быть более ласковой и чуткой. Неожиданно благодаря ему я ощутила, что стала старше, превратилась в женщину. Я не чувствовала себя неловкой или неумелой, хотя вначале так и было. Сергей никогда не мог причинить другому человеку боль, обидеть его. Он был очень добрым человеком.

Того чемпионата я не помню. Мы садились в Бирмингеме на поезд, ехали утром в Лондон и гуляли по городу. Заходили в пабы, Сергей заказывал себе пиво, а мне — какой-нибудь коктейль, но у меня и без спиртного постоянно кружилась голова. Вечером мы возвращались в Бирмингем на соревнования, но я так уставала, что ничего толком не видела. А потом мы отправлялись в отель и проводили новую, романтическую ночь вместе много счастья, радости, чудесных минут и совсем мало сна.

Мы никому не сказали о том, как изменились наши отношения. Мне было так хорошо, что я не хотела ни с кем делиться. Когда я наконец заговорила о сексе с мамой и стала задавать ей кое-какие вопросы, то не упомянула Сергея. Я спрашивала так, словно меня интересовали их отношения с отцом: «Что вы с папой делаете, когда?..» Ну и все в таком же духе. Думаю, она все равно догадалась.

Мама всегда любила Сергея. Для нее он был скорее другом, чем зятем. Он начал называть ее по отчеству — Львовна. Так к ней не обращался никто другой, и маме это доставляло удовольствие. Потому что таким образом Сергей давал ей понять, что она ему нравится, он ее уважает и что она его близкий друг. Я же никогда не могла дружить с людьми намного старше себя. Мать Сергея я называла Анной Филипповной. Леоновича — Станиславом Викторовичем. А Марину — Мариной Олеговной. Знак уважения, но и возможность удерживать дистанцию. Даже и

сейчас я не могу разрушить этот барьер формальности.

Возможно, дело в том, что в отличие от Сергея я не так уверена в себе. И более сдержанна. Может быть, не хочу открываться для того, чтобы завести с кем-то более близкие отношения. Я всегда завидовала способности Сергея быть естественным с другими людьми и чувствовать себя с ними совершенно свободно и непринужденно. Ему было все равно, что они его старше. Он много читал и очень многому научился из книг. Они сыграли в его жизни огромную роль.

Впервые он начал разговаривать со мной о своих мечтах, о будущем. Например, о том, как здорово было бы проехать вместе на поезде по всей Европе.

Я так и не сказала ему: «Я тебя люблю», хотя он говорил мне эти слова много раз. Для меня они были особенными, и я хотела быть уверенной до конца. Такие слова не произносят просто так, а Сергей никогда меня не спрашивал. Мне кажется, я все еще боялась, что для него я лишь каприз и что его увлечение быстро пройдет. Вернувшись в Новогорск после европейского чемпионата, мы с Мариной заметили, что Сергей стал каким-то грустным и задумчивым, все больше и чаще был чем-нибудь недоволен. Раньше за ним такого не водилось, и Марина, которая всегда отличалась прямотой, спросила его, что с ним происходит.

Сергей ответил:

— Я больше не хочу кататься.

Словно гром среди ясного неба. Мы с Мариной были потрясены и принялись расспрашивать Сергея прямо в раздевалке. Он сказал: — Мне двадцать два, у меня нет своей квартиры, нет машины, я живу с родителями, все время провожу на льду. Федерация обо мне совершенно не забоится. Мне обещали машину и, возможно, квартиру после победы на Олимпийских играх. Почему в двадцать два года я должен продолжать жить с мамой? Я не могу постоянно находиться в Новогорске.

Он был совершенно серьезен. Сергей мог отказаться от фигурного катания в любой момент. Меня еще наша жизнь в Новогорске так не раздражала, наоборот, казалась просто чудесной, но ведь мне и не было двадцати двух лет. Сергей хотел иметь возможность привести меня в свой дом, не спрашивая позволения у мамы и не предлагая переехать сестре. Он сказал, что мечтает жить как нормальные люди, и больше ничего. Наверное, Марина поговорила с кем-то в высших кругах, потому что довольно скоро, в феврале, Сергей получил машину. Это была «Волга». А еще Сергею сказали, что, по всей видимости, ему вскоре дадут и квартиру.

ПАРИЖ

Приближался чемпионат мира 1989 года в Париже, и мы страшно нервничали, гораздо больше, чем обычно. Из-за моей травмы мы не участвовали ни в каких соревнованиях сезона и подготовились к чемпионату не так хорошо, как в предыдущие годы. Наша длинная программа была сделана на музыку Моцарта, и я играла девушку, которую пригласили на вальс на первом в жизни балу и которая чувствует себя юной леди, а не ребенком. Это очень соответствовало моему настроению и тому, что со мной тогда происходило, но мы с Сергеем старались кататься так же, как и раньше, словно ничего особенного с нами не случилось. По правде говоря, и в самом деле мало что изменилось — все было точно так же, как до того момента, когда мы поняли, что любим друг друга. Главные перемены произошли год назад — после того как Сергей уронил меня на лед. Теперь он всегда держал меня так, точно боялся потерять.

Мы решили, что Марина должна поехать с нами в Париж. До сих пор только тренеры сопровождали советских фигуристов и никогда — хореографы. Но поскольку Марина помогла мне набрать нужную форму, много занималась со мной хореографией, проводила с нами столько времени, и не только на льду, нам хотелось, чтобы она была рядом и на чемпионате мира. Мы сказали об этом Леоновичу, и он ответил, что должен поговорить с начальством. И посоветовал мне непременно высказать свое мнение на заседании. Сергей, я и Леонович добились своего, но вряд ли у нас это получилось бы, если бы мы не были олимпийскими чемпионами. На заседании я заявила Александру Горшкову, который возглавлял федерацию, что буду чувствовать себя просто здорово, если Марина поедет с нами.

Когда я вспоминаю то время в Париже, мне хочется улыбаться. Впервые за всю мою жизнь соревнования не имели для меня никакого значения. Ни малейшего. На улице было тепло, светило солнце, я была влюблена и, помню, думала, разминаясь на зеленой траве, что не знаю, зачем нужно в таком чудесном городе, в такую великолепную погоду выходить на лед. Мы могли бы просто бродить по улицам и ни о чем не беспокоиться. Мне хотелось только одного — побыстрее откатать программы. Не могу сказать, что меня не волновало, выиграем мы или проиграем, но я была спокойна и не замыкалась на чемпионате, как прежде.

Похоже, на нашем выступлении это никак не сказалось. Мы не сделали ни единой ошибки — один из двойных акселей из

программы убрали, чтобы она стала технически не такой сложной, как раньше, — победили и получили за победу семь тысяч французских франков каждый.

Чтобы отметить это событие, Сергей пригласил меня в ресторан. Он пил пиво, а для меня заказал коктейль, который мне не понравился. А потом хозяин ресторана нас узнал и принес бутылку шампанского. Оно было такое вкусное, что я выпила его довольно много и опьянела. Мы старались не говорить другим фигуристам, что влюблены друг в друга, но они уже стали и сами это замечать. А после того похода в ресторан мы смеялись и целовались прямо на улице. Мне было наплевать, увидит нас кто-нибудь или нет. Мы не стали возвращаться в отель на такси, гуляли, сидели на скамейках в парке, разглядывали прохожих, не сводили глаз друг с друга. В Париже такая атмосфера, что даже если ты не влюблен, то все равно у тебя возникают какие-то особенные чувства. Мне хотелось, чтобы этот день никогда не кончился.

А потом Сергей сказал, что мы должны пригласить Марину и Сашу Фадеева в ресторан. Поэтому на следующий день после того, как Саша закончил выступать в соревнованиях, мы сказали, что ждем их в ресторане на Елисейских полях.

В тот час, на который мы договорились, мы с Сергеем все еще были в его номере. Какая разница? Ну, опоздаем! Я была совершенно пьяна от любви. Марина и Саша позвонили нам, чтобы выяснить, что же случилось. «Ой, идем, — ответила я. — Не волнуйтесь». Когда мы явились, Марина посмотрела на нас так, словно хотела спросить: «Что с вами обоими происходит?» Думаю, она только тогда заметила, что у нас с Сергеем возникли особые отношения.

Сергей купил нам с Мариной цветы. Сначала она была ужасно расстроена из-за того, что забыла в такси, в котором ехала в ресторан, Василия, мягкую игрушку, приносившую нам удачу. Суслик Василий сначала был моим. Однажды Марина зашла ко мне в комнату и увидела множество розовых, желтых, зеленых, голубых, белых и фиолетовых мягких игрушек; среди них был и Василий, невзрачный серый суслик. Он был таким неказистым, что Марина сказала:

— Мне жаль эту игрушку.

А я ответила:

— В таком случае забирайте его и пусть ему у вас живется лучше.

Она и забрала. Василий повидал весь мир. А теперь Марина забыла его в такси в Париже.

В этом ресторане подавали еду, приготовленную из даров

моря, и мы попросили официанта принести всего понемногу в качестве закуски перед основным блюдом. Он подал нам огромный поднос со льдом, на котором лежали мидии, устрицы, креветки, моллюски, гребешки, клешни крабов, литорины. У меня не было никакой уверенности в том, что это можно есть, — требовалось настоящее мужество, чтобы заставить себя хоть что-нибудь попробовать. Оказалось ужасно вкусно, и мы много смеялись, глядя на то, как кто-нибудь из нас старается вытащить моллюсков из раковин. Я заметила, что люди, сидевшие за другими столами, просто мастерски справлялись со своими устрицами, и не могла понять, как у них это получается.

А потом Сергей предложил позвонить домой. Мы все согласились, и мне было так странно разговаривать с родителями из парижского телефона-автомата.

Мы снова заказали устрицы и других моллюсков и много хлеба, целые буханки хлеба. До главного блюда дело так и не дошло. Мы ели закуски и запивали их шабли, которое я попробовала первый раз в жизни. Одни посетители ресторана уходили, на их местах появлялись другие... Мы просидели за столом около пяти часов. В конце Сергей настоял на том, что сам за все заплатит.

А потом мы поймали такси, чтобы доехать до отеля. Как вы думаете, кто сидел на заднем сиденье? Василий! Марина сказала, что он и в самом деле везучий суслик и в очередной раз продемонстрировал нам свое могущество.

Вернувшись в отель, мы зашли в бар. Сергей всех угощал, а мне заказал Кровавую Мэри». Но я пить не стала. У меня и так уже кружилась голова от Парижа и выпитого в ресторане вина.

На следующий день мы пошли посмотреть на собор Нотр-Дам. Почему-то я всегда боялась церквей. Во время европейского турне 1988 года мы останавливались несколько раз, чтобы посмотреть на знаменитые соборы в Милане и Праге, но я чувствовала себя там неуютно. В соборах и церквах меня сковывал какой-то страх, поскольку в нашей семье было не принято туда ходить. Мой отец и дед служили в армии, а в те времена верить в Бога у нас в стране не очень одобрялось, особенно это касалось военных.

Впрочем, я помню, что обе мои бабушки Богу молились, На стене в доме одной из них висела икона. А другая бабушка, мать отца, которая жила в Москве отдельно от нас, прятала икону за особой занавесочкой, чтобы никто ее не заметил. Она зажигала маленькую лампадку, крошечный фитилек плавал в масле, и каждый день перед сном молилась перед своей иконой. Я не видела, как она это делает, но как-то раз осталась у нее ночевать

и тогда спросила, чем она занимается. Бабушка объяснила, что молится, и сказала, что, когда я вырасту, тоже стану молиться Богу. Поэтому в детстве я считала, что в Бога верят только бабушки.

Однако от запаха ладана, наполняющего церкви, мне становилось физически нехорошо. Мне казалось, что так пахнет смерть. Именно Сергей первым повел меня в храм, в Милане. Он заявил тогда:

— Нужно обязательно его увидеть, может быть, ты больше сюда не приедешь.

И дело тут совсем не в его религиозности, просто здание было необыкновенно красивым. Сергей попытался меня успокоить.

— Не бойся, — уговаривал он, — я буду держать тебя за руку.

А потом объяснил, что это не кладбище, что я ощущаю аромат ладана, а вовсе не смерти.

— Ты смотришь на великолепное строение,— сказал он мне. — Это история.

Мы зашли внутрь, я держала его за руку, и все мои глупые страхи куда-то улетучились.

Поэтому я больше ничего не боялась, когда в Париже мы пошли в собор Нотр-Дам, а потом сидели на ступеньках и смотрели на прохожих. Гулять по Парижу весной, когда ты влюблен, — о чем еще можно мечтать? Именно там я впервые сказала Сергею: «Я тебя люблю».

Мы решили, что непременно приедем сюда и проведем дней десять, не меньше, обязательно в хорошую погоду, чтобы можно было ходить по улицам и ни о чем не думать. Мы оба об этом мечтали, но нашей мечте так и не суждено было сбыться.

РОМЕО, ДЖУЛЬЕТТА И ДЕРЕВНЯ ЛЯГУШИНО

Нас пригласили в европейское турне. Мы с Сергеем постеснялись попросить один номер на двоих. Я жила вместе с Еленой Бечке, которая тоже выступала в парном катании, и сколько раз получалось так, что она пыталась попасть в номер, но дверь была закрыта. Все чувствовали себя ужасно неловко. Теперь уже ни для кого не было секретом, что у нас с Сергеем роман.

Я по-прежнему считала, что должна хорошо кататься, но из-за того, что мое тело претерпело определенные изменения, а на европейских катках всегда холодно и мы никогда не имели возможности как следует разогреться, я часто делала ошибки. И каждый раз расстраивалась, хмурилась, а Сергей пытался меня утешить:

— Не горюй, Катюха, завтра будет новое представление. Но иногда он молчал, словно у него не было сил меня уговаривать.

Однако остальные не понимали, что происходит, и постоянно спрашивали, что случилось, когда видели мое грустное лицо. Им казалось, что причина в том, что между мной и Сергеем что-то разладилось. Мне совсем не нравились такие вопросы.

Иногда у меня бывало отвратительное настроение весь следующий день, я не улыбалась, ни с кем не разговаривала — только потому, что плохо выполнила какой-нибудь элемент. Меня постоянно мучили сомнения, я спрашивала себя, достаточно ли много работаю. Может быть, следует тратить меньше времени на прогулки и чаще ходить в спортивный зал? Или необходимо уделять особое внимание прыжкам? А что будет осенью?

Порой я даже Сергею не могла объяснить причин своего беспокойства. Ему понадобился целый год, чтобы понять: что бы он ни говорил, я не стану чувствовать себя лучше, если катаюсь неважно. Я так и не научилась забывать о катании, уходя со льда. Единственное, что Сергей мог в такой ситуации сделать, — так это взять меня за руку. Помогало всегда. Одним прикосновением он мог изменить все.

Сергей начал давать мне книги, которые, как ему казалось, я должна прочитать. От «Унесенных ветром» я получила огромное удовольствие. Впрочем, я довольно быстро забываю содержание книг, обычно назавтра уже ничего не помню, а еще через день не могу сказать, читала это произведение или нет. Но у Сергея была отличная память, он всегда стремился узнать что-нибудь новое. Его любимыми писателями были Борис Пастернак он читал

«Доктора Живаго» три раза, — Антон Чехов и Михаил Булгаков, написавший его любимую книгу «Мастер и Маргарита». Он мог без конца ее перечитывать.

Марина часто водила нас в музеи, рассказывала про картины, и вдруг Сергей говорил что-нибудь такое, из чего становилось ясно, что ему про эту картину все известно. Не знаю, как ему удавалось находить время для чтения. Если нужно было выбрать — пойти в кино, поиграть в гольф. или по-. читать книгу, он всегда выбирал книгу. А если я к нему в это время обращалась, он вел себя так, словно неожиданно оглох или я стала невидимкой.

А еще Сергей обожал собак, и они с Мариной могли долго о них говорить. Однажды мы втроем ехали из Мегэва, где тренировались, в Париж до него было часов шесть, — и они всю дорогу разговаривали только о собаках. Поэтому той весной, после турне, Сергей купил щенка бультерьера и назвал его Машкой. Щенок был белый с черным кольцом вокруг левого глаза. Сергей выбирал его вместе с моей мамой, они принесли Машку домой в корзинке.

В середине мая Сергей, Машка и я поехали на десять дней к нам на дачу. Только мы — и больше никого. Теперь у нас была новая дача, которую я помогла приобрести моим родителям в деревне Лягушино. Цвели яблони, трава уже была совсем зеленой, и все казалось таким свежим и молодым. Эти десять дней мы бездельничали, не тренировались, даже не бегали. Просто отдыхали и играли с собакой. Почти каждый вечер разводили костер, на котором готовили еду — жарили мясо, а потом, когда огонь догорал, бросали в угли картошку. Сергей вытаскивал картофелины и чистил их для меня, потому что они были слишком горячими и я не могла удержать их в руках.

Впервые за всю нашу жизнь мы с Сергеем остались так надолго вдвоем. Ничего нового по сравнению с тем, что я уже знала, я в нем не увидела. Он был спокоен и счастлив, у него никогда не портилось настроение. Он любил играть с Машкой. Кормил ее так: нарезал мясо маленькими кусочками, а потом мы поливали их кипящей водой — и еда для Машки готова. Я готовила для Сергея солидные завтраки и разные вкусные обеды. Ему все нравилось. Бабушка научила меня прилично готовить.

Больше всего тогда, да и потом, я любила ездить с Сергеем на машине. Ведь это была наша единственная возможность остаться наедине. До того как он получил квартиру, мы шутили, что, видимо, нам придется поселиться в машине, превратить ее в уютный домик и растить в нем детей. Когда мы куда-нибудь ехали, я любила положить голову ему на плечо, а Сергей слушал музыку «Бон Джови», Анни Леннокс. Последние пару лет он начал

интересоваться нашими рок-группами — «Аквариум», «ДДТ», «Наутилус Помпилиус». Ему нравились стихи из их песен. Мы находили какое-нибудь хорошее местечко, останавливались, разговаривали и целовались. На одном из таких привалов он дал мне попробовать коньяк, и мне очень понравилось... Я никогда не забуду, как хорошо мне было с Сергеем, когда мы ехали в машине куда-то темной ночью.

На сезон 1989/1991 годов Марина выбрала для нас тему «Ромео и Джульетты». Мы прослушали две вариации — одну Прокофьева, а другую Чайковского, — и Марина спросила, какая нам нравится больше. Впервые она предоставила нам самим выбирать, и мы без колебаний остановились на Чайковском, потому что нам показалось, что под эту музыку будет легче танцевать. Я была в восторге от идеи Марины и даже несколько раз посмотрела балет «Ромео и Джульетта», надеясь увидеть там что-нибудь для себя полезное. Марина договорилась с Владиславом Костиным из Большого театра, что он сделает для нас костюмы. Процесс создания этой программы был совсем иным, не имел ничего общего с предыдущими.

Мы решили, что будем выполнять все элементы — выбросы, поддержки и прыжки — в другом порядке, не так, как обычно. На этот раз мы сначала слушали музыку, а потом выбирали элементы, которые к ней подходят, и, например, не стали делать тодес в конце программы только потому, что так принято. К нашему удивлению, мы обнаружили, что в результате такой подготовки программы выполнить ее гораздо легче. Сергей никогда ничего не предлагал первым. Он стоял у бортика и молча слушал, как Марина, Леонович и я обсуждали, куда следует поместить какой-нибудь элемент, а потом заявлял, что делать, к примеру, параллельный двойной аксель в этой части программы — неверно, и часто оказывался прав. Он даже и не пытался выполнять тот или иной элемент в связке, если считал, что ничего хорошего из этого не выйдет. И не собирался отказываться от своей точки зрения, чтобы научиться тому, что, на его взгляд, никуда не годилось. Впрочем, когда Сергею что-то нравилось, он сразу об этом говорил. Работая над «Ромео и Джульеттой», Марина, которая всегда прислушивалась к его мнению, стала еще больше доверять ему.

У меня возникло ощущение, что мы вышли на новый уровень катания. Марина это тоже почувствовала. Она видела, как мы гуляем по улицам, держась за руки, в то время как раньше никогда на людях ничего подобного себе не позволяли. И это

дало ей определенную свободу в создании нашей новой программы. Мы могли прикасаться друг к другу на льду по-новому, могли даже поцеловаться.

В 1989 году тренировочные сборы проходили сначала в Сухуми, а потом на лыжном курорте Терскол, в горах. Я хорошо запомнила это место, потому что там со мной случилась одна очень неприятная история, которая меня страшно напугала.

Я была в комнате одна, Сергей — в соседней. Мы никогда не оставались вместе во время тренировок. Посреди ночи я услышала громкий стук в свою балконную дверь. Не знаю почему, но я оставила включенным ночник и, ничего не понимая спросонок, открыла балкон. И увидела двоих совершенно незнакомых мне мужчин лет тридцати. Они объяснили, что дверь в гостиницу закрыта, они оказались на улице, а поскольку свет горит только в моем окне, они решили попросить меня впустить их внутрь. Не знаю, как им удалось забраться наверх, потому что мой номер был на шестом этаже. В тот момент я даже не испугалась.

Оба были сильно навеселе, один едва держался на ногах, и вдруг он полез ко мне обниматься. Я так перепугалась, хотела закричать, но не смогла произнести ни звука. Впервые в жизни я поняла, что страх может лишить дара речи. Я попыталась ударить его локтем, а ногой стукнуть в стену номера Сергея. Но у меня ничего не вышло. К счастью, другой мужчина велел своему приятелю отпустить меня, а потом увел его.

К моему великому удивлению, они вернулись через некоторое время. Постучали ко мне в дверь, и я снова открыла. Видимо, совсем ничего не соображала со сна. Поняв, что натворила, я хотела захлопнуть дверь, но они мне не дали этого сделать. И снова, благодарение Богу, их было двое, и тот, что был не так сильно пьян, принялся уговаривать приятеля, чтобы он не шумел: Пошли отсюда. Нас услышат». И они убрались восвояси. Они пришли и в третий раз, но тут уж у меня хватило ума закрыть дверь на замок. Я чувствовала себя так отвратительно из-за того, что произошло той ночью, что никому ничего не рассказала, а Сергей узнал об этом много позже, через несколько лет.

Осенью умерла собака Сергея, Машка. Мы были на показательных выступлениях в Германии, а Машка осталась с матерью Сергея. Вдруг собака перестала есть, но Анна Филипповна не обратила на это особого внимания. Когда Сергей вернулся домой, он сразу же отвез Машку к ветеринару. С тех пор как она ела в последний раз, прошло четыре дня. Сергей не сделал ей прививок, когда она была щенком, и Машка заболела

энтеритом. Врач попытался ее спасти, но было уже поздно. Сергей забрал Машку домой, а ночью она открыла дверь в его комнату, чего никогда не делала, и Сергей взял ее к себе в постель. Через два часа Машка умерла.

Сергей сообщил мне об этом утром. Он очень горевал. Похоронил Машку рядом со своим домом, в лесу, и в тот день не пришел на тренировку. Позже он мне сказал:

— Почему с теми, кого я люблю, случаются несчастья?

Тогда же он поведал мне о том, что его лучший друг погиб в автомобильной катастрофе несколько лет назад. Это был младший брат Вячеслава Фетисова, знаменитого хоккеиста, который играл в Национальной хоккейной лиге Америки.

Прошло немного времени, и я подарила Сергею белого фарфорового бультерьера, у которого на правом глазу было черное пятно — вылитая Машка. Сергей не расставался с этой фигуркой, а теперь она осталась у меня.

В тот год Сергея начало беспокоить плечо. Леонович научил нас новой поддержке; во время исполнения этого элемента ноги у меня находятся в таком положении, словно я делаю прыжок-петлю, а руки заведены за спину. Сергей поднимает меня одной рукой, а я в это время развожу ноги в стороны. Я ни разу не видела, чтобы кто-нибудь делал такую поддержку, но именно от нее у Сергея заболело плечо, хотя мы поняли это далеко не сразу. Он чувствовал себя настолько плохо, что нам второй год подряд пришлось отказаться от участия в чемпионате страны.

Сергей не жаловался, но я знала, что ему очень больно. Врачи в центральном армейском госпитале говорили, что ничего сделать не могут — разве что уколы, чтобы облегчить его страдания. Они считали, что у него что-то не в порядке с мышцами, но не имели ни малейшего представления о том, как с этими проблемами справиться. Лишь год спустя доктор в Соединенных Штатах поставил диагноз: вывих плеча — и посоветовал сделать операцию,

Новый, 1990 год мы снова праздновали с Егором. За прошедшие двенадцать месяцев столько всего произошло, я так сильно изменилась... Мне было трудно поверить, что всего лишь год назад Сергей поцеловал меня в первый раз в жизни. Сейчас, когда я пишу эти строки, я понимаю, что отдала бы все, чтобы вернуться в прошлое и снова прожить тот 1989 год. Каждую минуту, плохую и хорошую, — поход в баню Саши Фадеева, поездку в Бирмингем, Новогорск, Париж, на дачу в Лягушино, даже в Терскол, где на моем балконе появились те пьяные. Не

задумываясь ни на секунду, я согласилась бы вернуться в прошлое... и осталась бы там навсегда.

Но тогда такие ностальгические мысли меня не мучили. Я была уверена, что нам с Сергеем предстоит прожить вместе еще много счастливых лет, впереди у нас прекрасное будущее. Встреча Нового, 1990 года у Егора была просто очередной встречей очередного Нового года. Только теперь нам не нужно было прятаться у Саши в бане, я могла поцеловать моего Сергея в любой момент и в любом месте, где только пожелаю и кто бы на нас ни смотрел. Мы много танцевали, пили шампанское, смотрели на фейерверк.

По восточному календарю каждый год имеет свой цвет; 1990-й был белым. Сергей надел белый свитер, который я ему связала, и, как всегда, выглядел просто великолепно. С нами снова были мои родители, моя сестра Маша, Саша Фадеев и друзья Егора. Жители близлежащей деревни каждый Новый год заходили поздравить Егора, потому что его знали и любили все, а еще считалось, что эта традиция приносит удачу. Европейский чемпионат в тот год проводился в Ленинграде. Мы с Сергеем были не в самой лучшей форме. Частично из-за плеча Сергея, частично потому, что мне по-прежнему с трудом давались прыжки. Я сделала ошибку на двойном акселе и тодесе. Кроме того, одно из вращений мы исполнили не совсем синхронно. На следующее утро по телевидению сказали, что московская пара Гордеева и Гриньков выступала плохо и, по всей видимости, не сможет выиграть золотую медаль. Мы ужасно разозлились, а в день соревнований по произвольной программе Марина сказала.

— Екатерина Гордеева, ты не забыла, что ты олимпийская чемпионка?

Это были первые слова, сказанные нам перед соревнованиями, которые на самом деле произвели на меня нужное впечатление. Иногда даже сейчас, выходя на лед, я их вспоминаю.

«Ромео и Джульетту» мы откатали очень чисто, всем наша программа понравилась, и мы с третьего места передвинулись на первое. Эта программа, наполненная теми чувствами, что мы испытывали друг к другу, помогала нам выигрывать весь год. Мне казалось, я понимаю значение каждого движения, понимаю, зачем оно нужно, Но хотя Сергей вел себя на льду очень нежно и всегда смотрел на меня с любовью, это была наша работа. Мы никогда не хвалили друг друга после выступления, Сергей не шептал мне на ухо: «Я люблю тебя». Он делал это потом, много позже, когда мы уходили со льда. Впрочем, если честно, Сергей не очень умел делать комплименты и от него не часто можно было услышать

слова похвалы. Он никогда не говорил, что я хорошо выгляжу, даже тогда, когда я старалась быть особенно красивой. Но его глаза всегда были красноречивее всяких слов.

На чемпионате мира 1990 года, который проводился в Галифаксе, мы тоже катались не лучшим образом. Нам удалось завоевать золотые медали, хотя я приземлилась на две ноги после тройного тулупа и упала на двойном акселе. Позже Сергей сказал Марине: — А что будет, если я сделаю ошибку на каком-нибудь прыжке? Представляешь, как ужасно это будет выглядеть? Катя крошечная, она девушка. Как ты думаешь, что произойдет, если ошибусь я?

Его эта мысль пугала. Он постоянно обо мне беспокоился, а я никогда не волновалась на его счет.

Той весной мы снова отправились в турне Тома Коллинза. Том оплачивал фигуристам первую треп-турне, потом вторую, а затем третью. Однако конверты для спортсменов из Советского Союза получал глава федерации, Александр Горшков, который вскрывал их и отдавал нам лишь часть денег. Я так никогда и не узнала, сколько нам доставалось: четверть или половина того, что платил Том. Нас очень огорчало, что мы не получаем все, что нам полагалось, ведь мы знали, что фигуристы из других стран оставляют себе все, что зарабатывают. В конце концов мы дружно этим возмутились, нас поддержали наши тренеры, и Горшков стал отдавать нам немного больше. Но все равно мы тратили все до гроша.

Русские фигуристы во время этих турне частенько устраивали вечеринки. Покупали немудреную закуску и разные напитки. На этих вечеринках всегда было очень весело, мы пели, танцевали, рассказывали анекдоты, смеялись.

В тот раз я жила вместе с Галиной Змиевской, тренером Виктора Петренко. Она привезла с собой из Одессы очень вкусную колбасу и огромные плитки шоколада; этим мы и питались — экономили деньги. Именно поэтому я всегда брала с собой электрический чайник, чтобы готовить чай или кофе. Галина заботилась о нас — о Викторе, Сергее и обо мне — так, словно была нашей мамой. Утром она говорила: «Давай позвоним мальчикам и пригласим их на завтрак». А потом звала Виктора с Сергеем, которые тоже жили вместе, разделить с нами нашу еду.

Виктор всегда вел себя очень уравновешенно и дружелюбно и был невероятно надежным. Я уважаю его как человека даже больше, чем как фигуриста. Он всегда был готов помочь, если в этом возникала необходимость.

Он сказал Сергею, что если тому понадобится комната, он без проблем переберется куда-нибудь на ночь. Но мы его никогда об

этом не просили.

Когда мы прибыли в Вашингтон, нас поселили в отеле «Четыре времени года». Однажды поздно вечером мне позвонил Виктор и спросил, не могу ли я сейчас зайти к ним в номер. Он должен сказать мне нечто очень важное. Когда я пришла, выяснилось — Сергею позвонил Леонович и сообщил, что от сердечного приступа умер его отец. Сергей оделся и ушел, Виктор не знал куда и хотел, чтобы мы пошли его искать.

Мы начали с баров, расположенных поблизости, но там Сергея не было. В конце концов мы вернулись в отель и нашли его в нашем баре. Он не мог говорить об отце, а я не знала, что ему сказать, поэтому просто обняла, пыталась не отпускать от себя ни на секунду. Еще никогда ни у кого из моих близких друзей никто не умирал, и я чувствовала себя ужасно, потому что не знала, как нужно себя вести.

Сергей плакал и повторял: «Я проводил с отцом так мало времени».

Я тоже об этом жалела. Мне довелось встретиться с ним всего два раза; Сергей был очень на него похож — во всех отношениях, был верным и надежным человеком.

На следующий день Сергей вылетел в Москву первым рейсом, на который смог купить билет. Он не взял меня с собой, я только проводила его до аэропорта. Позже я узнала, что моя мама помогла Сергею в поисках места на кладбище. В Москве с этим очень сложно, но мама предложила матери Сергея место рядом со своими родственниками.

Сергей вернулся сразу после похорон. Он очень устал и похудел. Я была счастлива снова видеть Сергея, но его переполняло горе.

Он сказал мне:

— Каждый год что-нибудь случается. Сначала мой лучший друг. Потом Машка. А теперь вот отец.

Сергей очень беспокоился за свою мать, потому что, прилетев в Москву, понял, как тяжело она переживает смерть. Михаила Кондратьевича. У него было три сердечных приступа, и он умер у нее на руках. Она обнимала его, когда он вздохнул в последний раз. Они были вдвоем на даче, которую он построил собственными руками, и ни телефона, ни соседей, чтобы помочь. Ей очень трудно тогда пришлось.

Я попросила Сергея рассказать мне об отце. Он ответил, что его отец был тихим человеком, любившим одиночество. Сергей мало проводил с ним времени, поскольку отец целыми днями пропадал на работе — он занимал высокий пост в милиции и не вникал в его занятия фигурным катанием, за этим следила Анна

Филипповна. Я не сомневалась, что Сергея будет гораздо больше занимать жизнь его детей. Некоторые мужчины рождаются отличными отцами. Сергей был именно таким.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В мае, перед моим девятнадцатым днем рождения, меня крестили. У мамы была подруга, которая верила в Бога, и они решили, что меня нужно окрестить.

Мама рассказала мне, что когда ей было четыре года, ее бабушка тайно, ничего никому не сказав, отвела ее в церковь. А кроме того, она объяснила, что я не смогу венчаться, если не сделаю этого.

— Катя, — спросила меня мама, — разве ты не хочешь венчаться в церкви?

Я сказала, что хочу, хотя до этого момента о замужестве со мной никто не говорил. Я полюбила церкви с тех самых пор, как Сергей держал меня за руку в потрясающе красивых соборах в Милане и Париже. Мне нравилось, как звучит музыка, как гулкое эхо отражается от каменных сводов. Церковная церемония венчания казалась мне очень красивой.

Подруга моей мамы сообщила, что знает хорошего священника, и познакомила меня с ним, когда он зашел к ней в гости. Отцу Николаю было лет сорок пять или пятьдесят, и он мне сразу понравился. У него доброе лицо, длинные прямые черные волосы, всегда аккуратно причесанные, черная борода с проседью, мягкие серые глаза и тихий спокойный голос.

Я вообще ничего не знала о религии. Даже не умела правильно креститься, но отец Николай ни разу не повел себя так, что мне стало бы неловко. Он пообещал дать мне несколько молитв, которые необходимо выучить, но успокоил, сказав, что, если мне некогда, можно их просто прочитать. Он не пытался наставлять меня по поводу того, что я должна делать, лишь предложил прийти поговорить, когда мне нужен будет совет. Его слова звучали так, точно он был готов стать хранителем моей души. Так оно впоследствии и получилось.

Церковь, в которой служил отец Николай, называлась Владимирской.

Отец Николай спросил, предпочитаю ли я креститься одна или хочу пригласить на церемонию кого-нибудь еще. Я ответила, что лучше, если я буду одна.

Рядом с большим храмом, во дворе, как раз закончили строительство маленькой часовни; именно там и проходила служба. Все было такое новое и красивое, я первая проходила обряд крещения в этой часовне. Во время обряда на принимающем крещение должна быть надета только одна рубашка, поэтому отец Николай велел мне принести белую

рубашку и свой крест. Он освятит мой крест, погрузив его в святую воду. А потом окропит меня водой. Она должна быть холодной, но женщина, помогавшая отцу Николаю, меня пожалела и принесла теплую, чтобы я не замерзла. На церемонии не присутствовал никто — только отец Николай, его помощница и я. Я попросила родителей и Сергея не ходить со мной в церковь, потому что считала, что крещение — очень личное событие.

Когда все закончилось, я не почувствовала, что во мне что-то изменилось, но сам обряд произвел на меня впечатление, мне он показался волнующим и каким-то особенным. Что-то все-таки переменилось, хотя я и не могла определить, что именно.

Почти каждую вторую неделю летом мы ездили на выходные к Егору на Волгу. Там было невероятно красиво. Сергей считал, что лучше отдыха и не придумаешь: рыбалка, прогулки в лесу, обед, приготовленный из пойманной рыбы... Я была с ним совершенно согласна.

А потом пришла пора отправляться в тренировочные лагеря, в Сухуми и Новогорск, чтобы приступить к подготовке к Играм Доброй Воли, которые проводились в Сиэтле. Сергея по-прежнему беспокоило плечо, и, хотя мы неплохо катались во время тренировок, на соревнованиях выступили просто ужасно. Я упала, выполняя двойной аксель, и снова приземлилась на две ноги после тройного тулупа. Все это было очень неприятно, и я начала заговаривать с Сергеем о смене тренера. В прошлом году мы катались не очень хорошо — несмотря на то что выигрывали, — и мне хотелось, чтобы человек, работающий с нами, был немного жестче. Поскольку ошибки на льду делала я, я и хотела поменять тренера. Но вскоре и Сергей начал со мной соглашаться.

Именно на Играх Доброй Воли мы познакомились с Джеем Огденом из Международной группы менеджеров (МГМ). Нас представил ему Пол Теофанус, грек из Нью-Джерси, который прекрасно говорил по-русски и работал в МГМ. Он очень нравился нам с Сергеем.

Мы разговаривали с ними около получаса, и они объяснили нам, что МГМ занимается карьерой профессиональных спортсменов. Они владели североамериканским шоу «Звезды на льду» и предложили нам контракт, если мы согласимся стать профессионалами. Оба уверенно утверждали, что мы сможем зарабатывать больше, ста тысяч долларов в год, если в следующем сезоне согласимся участвовать в их шоу или в каких-нибудь соревнованиях профессионалов. Но мы не приняли предложения всерьез. Нам казалось, что они стремятся скорее

завладеть нами, чем помочь. Так что тогда мы не подписали никаких бумаг.

Кроме того, мы с Сергеем хотели принять участие в чемпионате мира и, может быть, еще в одной

Олимпиаде, а если бы мы стали профессионалами, то лишились бы возможности выступать в любительских соревнованиях. По правилам ИСУ, фигуристы могли получать маленькую зарплату во время турне, которые проходили с их согласия, например турне Тома Коллинза, но сумма всегда была оговорена — скажем, пятьсот швейцарских франков в месяц. От года к году эта цифра менялась. Профессионалам иногда платили и в пятьдесят раз больше. В самых серьезных состязаниях по фигурному катанию — первенствах мира и Европы и в Олимпийских играх — разрешалось участвовать только любителям.

Мы выступили в нескольких показательных представлениях в Сан-Вэлли после Игр Доброй Воли, а потом я решила навестить своего приятеля Терри Фоли в Калифорнии. Он пригласил мою сестру и маму — тогда они впервые попали в Соединенные Штаты. Я считала, что тоже должна его повидать, но Сергею эта идея не понравилась. Он никак не мог решить, как относиться к Терри. У него вызывали сомнения мотивы Терри, хотя я была младше его младшей дочери. Поэтому Сергей один вернулся в Москву, а я поехала в гости, где вела себя просто ужасно и постоянно находилась в плохом настроении, поскольку жалела, что не улетела с Сергеем.

Осень, почти вся зима и весна были для нас очень тяжелым временем. По-прежнему стоял вопрос о смене тренера, и когда я вернулась в Москву, мы с Сергеем обратились к руководителям федерации, рассчитывая на их помощь. Может быть, Татьяна Тарасова, сказал кто-то. Она тренировала знаменитую пару — Ирину Роднину и Александра Зайцева, которые завоевали три олимпийские медали и победили в шести чемпионатах мира, а потом была хореографом у знаменитой танцевальной пары Натальи Бестемьяновой и Андрея Букина.

Кстати, мой отец работал с Татьяной Тарасовой. Она была художественным руководителем русского балета на льду «Все звезды», выступавшего по всему миру, а отец занимался костюмами. Он начал уговаривать Сергея и меня войти в состав этой труппы и согласиться, чтобы нас тренировала Тарасова. Конечно же, мы не хотели расставаться с Мариной, поэтому, условившись встретиться с Тарасовой, Сергей позвонил Марине и попросил ее пойти с нами. Она отказалась, сказав, что работать с Тарасовой не станет. Они были совсем разными, обе занимались

хореографией, но у каждой было собственное представление о том, каким должно быть фигурное катание. Значит, если мы хотели тренироваться с Тарасовой, нам следовало отказаться от Марины и Леоновича. В конце концов мы на это решились.

Именно тогда в Москву, к нам в гости, и приехал Пол Теофанус, который уговорил нас подписать контракт с МГМ. Само по себе это не означало, что мы становились профессионалами, в контракте не были проставлены никакие суммы. МГМ нам ничего не платила, и мы не дали своего согласия кататься в «Звездах на льду». Но в контракте говорилось, что эта организация будет представлять наши интересы в течение последующих двух лет и получает право использовать наши имена для рекламы тех выступлений, в которых мы примем участие.

Мы с Сергеем приняли это решение самостоятельно, никому ничего не сказав. А вскоре, в 1991 году, начали работать с Татьяной над новой программой. Однако у Сергея по-прежнему очень болело плечо, и мы могли тренировать только спирали, дорожки и вращения. Никаких выбросов и поддержек. Мы перестали чувствовать, что прогрессируем как фигуристы. Особенно Сергей. Мы точно замерли на месте. Сергей сказал, что, если мы еще на два года останемся в любительском спорте, он вообще больше не захочет кататься. Мы просто сгорим, и все.

— Давай перейдем в профессионалы, пока нас не начало тошнить от одного только вида льда,— предложил он.

Мы решили посоветоваться с Татьяной. Она поразительная женщина, обладающая фантастической энергией и способностью бесконечно генерировать идеи. Кроме того, она беспрерывно курит и носит с собой кучу лекарств на все случаи жизни. Именно такой человек и был нам нужен в тот тяжелый момент, человек, который всегда улыбается и постоянно думает о здоровье. Нам нравилось с ней работать.

Татьяна не стала убеждать нас перейти в профессионалы или, наоборот, остаться в любительском спорте. Сказала только, что, если мы все-таки выберем карьеру профессиональных фигуристов, она позвонит Дику Баттону в Нью-Йорк и сообщит ему, что мы намерены приехать на чемпионат мира среди профессионалов в Лэндовер, штат Мэриленд, намеченный на декабрь. Ясно было, что ей эта идея понравилась. Кроме того, Татьяна добавила, что если мы согласимся выступать в ее шоу «Все звезды», расписание гастролей которых совпадало со Звездами на льду», она готова платить нам четыре тысячи долларов в неделю даже во время тренировок. Совершенно безумная сумма! А дело было в том, что Джейн Торвилл и Кристофер Дин отказались участвовать в этом шоу, и Татьяне

нужно было привлечь каких-нибудь знаменитых фигуристов. Именно тогда мы ей и сообщили, что подписали контракт с МГМ, и это несказанно ее удивило.

Мы с Сергеем думали целый день и пришли к выводу: мы расстаемся с любительским спортом.

Татьяна заявила:

— Это просто здорово! Я позвоню Дику Баттону! Начнем работать над вашей программой сегодня же.

Мы ни разу не пожалели о том, что приняли это решение.

Однако мой отец очень расстроился. Ему удалось уговорить нас перейти к тренеру, которого он уважал, — а теперь мы уходим в профессионалы. Значит, нам не суждено принять участие в Олимпийских играх 1992 года! Больше никаких европейских чемпионатов, никаких первенств страны!.. Отец вел себя так, словно хотел сказать: «О Господи, что же я наделал!» Он винил во всем Татьяну, ошибочно считая, что это она все придумала.

Мы трудились над новыми элементами каждый день, и вскоре у нас уже было три программы, которые мы могли показать в декабре в Лэндовере.

Профессиональное катание заметно отличается от любительского — оно не такое технически сложное, более красочное, театральное, — и мне кажется, что Татьяна гораздо лучше подходит для работы с профессионалами, чем с любителями. Она создает драматичные, красивые композиции и не любит без конца повторять двойные аксели, поддержки и другие обязательные элементы. Мне нравилось с ней работать:

Татьяна обладает удивительным талантом убеждения, умеет разговаривать с людьми и просто великолепно управлялась с Сергеем, без проблем могла заставить его работать. Например, он говорил: «Все, на сегодня хватит, я устал». А Татьяна всегда спокойно, даже с сочувствием ему отвечала: «Это настоящее безумие, что мы провели на льду столько времени. Ты совершенно прав. Вы, наверное, на ногах уже не держитесь. Давайте закончим, только, может быть, покажете мне этот кусок еще разочек?» Каким-то образом ей удавалось заинтересовать Сергея.

Той же осенью Сергей получил ордер на квартиру. Она находилась на пятнадцатом этаже, и я помню тот день, когда мы пошли ее посмотреть. Люди, которые оттуда выехали, превратили квартиру в нечто ужасное — там было невероятно грязно, темно, даже немного страшно. Зато имелся замечательный балкон... Но все остальное требовало серьезного ремонта. Тогда-то Сергей и сделал мне предложение. Он просто сказал:

— Я бы хотел жить в этой квартире с тобой.

Его слова прозвучали так искренне и романтично. И я уже представляла себе, как будет выглядеть наш новый дом, и была счастлива, что Сергей хотел, чтобы я жила с ним вместе.

СВАДЬБА

Мы сразу почувствовали разницу между участием в соревнованиях среди любителей и среди профессионалов. Во-первых, не существует организованной поддержки профессионалов. Мы привыкли иметь товарищей по команде, соседей по гостиничным номерам и руководителя, который говорил нам, когда и где следует завтракать, обедать и ужинать. «Вот ваше расписание тренировок. А это расписание автобусов. Распорядок дня». И тому подобное.

Совершенно неожиданно мы с Сергеем были вынуждены обо всем заботиться самостоятельно. Мы опаздывали на тренировки, не успевали на автобус, катались на плохо залитом льду. Такая жизнь оказалась для нас новой и очень трудной. Питер и Китти Карразерс, американская пара, которая завоевала серебро на Олимпиаде 1984 года, выбрали программу, с которой собирались выступать, лишь поздней ночью, перед самыми соревнованиями. Когда же они вышли на лед, у меня создалось впечатление, что они чуть ли не прямо на глазах у зрителей вводят в нее новые элементы.

Пол Теофанус выразил желание встретиться с нами, чтобы заявить, что МГМ заинтересована в успешном продолжении нашей карьеры, — в результате наша жизнь стала еще более напряженной. Нас, например, фотографировали в восемь часов вечера накануне выступления; обычно в это время я отдыхаю или уже сплю.

Новая, профессиональная карьера оказалась для меня гораздо тяжелее с эмоциональной точки зрения. Но все вокруг были такими доброжелательными и спокойными, постоянно улыбались друг другу.

Во время соревнований я упала после одного из выбросов, да и в целом мы показали себя не с самой лучшей стороны. И в результате у нас выиграла канадская пара Пол Мартини и Барбара Андерхилл. Они катались просто потрясающе. Потом, в Барселоне, на наших вторых профессиональных состязаниях, мы снова заняли второе место, вслед за Мартини и Андерхилл. Однако на этот раз мы уже чувствовали себя увереннее. За оба выступления мы получили двадцать тысяч долларов. Меня немного расстроило, что мы опять оказались вторыми, но Татьяна сказала: «Не переживай. Барбара и Пол знают, как следует себя подавать, скоро и вы научитесь». Технические элементы совсем не так важны, как умение преподнести себя зрителям и судьям. Наступление 1991 года мы отпраздновали в Гармиш-

Партенкирхене, где проводится ледовое шоу. Прошло уже два года с тех пор, как мы поняли, что любим друг друга. На следующее утро Сергей сказал мне:

— Катюша, я хочу сделать тебе сюрприз.

Сергей очень редко покупал мне подарки, не попросив помочь ему в выборе, хотя я постоянно говорила ему, что ужасно люблю сюрпризы.

— Подари мне что-нибудь, Сережа. Что угодно, — просила я его.

Глаза у Сергея становились как у несчастного щенка, и он отвечал:

— Но я хочу, чтобы мой подарок тебе действительно понравился. Пожалуйста, помоги мне. Мы обязательно найдем что-нибудь вместе.

Вот и на этот раз мы пошли в антикварный магазинчик и Сергей спросил у хозяйки, нет ли у них колец. Выбор был невелик, но мы отыскали перстенек, который нам понравился: изумруд, окруженный маленькими бриллиантами. Сергей купил это кольцо. Хозяйка была так довольна, что подарила мне крестик, отделанный рубинами. Может быть, они и не были настоящими, но выглядели как рубины, и мне крестик понравился. Но особенно я люблю это кольцо с изумрудом.

В России не принято дарить кольца при помолвке. Только обручальные. Поэтому на самом деле кольцо с изумрудом не имело никакого особого значения. Сергей сделал мне подарок — и больше ничего. Однако потом все спрашивали, не помолвка ли это, и я отвечала: «Да, помолвка». Ведь день нашей свадьбы приближался.

Моя мама следила за ремонтом в квартире Сергея, который должен был закончиться в апреле. Потом, естественно, мы предполагали туда переехать. Когда я поняла, что Сергей не собирается регистрировать наш брак, я решила сама выяснить, где это можно сделать. Сергей никогда ничего не планировал заранее. События шли своим естественным ходом, но в данном случае я посчитала, что должна вмешаться.

В январе мы пошли в загс, и там нас спросили, торопимся ли мы или готовы подождать положенные три месяца. Мы сказали, что три месяца нас вполне устраивают. Женщина-служащая достала календарь, и в конце концов мы выбрали 20 апреля.

Нам следовало находиться на седьмом небе от счастья, ведь через три месяца мы должны были стать мужем и женой. Но как выяснилось, в тот год это был единственный повод для радости. Казалось, удача нас покинула. Мы поменяли тренеров, Марина перестала быть нашим хореографом, и мы начали путешествовать

самостоятельно. Слишком уж много новшеств! Кроме того, у Сергея все сильнее и сильнее болело плечо. Он совсем не мог делать поддержки и даже не спал на правом боку. Я думала, что наша карьера фигуристов подошла к концу.

Наконец Пол Теофанус записал нас на прием к доктору Джеффу Абрамсу в Принстоне, штат НьюДжерси. Там Сергею сделали магнитно-резонансное сканирование. Ему было очень страшно, потому что он никогда раньше не видел подобного устройства. Пришлось лечь в маленькую, вибрирующую, постанывающую капсулу и находиться там без движения в течение двадцати минут, снаружи торчала только голова. Когда доктор посмотрел на изображение, он порекомендовал сделать небольшую операцию в ближайшие несколько дней, чтобы очистить омертвевшие ткани и установить миниатюрную камеру, которая должна была помочь решить вопрос об окончательном диагнозе.

Операция была назначена на 14 февраля, день Святого Валентина. Мы поселились в квартире Пола в Нью-Йорке, каждый день я совершала долгие прогулки по городу и бегала кроссы в Центральном парке. За это время я влюбилась в Нью-Йорк. В других местах жизнь течет медленно, а в Нью-Йорке все чем-то заняты, постоянно спешат — и каждый твердо знает, куда он направляется. Люди практически не обращают внимания друг на друга, часто разговаривают сами с собой — каждый погружен в свои проблемы. Огромные здания словно излучают энергию, адреналин кипит в крови, откуда-то, будто сама собой, рождается новая сила. Обычные процессы текут здесь значительно быстрее и не кажутся такими скучными. Сейчас Москва все больше становится похожей на Нью-Йорк, но, когда я была маленькой, все было намного спокойнее: люди особенно никуда не торопились, они знали, что работа, что бы ни случилось, никуда от них не денется, а деньги им обязательно заплатят вовремя. Да и в продуктовый магазин нет никакого смысла бежать — все равно там ничего не купишь.

Мне нравились даже бездомные Нью-Йорка, Во всяком случае, я испытывала симпатию к одному нищему, который устроился неподалеку от квартиры Пола. Пол всегда с ним здоровался, а по утрам давал несколько сигарет. Поэтому довольно скоро мы с Сергеем тоже с ним подружились: улыбались друг другу, иногда разговаривали. Сергей стеснялся, когда ему приходилось общаться с высокопоставленными персонами, но с обычными людьми он был открытым и приятным собеседником. Этот бездомный отличался особым дружелюбием и никогда ничего у нас не просил. Наоборот, часто рассказывал нам вещи,

которые, по его мнению, следовало знать. Иногда довольно странные, но и интересные тоже.

В тот день, когда была назначена операция, Пол отвез Сергея в Принстон. Сергей не хотел, чтобы я целый день ждала его в больнице, не хотел, чтобы я видела, как ему больно. Поэтому я осталась дома и решила приготовить вкусный обед к их возвращению. Но сначала я вышла купить цветы, чтобы подарить их Сергею на день Святого Валентина. И попала в трудную ситуацию.

Очереди в цветочные магазины были такими огромными, что я даже не могла войти внутрь, а некоторые уже успели распродать все свои запасы. Я искала тюльпаны, любимые цветы Сергея. Наконец мне удалось их найти — наверное, это был десятый магазин на моем пути. Еще я купила пирожные, свежие фрукты и все необходимое для обеда. Потом прибрала в квартире так, чтобы создать романтическое настроение.

Пол с Сергеем вернулись, когда наступило обеденное время. Рука Сергея была подвязана, но в остальном он выглядел просто прекрасно и сказал, что все прошло хорошо. Я подарила ему цветы, а он спросил:

— Катюха, хочешь посмотреть фильм? Мы тут для тебя принесли.

— Давай.

— Только он страшный.

— Ладно. Я люблю фильмы ужасов.

Пол поставил кассету в видеомагнитофон. Это был фильм о том, как Сергею делали операцию. Камера — находилась внутри его тела.

— Вот видишь, это плохая часть, — объяснял Сергей, показывая на омертвевшую ткань внутри своего плеча.

— А сейчас доктор производит чистку. Смотри.

Зрелище было отвратительное. Не слишком романтичное развлечение в первый день Святого Валентина, который я провела в Соединенных Штатах. Доктор сказал Сергею, что придется сделать еще одну операцию. Врач обнаружил обрыв вращающей мышцы — очень неприятная травма. Они договорились на середину апреля, то есть всего за несколько дней до нашей свадьбы.

На вторую операцию Сергей летал один. До этого он никогда не бывал в Америке без меня — мы вообще мало где были врозь, — и я очень, очень беспокоилась.

Я занималась приготовлениями к свадьбе, которая должна была состояться в два разных дня. Официальное бракосочетание мы назначили на 20 апреля. Потом, через восемь дней, 28 апреля,

венчание в церкви — его проводил отец Николай — и банкет для наших друзей. К сожалению, Марина не могла быть вместе с нами. Я позвонила ей заранее, но она ответила, что уже подписала контракт на работу в Оттаве и улетает в Канаду 22 апреля. Она не могла изменить свои планы, но сказала, что, если мне когда-нибудь понадобится помощь, я всегда могу к ней обратиться. И еще просила, чтобы мы ее не забывали. Сергей не позвонил мне после операции, потому что на следующий день вылетал обратно. В аэропорт я принесла одну красную розу. Мне никогда раньше не доводилось его встречать, судьба распорядилась так, что это был один-единственный раз. Я его увидела, когда он прошел через таможню, — у него было ужасно грустное лицо. Пол Теофанус подарил нам на свадьбу две подушки из гусиного пуха — Сергей нес их здоровой рукой. Правая была подвязана, через плечо он перекинул маленькую сумку. Сергей принимал сильные болеутоляющие таблетки, поэтому вид у него был полусонный.

Я не сумела сдержать улыбки: он выглядел очень забавно. Конечно, я понимала, что поступаю нехорошо, но была так рада его благополучному возвращению, что не могла не выплеснуть радость в улыбке.

Назавтра была назначена официальная церемония, где нам должны были выдать документ, гласящий, что теперь мы муж и жена, а потом мы устраивали небольшой праздничный ужин только для, наших родных. В тот день я не надела подвенечное платье. Сергей заехал за мной с огромным букетом роз, но забыл дома паспорт. Поэтому ему пришлось вернуться, а я отправилась в загс, чтобы объяснить, почему мы опаздываем. Я беспокоилась, что мы не успеем к назначенному часу и тогда придется ждать еще три месяца.

Однако Сергей успел, а сама процедура заняла всего несколько минут. Свидетелем Сергея был Егор, а моей свидетельницей — девушка, которую тоже звали Катя, я познакомилась с ней у Егора. Я не очень хорошо ее знала, но Машу на эту роль я пригласить не могла, потому что она была моей сестрой, а других подружек у меня не было.

Потом мы отправились к моим родителям, и единственным моментом, омрачившим тот день, было то, что бабушка, игравшая в моей жизни такую большую роль, особенно когда я была маленькой, лежала в больнице и не могла быть на моей свадьбе.

А потом мы провели в нашей новой квартире первую ночь. Сергей не стал переносить меня через порог — в России нет такого обычая, — но даже если бы и захотел, то не смог бы из-за больного плеча; он с трудом подписал необходимые документы.

Квартира, которую я ни разу не видела после ремонта, оказалась очень красивой. Дверь между гостиной и кухней сняли, получилось оригинально. Из мебели были маленький столик, два кресла и кровать. А еще мама оставила бутылку шампанского на льду и цветы. Это был новый мир для нас с Сережей.

Я чувствовала себя необычно. И не то чтобы волновалась, но я так долго ждала этого дня. Мы многократно, в самых разных местах разделяли постель, но теперь стали мужем и женой, и я считала, что должна вести себя иначе. Сделать что-то необычное. Наверное, я ждала, что повторится то, что мы испытали в Париже. Теперь у нас был дом, в котором я могла заботиться о моем Сереже, жить под одной с ним крышей и готовить его самые любимые блюда.

Венчание в церкви состоялось через восемь дней. Наши друзья съехались в Москву из различных ледовых шоу со всех концов света. Марина Климова и Сергей Пономаренко, Майя Усова и Александр Жулин приехали в ресторан прямо из аэропорта. Приехал и Игорь Железовский, который занимался скоростным бегом на коньках, — Сергей был у него свидетелем на свадьбе. Леонович. Татьяна Тарасова. Терри Фоли прилетел из Калифорнии и заснял всю церемонию на видеокамеру. Венчание было назначено на четыре часа дня, в маленькой церкви, где меня крестили. На мне было белое с желтоватым оттенком шелковое платье, которое я купила в Торонто, а в волосы я вплела цветы. Все утро и почти целый день лил дождь — это считается хорошей приметой. Теперь я в этом совсем не уверена. Но тогда я была счастлива, что идет дождь. По окончании церемонии отец Николай произнес красивый тост в нашу честь. Мы выпили в церкви шампанского, потом поехали в ресторан на белом мерседесе», который нам одолжил директор шоу Татьяны Тарасовой.

На свадебном банкете все без конца поднимали тосты и кричали: «Горь-ко! Горь-ко!». Тем вечером я видела Сергея, только когда мы целовались.

Откровенно говоря, мне не очень понравилась моя свадьба. Да и для Сергея это был не лучший день, хотя он всегда с удовольствием встречался со старыми друзьями. Он не любил находиться в центре всеобщего внимания, и ему совсем не нравилось, что все присутствующие женщины приглашали его танцевать. Я думаю, гости чувствовали: Сергей несколько разочарован тем, что они по старинному русскому обычаю не украли невесту, которую жених должен выкупить, чтобы получить обратно.

Этим вечером мы с Сергеем впервые танцевали настоящий

вальс. Он сказал:

— Я не знаю, как это делается.

Я ответила:

— Я тоже. Давай попробуем.

В двух наших соревновательных программах были элементы вальса — в одной из них, в 1989 году, я изображала молоденькую девушку, танцующую вальс на своем первом настоящем балу; но ведь сейчас все было совсем иначе. На полу мы танцевали неважно, уж это я знаю совершенно точно. Так что я была несказанно счастлива, когда банкет закончился и мы поехали к моим родителям, чтобы продолжить праздник в более тесном кругу.

Все фигуристы отправились вместе с нами, в квартире яблоку негде было упасть. Гостям с трудом удалось припарковать возле дома машины. Всякий раз, когда кто-нибудь хотел уехать, ему приходилось возвращаться обратно, подниматься на одиннадцатый этаж и просить человек восемь, чтобы они отвели в сторону свои автомобили.

Мы с Сергеем уходили последними. Я вела машину и помню, как подумала тогда: «Посмотрите на меня — я везу домой своего мужа со своей свадьбы». Чувствовала я себя немного даже странно, потому что обычно за рулем сидел Сергей, — еще один шаг к семейной жизни. Я была счастлива: вот мы возвращаемся к себе домой, я и Сергей, вдвоем, в нашу собственную квартиру. Как это здорово, что мне есть с кем возвращаться домой, что есть человек, который будет обо мне заботиться.

Именно той ночью я впервые осознала, что у меня есть муж.

Не знаю почему, но мы не поехали в свадебное путешествие. Я не помню, чтобы мы обсуждали эту проблему; вероятно, я тогда считала, что нужно как можно быстрее вернуться на лед. Такие мысли были в то время для меня типичными. Так я думаю и теперь, если уж быть честной до конца.

На следующий день после венчания произошло грустное событие. Мы с мамой убирали квартиру после праздничного застолья, и к нам в комнату через открытое окно влетел голубь. Отцу удалось его выгнать, но народная примета гласит, что если к тебе в дом залетит птица — это очень плохо. Кто-то должен умереть. Целый день моя мама была печальной и задумчивой. А в августе умерла от рака моя любимая бабушка. Ей было шестьдесят два года.

На той неделе нам не сопутствовала удача. Ни в малейшей степени. Три дня спустя я умудрилась разбить свою старенькую «тойоту», которую купила в Японии, — у нее был руль не с той стороны. В России ездят по правой стороне дороги. Должна

признаться, я не очень хорошо управляюсь с машинами. Мне удалось сдать вождение лишь с пятого раза. Но даже для меня это было уж чересчур глупым поступком. Дело происходило 1 мая. Движение в основном перекрыто, машин почти нет. На самом деле в тот день на улицу выехал только один водитель, кроме меня, и я ухитрилась с ним встретиться. С моей точки зрения, он ехал слишком медленно. Точнее, он остановился, когда на светофоре зажегся красный свет, но я этого не заметила. Может быть, меня ослепило солнце. Или я еще не пришла в себя после венчания. Не знаю. Так или иначе, я в него врезалась.

Человек, сидевший в машине, вышел, чтобы выяснить, кто этот безумец, а я разревелась.

— Почему вы плачете? — спросил он. — Вы не пострадали?

Я помотала головой.

— С вами все в порядке? Вот и хорошо. — А потом он сказал нечто странное: — Пойдемте в мою машину. Там есть маленький телевизор, мы посмотрим мультики. Казалось, он не слишком расстроился из-за того, что я разбила его машину.

— Мне очень жаль, — сказала я. — Даже не знаю, как это получилось.

— Ничего страшного. Это машина моего друга. Я вообще-то видел, что вы приближаетесь, хотел проехать вперед, но не успел.

Ясно было одно: моя машина сдвинуться с места не может, поэтому я позвонила Сергею.

— Серега? Я врезалась в чужую машину.

Он немного помолчал.

— Где ты ее нашла? Недавно начался парад. На улицах никого нет.

— Да, мне удалось въехать в единственную машину, которая оказалась на дороге. Ты можешь за мной приехать?

Когда появился Сергей, я сидела в чужой машине и смотрела мультики. Мой новый знакомый несколько раз извинился, но сказал, что, поскольку машина не его, нужно починить ее до того, как его приятель вернется в Москву.

Ни у кого из нас не было страховки. Поэтому мы с Сергеем заплатили за ремонт машины, а папа починил мою тойоту». К счастью, он успел продать ее до того, как я снова села за руль.

МОЛОДОЖЕНЫ

Через две недели после свадьбы плечо почти перестало беспокоить Сергея и мы смогли выйти на лед. К середине мая мы присоединились к турне Тома Коллинза 1991 года. Мы участвовали в пятнадцати выступлениях. С Томом у нас установились дружеские отношения. Все турне получилось чем-то вроде медового месяца, которого у нас так и не было.

Жизнь завертелась быстрее, стала более беспорядочной. Сразу после завершения турне с Коллинзом мы влились в шоу «Все звезды России», которым руководила Татьяна Тарасова, и отправились в Южную Африку. В Кейптауне и Иоганнесбурге у нас было двадцать выступлений. Там я сделала множество покупок для нашей новой квартиры — тарелки, люстры, лампы, простыни и многое другое. Мы побывали на сафари, и нам удалось поиграть с совсем маленькими львятами. Сергею, который вообще любил животных, это очень понравилось. Он взял на руки львенка и стал похож на маленького счастливого мальчика.

За выступление в южноафриканском турне мы заработали тридцать тысяч долларов, и Пол Теофанус посоветовал нам отдать деньги двум женщинам, работавшим в MIM, — они должны были перевести их в Соединенные Штаты. Он объяснил, что в этом случае нам не придется платить налоги в России. Мы никогда раньше не видели этих двух женщин. Они пришли в наш отель в Иоганнесбурге, мы отдали им деньги, и женщины удалились, не оставив даже расписки. Мы с Сергеем только посмотрели друг на друга. Что мы наделали? Но все обошлось. Деньги дошли до места назначения. Мы с Сергеем мало что понимали в финансовых вопросах, поскольку у нас не было никакой подготовки и никто не предлагал нас этому обучить. Летом Татьяна поставила для нас «Вестсайдскую историю». Впервые она попросила Сергея играть роль. Конечно, он делал все необходимые хореографические па и нужные движения руками, но чтобы стать еще и актером!.. В «Вестсайдской истории» ему надлежало изобразить собственную смерть. Для Сергея это был гигантский шаг вперед. Я всегда любила играть, еще в детстве, на даче, ставила целые спектакли — «Буратино», например, — но Сергей без особого энтузиазма отнесся к идее Татьяны.

— В следующий раз, — сказал он мне однажды, — она заставит меня на льду кого-нибудь убить.

Однако Сергей уважал Татьяну и выполнял все, что она просила.

Затем следовал номер на музыку из «Паяцев», ария в исполнении Пласидо Доминго. Мы оба были одеты как клоуны, во все белое, даже на лица был наложен белый грим. Я гримировала Сергея и нарисовала ему на щеке слезу. Этот номер должен был стать нашей произвольной программой в следующем сезоне, и я до сих пор не могу поверить в то, что Сергей не возражал. В его катании никогда не было ни малейшего притворства. В нем напрочь отсутствовала фальшь, он никогда не позволял ни себе, ни мне кататься ниже определенного уровня, который считал обязательным. Всегда сдержанный в оценке собственных возможностей, он часто говорил: «Я фигурист. И не хочу делать из себя шута».

Может быть, когда мы катались, все смотрели на меня, но только потому, что Сергей постоянно старался подчеркнуть мои достоинства, а сам оставался в тени. Он так гордился мной. И все-таки он был сильнее и почти не совершал ошибок. Его катание неизменно было искусным. Он показывал аудитории ровно столько, сколько ей было необходимо видеть. Надеть на такого человека костюм арлекина, разрисовать ему лицо — это все равно что лишить его лучших качеств фигуриста и художника.

Однако Сергею удалось вытянуть эту программу. Я беспокоилась, что все будут смеяться над клоунскими костюмами, но зрители отнеслись к ним совершенно серьезно. И мы заняли первое место.

Татьяна обладала богатейшим жизненным опытом. В фигурном катании разбиралась великолепно. Со своими фигуристами она вела себя как мать. Нам это немного напоминало Галину Змиевскую. Для нас с Сергеем в тот период жизни было очень важно, чтобы кто-то заботился о нас и нашем здоровье. Татьяна, которая начала тренировать фигуристов, когда ей исполнилось восемнадцать или девятнадцать лет, всегда спрашивала наше мнение, показывала новые элементы, заставляла экспериментировать. Когда Татьяна создавала какую-нибудь композицию, она отлично представляла себе, какой будет эта программа, от начала до конца — еще до того, как мы выходили на лед. Не знаю, хорошо это или плохо, — потому что в таком случае программа не может быть абсолютно оригинальной. Марина никогда так не работала.

Примерно в то же время нам сказали, что Толлер Крэнстон, канадский фигурист, тренер и хореограф, хочет поставить для нас номер. Нам требовалась произвольная программа для профессионального чемпионата мира 1991 года в Лэндовере, поэтому мы вылетели в Торонто, чтобы встретиться с Крэнстоном.

Он уже подобрал для нас музыку из «Щелкунчика». Я всегда

любила кататься под Чайковского. А потом началось: сделайте так, сделайте иначе, попробуйте этот вариант. Мы были поражены его манерой работать. Он приготовил эскизы костюмов... А потом — через два дня — был вынужден уехать на выставку. Мы не могли в это поверить. Мы заплатили столько денег за билеты, за аренду льда и отель! И вдруг — два занятия и до свидания.

Но Эллен Бурка, которая работала ассистентом Толлера, сказала:

— Не волнуйтесь. Я закончу работу над вашей программой.

И действительно, мы сделали с Эллен программу, а потом победили со «Щелкунчиком» на чемпионатах мира среди профессионалов в 1991-м и 1992 годах.

Кристофер Боумен, который тоже работал с Толлером тогда же, когда и мы, однажды пришел на тренировку с большим синяком под глазом. Во всех газетах появились заметки о том, что его избили при таинственных обстоятельствах, стали поговаривать о наркотиках. Однако в тот день Эллен заставила его кататься с распухшим глазом и все время приговаривала, что у него «улыбка на миллион долларов». Эллен включила музыку Боумена, а я подумала: «Зачем она это делает? Он озабочен совсем другими проблемами, да и программу свою не выучил».

Мы с Сергеем частенько слышали разговоры о наркотиках, особенно во время турне, но я могу с уверенностью заявить, что никогда не видела, чтобы кто-нибудь их принимал. Меня совершенно не интересовало, что происходило с Кристофером Боуменом, но поскольку Сергей поддерживал с ним дружеские отношения, я однажды спросила у своего мужа, пробовал ли он когда-нибудь наркотики. Сергей сказал, что не пробовал и что они его никогда не интересовали.

Тренировки в Торонто той осенью доставляли нам с Сергеем массу удовольствия. Они были трудными, но веселыми. Нам приходилось многое узнавать самостоятельно — как пользоваться метро, где делать покупки. Мой английский стал заметно улучшаться, хотя все еще был далек от идеала; зато Сергей отказывался говорить по-английски, и это меня весьма огорчало. Но нам нравилась независимость и то, что мы можем заботиться друг о друге.

1991-й стал для нас годом больших изменений. До этих пор мы даже не представляли себе, что такое настоящий стресс. Напряжение — да. Но стресс — совсем другое дело. Неожиданно оказалось, что я должна отвечать за билеты на самолет, паспорта, наличные деньги... Я боялась, что мы сядем не на тот рейс и прилетим не в тот город. Меня постоянно преследовала мысль,

что в аэропорту потеряется наш багаж.

Особенно я тревожилась всякий раз, когда мы оказывались во Франкфурте, а там нам приходилось часто бывать потому, что многие рейсы из Москвы совершали посадку во франкфуртском аэропорту, который я ненавидела. Однажды я потеряла там свою лисью шубу, которая незаметно упала с тележки. Уж не знаю, как я умудрилась пройти мимо нее, но мне это удалось. Какие-то милые люди подняли шубу и отнесли в ближайшие кафетерии, так что, когда мы с Сергеем туда вошли, один из официантов держал в руках мою шубу. Мне очень повезло. В другой раз я забыла бумажник в одном из магазинов франкфуртского аэропорта и служащим пришлось сделать объявление по радио. Опять везение. Один раз я даже ухитрилась потерять Сергея!

Мы договорились встретиться в определенном месте в определенное время, чтобы успеть на самолет, вылетающий в Москву. Я ждала, бежали минуты, а Сергея все не было. Я отправилась на поиски. Обошла весь аэропорт. В голове начали возникать самые дикие мысли.

«Почему Сергей захотел остаться во Франкфурте — раздумывала я. — Почему он решил не лететь со мной?» Он взял с собой паспорт, когда пошел за покупками, что было для него весьма нехарактерно, и билет на самолет. Обычно все это лежало у меня.

Чем больше я думала, тем хуже мне становилось. «Почему Сережа захотел меня бросить?»— без конца спрашивала я себя.

Наконец я нашла его у посадочных ворот за несколько минут до отлета самолета, потому что услышала объявление о том, что меня ждут на посадке.

— Никогда не уходи меня искать, — сказал тогда Сергей. — Просто стой и жди в условленном месте.

Я была так рада, что он меня не бросил, я даже не расстроилась из-за того, что он рассердился, — в такие моменты Сергей мог говорить какие угодно слова.

В тот год мы впервые катались вместе со «Звездами на льду». Репетиции начались осенью в Аспене. Мы с удовольствием работали с другими фигуристами: Брайаном Орсером, Скоттом Хамильтоном, Розалин Самнерс, Питером и Китти Карразерс. У нас было несколько групповых номеров, и мне приходилось переводить для Сергея во время тренировок. Все держались очень спокойно и доброжелательно. Если у кого-то возникало желание побезобразничать во время репетиций, никто не возражал — а мы бесконечно удивлялись.

Но больше всего в Аспене нам понравился книжный магазин, который одновременно был библиотекой и кафе, где можно

перекусить. Нам никогда не приходилось видеть ничего подобного. Сергей всегда любил книжные магазины. Поскольку он не читал по-английски, он мог провести целый день за красивым кофейным столиком, просматривая иллюстрированные журналы. Здесь у Сергея была возможность подняться наверх, в комнату с настоящим камином, уютными, удобными креслами и диванчиками. Можно было заказать бокал портвейна, десерт или просто отдохнуть. Мы с Сергеем репетировали новую программу, которую придумала для нас Сара Кавахара. Там был один сложный элемент, когда я с помощью Сергея должна была сделать флип с обратным вращением. Однажды я задела коньком Сергея по голове и у него началось сильное кровотечение, Я так испугалась, что расплакалась.

— Почему плачешь ты? — спросил меня тогда Сергей. Мы отвезли его в больницу, но перед тем, как сделать Сергею перевязку, врач начал задавать нам вопросы. Конечно, Сергей не понимал, поэтому я переводила, и эта процедура заняла довольно много времени. Я все время спрашивала:

— Почему вы ему не помогаете? У него идет кровь, а вы ничего не делаетесь

Но нет, сначала они хотели получить ответы на свои вопросы. Тогда я не понимала, как устроена медицина в Соединенных Штатах.

Самым печальным событием этой осени было известие о том, что Роб Макколл, канадский танцор, который в паре с Грейси Уилсон выиграл бронзовую медаль на Олимпиаде в Калгари, серьезно болен. У него обнаружили СПИД. Брайану Орсеру пришлось несколько раз пропустить репетиции, чтобы навестить Макколла в больнице. Я помню, как Брайан и Роб сидели рядом в конце автобуса во время турне после Олимпиады. Я обратила на это внимание, потому что мы с Сергеем тоже любили эти места. Мы садились там с тех самых пор, как тренировались у Жука, — сам Жук всегда устраивался впереди, а мы старались держаться от него подальше. Брайан и Роб оказывались сзади из-за того, что всегда последними входили в автобус. Они постоянно смеялись, и я помню, как Роб радовался, когда покупал для себя что-нибудь из одежды. Он вообще был очень веселым парнем. Я любила смотреть, как он катается, он всегда старался придумать новые движения для себя и Грейси — просто потому, что это ему нравилось. Роб обожал фигурное катание и всегда прекрасно чувствовал себя на льду.

Он умер еще до того, как выпал снег, а когда наше шоу приехало в Торонто, мы дали выступление в его память, весь сбор от которого пошел на счет больницы, специализирующейся на

лечении СПИДа.

Участие в этом турне очень отличалось от выступлений среди любителей. Если не ошибаюсь, наше турне начиналось в Грейт-Фоллс, штат Монтана, и финальный номер не был готов до самого последнего момента. Все принимало окончательный вид только в самом конце. Трудно сейчас упомнить все города и городишки, где мы побывали: Маскигон, Форт-Уэйн, дансинг, Каламазу и Бингемптон.

Однако мы не уставали по-настоящему от жизни на колесах. Отели всегда были удобными, а иногда даже красивыми, и в каждом городе мы отыскивали хорошие ресторанчики. По всей стране встречали друзей, уехавших из России. Сергей любил сходить на хоккей всякий раз, когда у него возникала такая возможность, что получалось довольно часто. Я ненавидела чемоданы и необходимость носить одни и те же костюмы в течение нескольких месяцев, а потом паковать их после поздних выступлений и приемов и ехать дальше в два часа ночи. Эти приемы не доставляли нам удовольствия: приходилось бесконечно сидеть за столом и давать автографы спонсорам, их друзьям и знакомым. Все они ели, пили и развлекались, а мы должны были без передышки писать, и писать, и писать.

А вот автобус у «Звезд на льду» был отличным. В нем имелись двухъярусные койки, маленькая кухня, холодильник и несколько диванчиков. Отличное место, чтобы расслабиться и поговорить. Должна признаться, что люблю готовить — во время турне мне этого недоставало. Иногда даже хотелось помыть посуду. Несколько раз, когда мы бывали в ресторанах, у меня возникало желание пойти на кухню и сказать: Извините. Не могу ли я чем-нибудь вам помочь? Может быть, помыть посуду?»

Турне закончилось поздней осенью 1991 года. В декабре мы в первый раз выиграли мировое первенство среди профессионалов, после чего вернулись в Москву и присоединились ко «Всем звездам России». Татьяна договорилась о гастролях в Испании, но, когда мы туда приехали, что-то сорвалось и выступления отменили, а мы поселились в маленьком отеле под Барселоной, дожидаясь, пока ситуация прояснится. Мы прожили там две недели: играли в футбол, пили вино и ели удивительно вкусную еду. Однако нам не платили денег. Ни единого цента. Татьяна постоянно повторяла, что со дня на день все будет улажено.

Наконец Сергей заявил, что мы больше ждать не можем. Мы должны участвовать в новогоднем представлении в Гармиш-Партенкирхене, а там нам наверняка заплатят пять тысяч долларов в неделю. Тем временем Пол Теофанус беспрестанно слал в наш маленький отель факсы, уговаривая нас уехать,

потому что у него была для нас работа. Но мы так и не получили его сообщений, потому что в отеле был всего один служащий, который не умел обращаться с факсом. Кончилось тем, что мы поехали на поезде в Мадрид, где нам пришлось купить дорогие билеты в Москву, чтобы успеть вовремя получить немецкую визу. Не помню, чтобы у нас возникало столько проблем сразу. Так, к сожалению, закончилась наша работа с Татьяной Тарасовой.

ДАР

Мы частенько не могли решить, что нам делать, когда кончалось одно турне, а до следующего оставалось какое-то время. Если возвращаться в Москву, то возникает множество проблем, а дома или квартиры в Соединенных Штатах у нас не было. После Гармиша «Звезды на льду» возобновляли выступления в середине января, и оставшиеся десять дней мы с Сергеем решили провести у Линн и Билла Плейг, неподалеку от Денвера. Линн занималась рекламой нашего шоу. Плейги были старыми друзьями Скотта Хамильтона.

Чтобы не сидеть на месте, мы одолжили огромный старый автомобиль у друзей Плейгов. Это был «линкольн-континенталь» — ни мне, ни Сергею никогда не приходилось ездить в таких больших машинах. Разобраться с ней оказалось не так-то просто. При парковках было необходимо выключить радиоприемник, иначе садился аккумулятор; такая неприятность случилась с нами дважды.

Как-то вечером мы поехали в Денвер, чтобы посмотреть шоу Брайана Бойтано и Катарины Витт, а на обратном пути заблудились. Наверное, и с вами случалось нечто подобное — начинаешь следить за поворотами и перестаешь обращать внимание на скорость. Так или иначе, но совершенно неожиданно у нас за спиной появилась полицейская машина с мигалкой. Однако сирену они не включали. Мы ничего не знали об этом правиле, поэтому продолжали ехать дальше. В Москве в подобных случаях милицейские машины сразу включают сирену. В конце концов полицейским из Денвера тоже пришлось это сделать. Тогда Сергей остановился.

Офицером полиции оказалась женщина. Она подошла к нашему автомобилю с той стороны, где сидел Сергей; он протянул ей свои российские права, а она начала задавать вопросы, но наш «линкольн» был таким огромным, что я их не слышала, поэтому и не могла переводить. Я попыталась объяснить ей, что Сергей не говорит по-английски, но она меня тоже не слышала. Мне пришлось перейти на крик.

— Что? — переспросила женщина-офицер.— Что вы говорите?

Я вышла из машины, чтобы не кричать, однако дальше события стали разворачиваться очень необычным, даже пугающим образом.

Она вытащила пистолет и закричала на меня:

— Немедленно сядь обратно в машину!

Я не привыкла, чтобы люди со мной так грубо разговаривали. Тогда я не знала, что в таких случаях нельзя выходить из машины, и теперь женщина из полиции была готова в меня стрелять.

Наконец она успокоилась и подошла к моей стороне «линкольна». Я объяснила, что мы фигуристы из России и что мы заблудились. Она нас узнала, но заявила, что нам следует пересесть в полицейский автомобиль и она отвезет нас домой.

Но сначала она хотела доставить нас в участок и познакомить со своими коллегами. Конечно же, мы согласились. Да и выбора у нас не было.

В конце января у меня появились странные ощущения. Мы участвовали в турне «Звезд» и обычно обедали днем, между тренировками и вечерними спектаклями. Вдруг я поняла, что больше не могу переносить запаха пищи. И одновременно ужасно хочу есть. На следующий день меня стал раздражать запах кофе, а я его всегда любила.

«Что со мной происходит? — забеспокоилась я. — Наверное, я беременна».

Я не ставила перед собой такой задачи, но мы и не предохранялись. Может быть, кому-то это покажется безумием, но дело обстояло именно так. Как я уже говорила, мы с Сергеем никогда ничего не планировали заранее.

Когда мы вернулись в Москву, во время перерыва между выступлениями, я сразу поговорила с мамой. Сергею я ничего не сказала, стеснялась поделиться с ним своими подозрениями. Мама отвезла меня и больницу, там мне сделали анализы, и, как и следовало ожидать, оказалось, что у нас будет ребенок.

Сначала я подумала, что меня это совсем не радует. Я была еще так молода — всего двадцать лет, мне не хотелось пропускать целый год выступлений. Поэтому я сказала маме:

— Давай договоримся с врачами. Я считаю, что мне следует сделать аборт.

Мама выслушала меня и пообещала все устроить. Велела подождать ее в коридоре, а сама отправилась на переговоры.

Только значительно позже я узнала, что она сделала на самом деле. Мама не сомневалась, что я не стану ее слушать, ей было хорошо известно, какой я бываю упрямой, если приму какое-то решение. Поэтому она пошла к главному врачу и уговорила его, чтобы он убедил меня в опасности аборта.

Позже главврач нашел меня в вестибюле и очень мягко объяснил, что существует довольно высокая вероятность

лишиться возможности иметь детей в дальнейшем. Он привел в пример знаменитую русскую балерину, с которой произошло именно такое несчастье, и я испугалась. Кроме того, он добавил, что еще слишком рано делать операцию, поскольку я беременна всего три недели. Даже если я все равно решусь на аборт, нужно подождать еще три недели. Поэтому мы договорились, что я вернусь домой и хорошенько все обдумаю.

Потом пришла мама и спросила, о чем со мной говорил доктор. Я ответила, что его беспокоит будущее, и тогда мама сказала:

— Тут я с ним согласна. Может быть, тебе следует поговорить об этом с отцом Николаем.

Я не знала, что делать. Операция меня пугала, а мысли о том, что я беременна, приятно волновали.

Той ночью я ничего Сергею не сообщила. Он встречался с друзьями и поздно пришел домой, что меня, конечно, расстроило, и на следующее утро я все еще на него сердилась. Я чувствовала себя неважно, и мы поссорились из-за какой-то ерунды. Я не помню из-за чего, но мои гормоны сводили меня с ума, и в какой-то момент я выпалила:

— Я беременна. Мне нехорошо, а тебе наплевать! У тебя мог бы быть ребенок, но теперь я сделаю аборт.

Сергей был потрясен.

— Неужели это правда? О чем ты говоришь?— Он сразу забыл о том, что я на него сердита, забыл даже мои слова об аборте. — Почему ты не сказала мне раньше?

— Он был так взволнован, не выпускал меня из объятий и продолжал целовать. — Почему ты мне ничего не сказала, Катюха?

Мы позвали мою маму и втроем отправились в другую больницу. Мне кажется, мама хотела услышать мнение еще одного врача, чтобы убедиться в том, что я не слишком миниатюрна, чтобы иметь ребенка. Там заново проделали все анализы, и я узнала, что предположительная дата рождения — 20 сентября. Помню, как я вышла из кабинета и увидела маму и Сергея, которые ждали меня с радостными улыбками. Они были такими счастливыми!

А я между тем беспокоилась:

— Мы пропустим целый год. Мне нельзя будет кататься. Что станет с моим телом? Смогу ли я снова набрать форму?

Женщина всегда боится рожать первого ребенка. Но беспокоится она только о ребенке.

— У нас будет ребенок, — без конца повторял Сережа и брал меня за руку.

Он был очень похож на греющегося на солнышко кота.

А моя мама, которая тоже волновалась, говорила:

— У меня будет внук.

В результате мне не пришлось принимать никаких решений. Я была так счастлива, что им хорошо; к тому же они нисколько не сомневались, что мне следует родить ребенка. Даже мой отец считал, что это хорошая идея. Маме было двадцать, когда на свет появилась я, и отец заявил, что лучше иметь детей, когда ты еще молод и у тебя есть силы.

Я пошла поговорить с отцом Николаем, у которого было четверо детей.

— Первый ребенок очень важен, — сказал он, — потому что это дар Господа.

И еще он спросил, предохранялась ли я от беременности, потому что русская православная церковь этого не одобряет. Я ответила, что нет.

— После того как у тебя родится этот ребенок, — сказал отец Николай, — можешь начать предохраняться. Но первый ребенок всегда от Господа, потому что он дитя любви.

Мы с Сергеем не стали никому ничего рассказывать. Я помню, как осталась дома, смотрела Олимпийские игры в Альбервилле и ужасно переживала за наших друзей Марину Климову и Сергея Пономаренко, которые после бронзы и серебра наконец-то выиграли золотые медали в танцах на льду. Татьяна Тарасова помогла им подготовиться к Олимпиаде. Ей удалось создать великолепную программу — сложную, драматичную и цельную. Именно наблюдая за их катанием, я впервые подумала о том, что хотела бы еще раз участвовать в Олимпийских играх.

В парном катании удачно выступили Наталья Мишкутенок и Артур Дмитриев. Мне понравилась их короткая программа, и я была рада, что им удалось одержать победу. Какая-то часть меня мечтала участвовать в Олимпийских играх, хотя я прекрасно понимала, что переход в профессионалы такую возможность исключил. Впрочем, я не слишком печалилась. Я никогда не говорила Сергею, что переживаю из-за того, что мы больше не можем выступать в. соревнованиях среди любителей. Но, глядя на другие пары, я поняла, что у нас есть силы и технические навыки, позволяющие соревноваться с кем угодно. И Сергей думал так же. Мы слышали, что Брайан Бойтано написал письмо в Международную лигу фигурного катания с просьбой разрешить профессионалам участвовать в следующих Олимпийских играх. Поэтому мы знали, что остается слабая надежда на то, что у нас появится шанс поехать на Олимпиаду, но мы с Сергеем никогда не обсуждали этот вопрос.

Пол Теофанус был первым из тех, кто поздравил меня с будущим ребенком. Сергей рассказал ему, и Пол радостно воскликнул:

— Великолепно! Поздравляют! Ты станешь отцом!

Очень по-американски. В Москве к этому относятся совсем не так. Большинство наших друзей реагировали следующим образом:

— Ты беременна? Нелегко же вам придется.

Мы сказали Полу, что я хотела бы продолжать выступать в «Звездах на льду» как можно дольше. Когда мы вернулись в Соединенные Штаты после перерыва на Олимпийские игры, Байрон Аллен, продюсер нашего шоу, отвез меня в больницу, чтобы сделать еще одну серию анализов. Там мне «сообщили, что у нас будет девочка. А я предполагала, что родится мальчик. Если честно, была даже уверена в этом. Я считала, что доктора просто не могут все как следует разглядеть.

Меня тошнило только по утрам, но мое тело определенно начало меняться. Я не могла пить кофе и есть шоколад и не понимала, почему все время ощущаю какую-то слабость, почему так быстро устаю. Я помню, что страшно злилась, когда не могла откатать программу без того, чтобы не чувствовать себя совершенно измотанной.

Мы по-прежнему выступали со «Щелкунчиком», но еще у нас был сольный номер, и трижды мы выходили на лед в группе, так что к концу я просто едва держалась на ногах. Каждый вечер я падала в постель с надеждой, что на следующий день буду полна энергии. Но мои надежды не сбывались.

Я не представляла себе, что это значит — ждать ребенка. Не ожидала, что мое тело будет так быстро увеличиваться в размерах, и ужасно переживала из-за того, что не влезаю в костюм для выступлений. Однажды я даже расплакалась в раздевалке. Линн Плейг пыталась мне помочь. Я дважды упала, когда мы делали выброс в три оборота, поэтому в дальнейшем мы перешли на два. Кроме того, я считала, что не должна так много есть, чтобы не набирать лишний вес. Глупо, но мне с большим трудом удавалось справиться с этими проблемами. Я начала беспокоиться о том, что не сумею завершить турне.

Однако Сергей, несомненно, был очень счастлив. Он постоянно поддерживал меня, обнимал, пытался нащупать ребенка у меня в животе. Все время говорил про нашу девочку. Мы решили назвать ее Дарья, потому что моя мама давно мне призналась, что если бы у нее родилась еще одна девочка, она назвала бы ее Дарья — Екатерина, Мария, а потом Дарья. Сергею это имя очень понравилось.

Когда мы приехали в Торонто, Барбара Андерхилл пришла к нам в гости. Она решила пропустить этот сезон, потому что была беременна, ждала близнецов. Тогда я думала, что никто не знает, что у нас с Сергеем будет ребенок, а на самом деле всем это было прекрасно известно. Барбара, увидев меня, задрала платье и показала мне свой огромный живот, а потом заявила:

— А теперь, Катя, покажи-ка мне свой! — Я была шокирована, а Барбара тем временем продолжала: — Ой, ты такая худенькая. Катя, ты еще продолжаешь кататься. С тобой все в порядке?

После разговора с ней я почувствовала себя немного увереннее.

Когда мы приехали в Оттаву, я позвонила Марине и спросила, не хочет ли она посмотреть на наше шоу, а потом призналась, что нахожусь на четвертом месяце беременности.

— Вот и отлично, — сразу сказала Марина.— Значит, ты скоро станешь мамой. А затем снова будешь кататься. Настроение у меня улучшилось. Мы договорились увидеться с ней перед выступлением, посмотреть, как она живет и где проводит тренировки. Это была наша первая встреча с Мариной с тех пор, как она уехала из России год назад.

Я сумела завершить канадский тур, а на послед; ней тренировке в Галифаксе сделала несколько двойных акселей просто для собственного удовольствия. По возвращении в Москву мне не придется больше кататься до тех пор, пока не родится ребенок.

Наши друзья сделали много подарков для ребенка. Сейчас мне кажется, что не все знали о моей беременности, но тогда я покраснела и подумала: «Всем все известно». Еще мне подарили три чашки — мама-медведица, папа-медведь и маленький медвежонок; зеркало со специальной планкой, чтобы измерять рост ребенка; Розалин Самнерс преподнесла Дарье музыкальную шкатулку с танцующими медведями внутри... Мы получили так много забавных подарков! Я была очень тронута. Это был настоящий праздник жизни.

ДАРЬЯ

Мы с Сергеем провели прекрасное лето в Москве, готовясь к рождению ребенка, Теперь я уже гордилась тем, что беременна, и тщательно следила за своим питанием. Каждый день гуляла и делала специальные упражнения. Иногда пешком поднималась на пятнадцатый этаж до нашей квартиры — ужасно скучно. Часто слушала музыку, которая великолепно соответствовала моему тогдашнему настроению. Никогда раньше я так себя не баловала.

Все были ужасно рады тому, что у меня будет ребенок, и тоже меня баловали. «Сядь сюда, Катя. Тебе удобно? Хочешь чего-нибудь перекусить?» Сергей очень обо мне заботился и тоже следил за моим питанием. А еще он старался меня не сердить и исполнял все мои желания.

В Москве в тот год выдалось очень жаркое лето, так что днем было тяжело ходить по улицам. Я никогда не любила жаркую погоду, поэтому дожидалась, пока станет прохладнее; иногда это происходило после полуночи. Я спрашивала у Сергея:

— Можешь пойти со мной погулять?

А он отвечал:

— Иди, погуляй сама, а я буду наблюдать за тобой с балкона.

Я видела, как он стоял на балконе и смотрел на меня. Уж не знаю, что он мог бы сделать, случись что-нибудь непредвиденное, поскольку мы жили на пятнадцатом этаже. Впрочем, у него был лук со стрелами. Может быть, это помогло бы.

Однажды за ужином Сергей спросил:

— Катюха, ты хорошо поела?

Я сказала, что да.

— Доешь бутерброд с черной икрой, — заявил он, — и тебя ждет сюрприз.

Все говорили, что я должна есть икру, потому что в ней много протеина.

Я с трудом доела бутерброд. После этого Сергей принес мне большую коробку. Внутри оказался очень красивый шарф, а в нем я нашла часы «Роллекс». Я была просто потрясена. И даже ничего не могла сказать, потому что Сергей никогда не дарил мне подарков-сюрпризов.

Наконец я обрела дар речи.

— Спасибо, Сережа. Я этого не заслуживаю. Скорее всего я их потеряю.

И тогда он сказал мне замечательные слова:

— Нет, ты заслуживаешь большего. А это всего лишь подарок.

И хотя мне очень понравился сам подарок, но то, с какой

любовью и нежностью Сережа обращался со мной, имело для меня куда большее значение.

В июне или июле Сергей купил новую пару коньков и отправился на каток, чтобы их опробовать. Я за компанию поехала с ним. Меня все время тянуло то вперед, то назад — возникали проблемы с центром тяжести. Вдруг показалось, что я совершенно потеряла координацию движений. Однако решила не беспокоиться по этому поводу. Меня тревожило лишь мое здоровье и ребенок.

Мы с Сергеем отправились в пятнадцатидневную поездку в Давос, Цюрих и Грецию. Только он и я — чудесное путешествие. Греция оказалась такой красивой страной. Однажды Сергей смотрел на меня как раз в тот момент, когда ребенок начал проявлять беспокойство.

— Что происходит у тебя в животе? — спросил он. — Хочешь потрогать? — Я взяла его руку и приложила к животу, чтобы он ощутил толчки.

Дарья передавала привет своему отцу.

За время беременности я набрала восемь килограммов, что вполне соответствовало норме. Однако Татьяна Тарасова посоветовала мне обратиться в больницу, где специализировались на сложных родах, чтобы подстраховаться. Так я и сделала. Врачи тщательно меня осмотрели и порекомендовали кесарево сечение — учитывая мои миниатюрные размеры.

Я поговорила с мамой, и она сказала, что, наверное, так и нужно сделать. Однако в этом случае процесс восстановления занимает некоторое время, иногда довольно продолжительное, так что мысль о кесаревом сечении мне не слишком нравилась. Именно тогда-то я впервые подумала о том, чтобы родить ребенка в Соединенных Штатах.

Мы позвонили Полу Теофанусу, и он спросил, с кем мы собираемся выступать в новом сезоне и могут ли Звезды на льду» на нас рассчитывать. Репетиции должны были начаться в конце октября, через пять недель после рождения ребенка. Если делать кесарево сечение, то я не смогу в них участвовать, и в результате мы пропустим весь сезон. Как и всякий Близнец, я не могла ни на что решиться. То приходила к выводу, что поеду рожать в Соединенные Штаты, а потом вдруг начинала думать, что лучше остаться в Москве.

В конце концов мы с Сергеем твердо решили, что лучше рожать в Соединенных Штатах. Пол нашел врача в Морристауне и снял для нас квартиру в большом доме. Мы купили на 16 августа

билеты. Однако когда мы приехали в аэропорт, оказалось, что наша виза недействительна.

Я ужасно расстроилась. Сергей поменял билеты на другой день. Нам пришлось идти в американское посольство, чтобы получить визы на нас и на мою маму, которая должна была прилететь через месяц, чтобы помочь мне после рождения ребенка.

Я постаралась одеться так, чтобы моя беременность была не слишком заметна, но когда мы вошли в кабинет, служащий посольства приветствовал нас следующими словами:

— Привет, привет, заходите, пожалуйста. А теперь скажите, почему вы хотите рожать ребенка в Соединенных Штатах?

Первый вопрос! Я начала объяснять насчет репетиций, что мне нужно как можно быстрее выйти на лед, чтобы успеть подготовиться к турне.

— А как вы относитесь к тому, что ваш ребенок получит гражданство Соединенных Штатов? Что вы об этом думаете?

Я сказала, что не имею ничего против, но это не главная причина, по которой мы приняли такое решение. Служащий попросил нас немного подождать. Пока он ходил, чтобы получить у кого-то консультацию, я ужасно волновалась. Однако он довольно скоро вернулся и сказал, что с визами все в порядке.

После этого возникла другая проблема. Врачи из нашей больницы сказали, что отправляться в Америку уже поздно. «Вам следовало вылететь в начале августа», — утверждали они.

Поэтому я немного нервничала, когда мы сели в самолет 1 сентября. Но была уверена, что со мной все будет хорошо и что Дарья станет вести себя прилично, до срока оставаясь там, где ей й положено.

На следующий день после прилета в Штаты я пошла к врачу, которого нашел для меня Пол, и он подтвердил, что у нас будет девочка. А еще доктор сказал, что ребенок больше не будет расти и на следующей неделе можно стимулировать роды. Мы договорились на 13 сентября.

Пол спросил нас, не хотим ли мы посмотреть открытый чемпионат США по теннису, и мы, конечно, согласились. Он достал нам отличные места на вечерние матчи 10 сентября. Это было фантастическое зрелище, словно мы побывали в театре. К сожалению, матч пришлось прервать, потому что полил страшный дождь. Мы едва успели добежать до машины, перепрыгивая через лужи. Тем вечером я чувствовала себя немного хуже, чем обычно, и Сергею пришлось вести машину без всякой моей помощи, потому что я ни на что не обращала внимания. Посреди ночи, примерно в четыре часа, я проснулась от очень необычного

ощущения. Около часа побродила по квартире — и тут начались схватки.

Однако я не знала, что это означает. Никто мне не рассказал, как начинаются роды. Несколько мгновений я чувствовала себя ужасно, потом вдруг боль исчезала. Мне все это показалось странным, и когда боль отпускала, я принималась старательно изучать брошюру, которую дал мне доктор. Только тогда я поняла, что это, по-видимому, схватки.

Я позвонила в больницу, и мне велели приехать. Я разбудила Сергея, который начал ужасно суетиться. Схватки становились все сильнее, а промежутки между ними быстро сокращались. Сергей страшно нервничал, когда в машине я то говорила, что со мной все в порядке, то громко кричала. Бедняга, он не знал, что делать. Я сказала, чтобы он подвез меня к приемному покою — они с Полом отрепетировали это заранее.

Врач осмотрел меня, и, как только Сергей понял, что я в надежных руках, он заявил:

— Я пойду посижу в машине.

Сергею не хотелось оставаться в комнате ожидания, где ему начнут задавать вопросы, на которые он не сможет ответить. Ничего худшего для него и быть не могло. А представить себе, что он станет помогать мне во время родов, было совершенно невозможно — в России это не принято.

Меня отвезли в палату, и тут мне стало немного страшно, потому что из-за закрытой двери доносились женские крики. Врачи сделали мне укол в предплечье, и я на короткое время заснула. Потом снова начались схватки, боль становилась все сильнее и сильнее. Мне предложили сделать обезболивающий укол в позвоночник.

Мы не обсуждали такого варианта заранее, поэтому врач объяснил мне, что это такое. Наконец я согласилась и сказала:

— Да. Сделайте укол. Прямо сейчас.

Однако прежде мне принесли кучу бумаг, которые я должна была прочитать и подписать.

«Они что, с ума сошли? — подумала я. — Хотят подписать со мной контракт? Пусть делают укол!»

Но нет, сначала нужно было прочитать и подписать бумаги. И все, естественно, написано по-английски, а разве я могла в тот момент думать на чужом языке? Единственное, что я понимала,— нужно подписать контракт, и тогда боль уйдет. Может быть, придется отдать машину. Может быть, часы «Роллекс». Мне все равно. Сделайте укол!

В результате укол сделали. В спину, чего я никак не ожидала, хотя и уверена, что в подписанном мною документе все было

подробно разъяснено. Мне сразу стало хорошо, и я смогла расслабиться.

Наконец около одиннадцати часов утра меня начали спрашивать про Сергея.

— Разве ваш муж не будет рядом с вами?

— Зачем? — спросила я. — В этом есть какая-то особая необходимость? Неужели он не может подождать в машине?

— А как насчет подруги? — спросила медсестра.

— Какая еще подруга? — удивилась я. — Никто не говорил, что мне следует захватить с собой подругу, чтобы родить ребенка.

— Мы просто хотим сказать, что кто-то должен быть рядом с вами, — попыталась объяснить медсестра. — Мы позовем вашего мужа. Только он знает русский. В каком автомобиле он вас ждет?

Я рассказала, и медсестра нашла автомобиль. Сергей спал. Она постучала в окошко, жестом показывая, что он должен следовать за ней. Он ничего не понял.

— О, уже родила? Прекрасно. Мальчика или девочку?

Он торопливо шагал за медсестрой и был очень удивлен, когда вошел в палату и выяснилось, что ребенок еще не родился.

Однако внешне Сергей, как и всегда, выглядел совершенно спокойным. Это я волновалась.

— Они заверяют, что ты должен быть рядом со мной, — сказала я ему. — Все нормально, Серега?

— Да, конечно. Тебе очень больно, Катюша?

Я ничего не чувствовала, но подумала; что мне не следует ему этого говорить.

— Нет, — ответила я. — У меня все хорошо.

Оказалось, он даже рад, что может остаться. Сергей все время целовал мне руку. Доктор начал показывать Сергею устройства, по которым они следили за тем, как продвигаются роды, что происходит с ребенком, какова интенсивность схваток. Сергей вежливо его выслушал.

А потом доктор принялся повторять, что я должна делать.

Меня затрясло по-настоящему. Мне кажется, это была реакция на укол в позвоночник. Я забывала, что должна делать. Сергей держал меня за руку. Наконец я напряглась, потом еще и еще... Когда Дарья вышла наружу, у меня возникло ощущение полного опустошения, словно все, что было ниже горла, вышло наружу вместе с ребенком.

Доктор положил Дарью мне на живот, а я продолжала отчаянно дрожать. Мне стало вдруг невыносимо холодно. Помню, как я подумала: «Вот все удивятся, когда окажется, что родился мальчик». Я все еще им не верила. Но удивляться пришлось мне.

— Девочка, — сказал доктор и дал Сергею подержать Дарью

еще до того, как я взяла ее в руки.

Сергей удивился, но Дарью взял. На нем не было даже больничного халата, он стоял посреди палаты в своей синей джинсовой рубашке — эта картина и сейчас у меня перед глазами. Я была так счастлива, что он рядом!..

Дарья оказалась совсем крошечной и у нее не было волос. Девочку помыли и надели ей на голову маленькую смешную шапочку, а потом спросили, не хочу ли я позвонить домой.

В Москву?

Естественно, ответили они.

Конечно.

И мы позвонили домой, а когда моя мама взяла трубку, Сергей сказал:

— Привет, бабушка.

— Уже? — воскликнула она.

Мама должна была приехать только через неделю, она рассчитывала, что еще успеет объяснить мне, как следует себя вести.

Дарья весила почти два с половиной килограмма и была совершенно здорова. Но она оказалась самым маленьким ребенком из всех, кто находился под наблюдением в больнице. К тому же у остальных детей на голове были волосы. То, что Дарья была совсем лысой, доводило меня до исступления. Сама не знаю почему. Я так расстроилась, что проплакала всю первую ночь. «Я не справилась,— думала я, — не ела то, что долго продолжала кататься — именно поэтому у Дарьи нет волос».

Грустная, смешная маленькая мама, оказавшаяся так далеко от дома.

ОТЪЕЗД

Сергей вернулся домой из больницы и выпил целую бутылку шампанского. А потом позвонил всем, кого знал. Целую ночь он звонил по телефону и рассказывал разным людям, что Дарья станет теннисисткой, потому что ей так хотелось посмотреть открытый чемпионат США по теннису, что она родилась на свет раньше срока.

На следующий день он принес цветы и подарки. Три дня спустя, когда меня выписали, Сергей все время обнимал и целовал меня и без конца фотографировал нас с Дарьей. Я никогда не видела его таким счастливым. И всякий раз, когда я предлагала кому-нибудь позвонить — Егору или Фадееву, например, — он отвечал: — Катюха, я уже им звонил.

Потом мы получили огромный счет за телефонные разговоры.

Мы с нетерпением ждали приезда моей мамы, потому что я далеко не всегда знала, что нужно делать. К счастью, никаких серьезных проблем не возникало. Кормление грудью проходило нормально, мы с Сергеем наблюдали за тем, как няня меняла пеленки, а вскоре уже могли и сами совершать эту весьма непростую процедуру. Когда я несколько раз оставляла его одного со спящей Дарьей, он нервно спрашивал у меня, что ему делать, если она проснется. Я отвечала, что не знаю. И это было чистой правдой.

Мне стало намного легче, когда мама наконец приехала. Я все еще беспокоилась из-за того, что Дарья была такой маленькой и безволосой, что у нее красная кожа. Я стала жаловаться маме на то, как Дарья выглядит, а она посоветовала мне успокоиться, потому я сама была весьма уродливой, когда родилась. Л еще мама утешила, сказав, что Дарья очень хорошенькая.

Мама показала нам, как нужно все делать. Мы научились давать Дарье отрыгивать, купать ее, пеленать. Когда она начинала плакать, мама чистила виноградину, заворачивала в марлю, и мы давали ей ее пососать. И всегда Дарья успокаивалась.

Каждый день приносил какие-то небольшие перемены. Однажды она перевела взгляд с одного предмета на другой. Первое купание. Первая улыбка... И все время мы благодарили Бога за то, что Он одарил нас таким счастьем.

Через двенадцать дней после того, как родилась Дарья, 23 сентября, Сергей отвез меня в гимнастический зал, и с этого дня мы приступили к ежедневным тренировкам.

Поэтому, когда Джей Огден пришел выяснить, будем ли мы кататься в этом сезоне, мы уверенно ответили «да». Репетиции

начинались через месяц.

Сергей хотел, чтобы я попросила у Джея дополнительных денег.

— Скажи ему, Катюха, — настаивал он.

Я попыталась, но у меня плохо получаются разговоры на подобные темы. Я просто не в состоянии произнести нужные слова. Если бы Сергей говорил по-английски, все переговоры вел бы он. Но он не знал языка, и этим приходилось заниматься мне. Наконец мне удалось разразиться такой фразой:

— Не кажется ли вам, что стоит рассмотреть вопрос о повышении нашей зарплаты, теперь, когда у нас появился ребенок?

Джей выслушал вопрос, а потом напомнил мне, что у МГМ есть выбор, кого приглашать в турне, и он надеется, что мы примем их предложение. На этой ноте и закончился наш разговор; тогда мы еще не приняли окончательного решения.

В результате мы согласились кататься за те деньги, которые нам платили раньше.

30 сентября я встала на коньки. Прошло девятнадцать дней с рождения Дарьи и около шести месяцев с тех пор, как я прыгала двойные аксели на последней тренировке в Галифаксе. Всякий раз, когда я пыталась сделать прыжок, я падала, и у меня начала болеть спина. И все же я была рада снова выйти на лед.

Наша новая маленькая семья была такой счастливой! Осенью в Нью-Джерси очень красиво, и мы часто ходили с Дарьей гулять в ближайший парк. Когда девочке исполнился месяц, мы сфотографировали ее для американского паспорта. Бедное маленькое существо не могло еще держать головку, так что на фотографии можно разглядеть пальцы Сергея, поддерживающие ее сзади. В его больших, сильных руках она казалась маленькой птичкой. Дарья будет иметь двойное гражданство — российское и американское — до тех пор, пока ей не исполнится восемнадцать, а затем придется выбирать.

В том году репетиции «Звезд на льду» проходили в Лейк-Плэсиде. Они начались 19 октября, поэтому еще до того, как уезжать из Нью-Джерси, мы должны были решить, что делать с Дарьей. Мы не хотели, чтобы она жила в гостинице, которую МГМ зарезервировала для фигуристов, а снять для нас отдельно квартиру где-нибудь неподалеку никто не предложил. В последующие годы мы на этом настаивали, но в первый раз просто не сообразили. Никто не спросил у нас: «Может быть, вы хотите взять с собой Дарью? Мы найдем вам дом с кухней». Я

знаю, мы должны были сами об этом попросить, но нам и в голову подобные мысли не приходили. Мы были счастливы, что благодаря «Звездам на льду» не потеряем целый год. И мы решили, что не возьмем Дарью с собой.

Именно поэтому большинство фигуристок не имеют детей. Очень немногие продолжают выступать после рождения ребенка. Целый год ты не выходишь на лед, потом очень трудно набрать прежнюю форму, приходится путешествовать по всему миру, оставляя ребенка дома. Если бы Дарья родилась в середине лета, мы бы смогли провести с ней больше времени. Или, если бы мы с Сергеем были одиночниками, я могла бы бросить фигурное катание и постараться стать хорошей матерью. Но Сергей не мог выступать без меня. Поэтому мама уволилась с работы и сказала мне: — Я в твоем распоряжении; у меня еще достаточно сил, я позабочусь о Дарье. Теперь ты можешь вернуться к своей работе. Ты еще молода и любишь фигурное катание. Пусть уж лучше ты станешь скучать по Дарье, чем она будет ездить за тобой по всей стране и жить в гостиницах.

Рассуждения вполне разумные, тем не менее я просто с ума сходила оттого, что не смогу быть настоящей матерью для своей маленькой дочки. Но был ли у нас выбор? Мы могли завершить выступления, чтобы сидеть с Дарьей, остаться без денег, жить как все в Москве, а со временем работать тренерами. Или продолжать кататься, предоставив моей маме растить Дарью. Других вариантов не существовало.

Мама решила, что она с Дарьей может съездить навестить семью Терри Фоли в Калифорнии, пока мы будем в Лейк-Плэсиде. В этом случае ей не придется жить одной в Нью-Джерси. Я перестала кормить Дарью грудью и перевела ее на бутылочки, а 17 октября мы отвезли маму и Дарью в аэропорт. Дочке было тогда всего пять недель.

Все шло хорошо, пока они не уехали. Но после этого, когда мы с Сергеем сели в машину, меня охватило ужасное, неведомое до тех пор чувство, словно вырвали половину сердца. С Сергеем было то же самое. Мы хранили молчание, нам нечего было сказать друг другу. Потом мы сообразили, что едем в противоположную от дома сторону.

Мы чувствовали себя опустошенными и несчастными. Когда я приняла решение отдать ребенка маме, я не думала, что мне будет так плохо. Вернувшись домой, я бросилась на кровать и разрыдалась.

Мама позвонила тем же вечером. Когда она рассказала, что они долетели нормально и у них все в порядке, я почувствовала себя лучше. В доме Терри было много игрушек для Дарьи.

Поэтому настроение у меня немного улучшилось, когда на следующий день мы с Сергеем поехали в Лейк-Плэсид, чтобы приступить к тренировкам.

Каждый день мы находились на льду с десяти утра до шести вечера. Я все еще чувствовала себя не совсем хорошо, но мы оба истосковались по тренировкам и выступлениям. Плечо больше Сергея не беспокоило, и проблем с поддержками не возникало. Майкл Сейберт, который выступал в танцах на льду вместе с Джуди Блумберг, поставил для нас две новые программы — это был наш первый опыт работы с Майклом. Он легко поднимал меня и показывал Сергею, как нужно делать танцевальные поддержки. Кроме того, он научил нас нескольким новым дорожкам шагов. Мы с удовольствием работали с ним, и я постепенно набирала форму. Мы даже начали снова делать тройную подкрутку.

Осенью в Лейк-Плэсид приехал Джей Огден, и мы согласились выступать в шоу на прежних условиях. Тогда он заявил, что может гарантировать нам двадцать тысяч долларов от организаторов за участие в чемпионате мира среди профессионалов, который пройдет в Лэндовере в декабре. За первое место полагался приз в сорок тысяч, тридцать тысяч за второе и двадцать тысяч за третье. Были персонально приглашены четыре пары, все из России: Елена Бечке и Денис Петров, Наталья Мишкутенок и Артур Дмитриев, Елена Валова и Олег Васильев. И мы.

— Обойдемся без этих гарантий, — сказал Сергей. — Мы не займем места ниже третьего.

Нужно было видеть в этот момент лицо Джея. Он не сомневался, что оказывает нам большую услугу. А Сергея снова переполняла уверенность, как в те времена, когда мы оба были в порядке.

Я все еще ощущала тяжесть на сердце из-за того, что нам пришлось расстаться с Дарьей. Я постоянно об этом думала. Мне так ее недоставало! Все свободное время я проводила в магазинах, покупая для девочки разные вещи, которые мы регулярно отсылали в Калифорнию. Я знала, что, когда Дарья вырастет, она скорее всего будет любить бабушку больше, чем меня, но с этим я ничего поделать не могла — разве что бросить фигурное катание. Однако выбор был сделан.

То же самое произошло и со мной, когда я была маленькой. У меня никогда не было няни. Я не знала, что означает это слово. Когда моя мама уехала на целый год за границу, со мной осталась бабушка. Совсем непросто людям трех поколений жить в одном доме. Между моим отцом и бабушкой возникали трения — как и

сейчас между мной, Дарьей и моей мамой. Иногда Дарья не слушается меня потому, что слушается бабушку. Но я должна относиться к этому спокойно — пусть уж лучше Дарья остается с бабушкой, чем с чужой нянькой. Мне повезло, что моя мама умеет так хорошо обращаться с детьми, и я считаю, что подобная связь между поколениями очень важна. Ты знакомишься с историей своей семьи, узнаешь об обязательствах перед другими поколениями. Я знаю, что должна заботиться о своих родителях. Это очень приятная обязанность, и она совсем не вызывает в моей душе протеста. Как я могу переживать из-за того, что моя дочь так любит мою маму, когда я прекрасно помню, как сильно я сама любила бабушку? А кроме того, маму я тоже люблю.

Мама уехала с Дарьей в Москву в ноябре, нам с Сергеем удалось провести с ними всего два дня в гостинице в Нью-Йорке. Я не ожидала, что Дарья успеет так сильно вырасти за такое короткое время. Было очень здорово увидеться с ними, но я знала, что нам вновь предстоит разлука, и поэтому не могла чувствовать себя абсолютно счастливой. Ко всему прочему я еще беспокоилась о том, как Дарья будет общаться с Вельдом, нашим огромным немецким догом, который очень любил маму. Я боялась, что он станет ревновать. Однако вышло так, что Вельд вставал возле Дарьи и охранял ее.

Этой осенью я скучала по Дарье каждый миг нашего турне, но понимала, что такому маленькому ребенку нельзя жить в отелях, автобусах и самолетах.

Позднее, в том же месяце, мы отправились в Оттаву к Марине, чтобы она посмотрела наши программы перед чемпионатом мира среди профессионалов. Она освежила наш «Щелкунчик», все время дразнила нас, что мы должны начинать готовиться к Олимпийским играм 1994 года. Марина сказала, что многие профессионалы собираются выступить в Лиллехаммере, и решила посеять зерно сомнения в наших сердцах. Однако у меня все еще не ладились прыжки, и я не особенно серьезно отнеслась к ее словам.

Соревнования в Лэндовере начались 9 декабря, я очень нервничала и совсем потеряла уверенность в себе. Постоянно думала о Дарье и задавалась одним и тем же вопросом: «Следует ли мне продолжать кататься или лучше стать настоящей матерью?» Эта постоянная борьба отнимала у меня много сил.

Но вот пришло время выходить на лед, и Сергей так спокойно взял меня за руку, что — чудо из чудес! — я удачно выполнила двойной аксель, который до этих пор вызывал у меня постоянные затруднения. Мы сумели защитить свой титул чемпионов мира среди профессионалов всего через три месяца после рождения

ребенка, и я этим невероятно гордилась.

Когда на следующей неделе мы прилетели в Москву, я даже боялась взять Дарью на руки — думала, что она обязательно расплачется. Но с ней все было в порядке. Мы обсуждали с мамой, не следует ли нам взять малышку с собой в турне на будущий год, но тут мне приснился дурной сон. Я оставила Дарью в номере отеля — так мне снилось, — а когда вернулась, на меня начала кричать хозяйка: «Нельзя так надолго оставлять детей одних!» Мне было очень страшно. Я посчитала это знаком, что нам не следует брать Дарью с собой.

Мы жили как цыгане, постоянно переезжая с чемоданами из одной гостиницы в другую. Потом у «Звезд на льду» наступили рождественские каникулы, и мы с Сергеем полетели во Флориду, где поселились в многоквартирном доме в Сент-Питерсберге у родителей Брайана Орсера. Тренироваться там было негде, и мы просто наслаждались прекрасной погодой. Повсюду стояла зима, а здесь — лето.

Наши отношения с Сергеем остались очень романтичными. Я ходила в магазины, готовила обед, зажигала свечи — делала все то, что невозможно делать в отеле. Мы начали подумывать о том, чтобы купить где-нибудь дом. Если бы у нас было жилище в Штатах, мама могла бы оставаться там с Дарьей, а мы навещали бы их всякий раз, когда у нас появлялось бы несколько свободных дней. Где-нибудь ближе Москвы.

Линн Плейг дала нам имя агента по продаже недвижимости в Тампе, а так как у нас было много свободного времени, мы принялись осматривать дома. Он начал с того, что показал нам несколько дешевых и очень плохих. Потом дом неподалеку от Тампы с воротами и маленьким озером. Там имелось два детских сада и всего в двадцати минутах езды — каток. Однажды агент продемонстрировал нам образец дома с готовой детской комнатой, выкрашенной в розовый цвет, специально для девочки. Все там было такое красивое. И мы подумали, что было бы здорово, если бы Дарья жила в таком доме.

Три спальни, гостиная, кухня, задний дворик и огороженный бассейн, все сделано со вкусом и очень разумно организовано. Нам так понравился дом, что мы без конца повторяли: «Как было бы хорошо, если бы мама могла здесь поселиться вместе с Дарьей!» Мне ужасно хотелось, чтобы все мои близкие в него переехали. Тогда мы спросили у агента:

— А нельзя ли купить этот дом?

Он ответил, что это невозможно, но заявил, что компания в

состоянии построить для нас точно такой же в другом месте и даже перевезти туда мебель из этого дома. Агент так говорил, что нам ничего не оставалось, как согласиться. У нас просто не было выбора.

— Приезжайте завтра, — сказал он. — Мы приготовим для вас контракт.

На следующий день, а это был канун Рождества, мы подписали все необходимые бумаги.

Когда мы ехали обратно, нас не покидали сомнения: правильно ли мы поступили?

Но мы были молоды и не чувствовали, что приняли важное решение. И еще говорили о том, что следует купить вторую машину, ведь в доме есть гараж на два автомобиля.

Постройка дома завершилась в апреле, как и обещал агент, и мы с Сергеем немного пожили в нашем новом доме — два или три дня, не больше. Нужно было возвращаться в Оттаву и начинать готовить с Мариной олимпийскую программу. Мы так и не въехали в этот дом, а Дарья, для которой мы его покупали, видела его всего один раз. Как я уже говорила, мы с Сергеем никогда ничего не планировали. Просто жили день за днем.

«ЛУННАЯ СОНАТА»

На следующее Рождество нам очень не хватало Дарьи. С горечью и грустью мы послали ей в Москву одежду и игрушки, а сами встречали 1993 год в Далласе — третий год, проведенный вдали от дома.

— Давай приготовим друг другу сюрприз,— предложила я Сергею. — Не говори, что собираешься купить мне, а я буду держать в секрете подарки для тебя.

Он согласился попробовать, хотя я и знала, что он очень не любит один ходить по магазинам.

Мы отправились в огромный универмаг и выбрали там место, где договорились встретиться через три часа. Я купила для него кое-какие вещи, попросила, чтобы мне их упаковали, и вернулась в условленное место. Сергей уже меня ждал.

— Все в порядке, Сережа?

Сергей попросил меня пойти вместе с ним, потому что собирался показать то, что хотел бы купить, но не знал моих размеров и не был уверен в том, что мне понравится. Он так и не смог понять, как приятно получить неожиданный подарок, а сам факт того, что вещь выбрана им для меня, гарантирует успех. Мне ничего не оставалось, как последовать за ним. Он подыскал для меня красивый спортивный костюм, и мне пришлось его примерить, так что сюрприза не получилось.

Вернувшись в гостиницу, мы стали ждать наступления Нового года. Мы были вдвоем, и когда часы пробили полночь, выпили шампанского. Менеджер отеля подарил нам банку черных бобов, которые мы должны были открыть в Новый год на счастье. Так мы и поступили. Но нам было немного грустно, потому что рядом не оказалось никого из близких друзей и родственников. Пол Теофанус одолжил мне книгу Анны Ахматовой, красивые любовные стихи. Я начала читать о жизни в Москве и Санкт-Петербурге, вспомнила Дарью и маму, которые там оставались, и заплакала.

Жизнь на родине стала совершенно иной по сравнению с теми временами, когда мы были детьми. Когда Советский Союз распался, нас с Сергеем все эти изменения не особенно занимали, поскольку мы много времени проводили за границей. А вот моих родителей, сестры и матери Сергея, которые постоянно жили в России, перемены коснулись самым непосредственным образом,

Москву наводнили беженцы из южных, постоянно конфликтующих республик. Нет смысла жалеть о прежних временах, но жизнь стала более беспокойной и напряженной.

Москва превратилась в открытый город, мафия требовала денег с людей, открывающих бизнес. Вероятно, нечто похожее творилось в Америке во времена сухого закона, когда мафия имела огромную власть. Дайте русским время. Теперь в России даже появилось новое слово — «бизнесмен». Но правила... как насчет правил? Женщина заходила в магазин, покупала десять флаконов духов или пять пар туфель, а потом выходила на улицу и пыталась продать все это немного дороже. Из-за жестокой инфляции стремительно росли цены, делая жизнь для пенсионеров, вроде матери Сергея, практически невыносимой.

В прежние дни было спокойно и безопасно, однако прогресс стаял на месте, все жили примерно на одном уровне, и никакой свободы. Лично я никогда не страдала от недостатка свободы, но Сергея эта проблема затронула, потому что он был старше, больше читал и больше понимал Он многое знал о Сталине и описывал его мне так, словно это был не человек, а страшное, хитрое чудовище. Сергей ненавидел Сталина. И хотя мы редко говорили о подобных вещах, я знала, что Сергей не любил Горбачева. Он не испытывал к нему ненависти, но когда однажды его имя прозвучало по телевизору, Сергей сказал:

— Он плохой человек, разрушил страну, а себе устроил прекрасную жизнь. Слишком быстро пошел по пути перемен.

Меня удивили его слова, потому что при правлении Горбачева наши жизни — Сергея и моя улучшились, мы смогли поехать в Америку и стать профессионалами. Однако Сергей смотрел на Горбачева глазами своих родителей, которые были не в состоянии понять и принять новый мир со всеми его новыми идеями.

Мой дедушка тоже не принял Горбачева. Его поколение прожило жизнь, постоянно слыша призывы, что нужно стремиться вперед и вперед к светлым вершинам. А теперь, ни с того ни с сего Горбачев предложил резко повернуть в сторону. Он много говорил о переменах, а это ужасно злило пожилых людей, потому что они были слишком старыми, чтобы перемены могли принести им какую-нибудь пользу; все ушли вперед, а их просто оставили позади. Всю свою жизнь они работали ради идеи, теперь же их начали убеждать, что идея была неправильной. Даже если это и к лучшему для молодых, старики только проиграют от перемен. Поэтому Сергей беспокоился о своих родителях, которые были ближе к старому режиму, чем мои, ведь оба работали в милиции. Получилось так, что после долгой трудной жизни, полной забот и лишений, им сказали: «Ваша революция, прошедшие семьдесят лет — все это было никому не нужно».

Сергей был русским до мозга костей и только в России

чувствовал себя в своей тарелке. Сергей ехал в Америку, чтобы работать, а в Россию возвращался, чтобы обрести душевное спокойствие. Он считал, что фундаментальное различие между американцами и русскими состоит в том, что русская культура богаче и старше, а ее корни прочнее. Существуют постоянство, упорство, стоицизм, уважение к традициям, характерные только для России. По сравнению с нашей американская культура слишком молода. Американцы постоянно ищут новое, используют его, а потом отбрасывают в сторону, потому что возникает что-то другое, к чему и устремляются все их помыслы.

Мы еще окончательно не решили, будем ли участвовать в Олимпийских играх 1994 года, но на всякий случай каждый день работали над исполнением двойного акселя, стараясь максимально использовать время тренировок. Если мы поедем на соревнования, нужно до 10,февраля, отправить письмо, в Международную лигу фигурного катания, в котором будет содержаться просьба о восстановлении нашего любительского статуса. В результате мы так и поступили.

После двухмесячного турне по востоку Соединенных Штатов и Канаде в начале мая мы приехали в Оттаву, чтобы поговорить с Мариной о Лиллехаммере, Мы решили взять для короткой программы наш испанский танец фламенко, а для произвольной программы она предложила нам «Лунную сонату» Бетховена. Марина сказала, что берегла для нас эту музыку с того самого момента, как уехала из России, Сергею очень понравилась эта идея. Никогда ранее он так не реагировал на музыкальное сопровождение.

Вкусы Марины и Сергея часто совпадали. Я всегда чуть-чуть ревновала. Может быть, даже и побольше, чем чуть-чуть. Когда Марина работала с нами, мне казалось, что она становится красивые и энергичнее. Она показывала нам движения, которые мы должны были сделать на льду, и Сергей мог воспроизвести их сразу. Он понимал, как надо двигать руками, держать голову. Сергей и Марина одинаково воспринимали музыку. Мне нужно было учиться. И я училась у них.

Думаю, Марина любила Сергея, и мне было трудно. Мне нравилось проводить время с, Мариной на льду. И не очень — за пределами льда. Я высоко ценила возможность работы с ней, но всегда чувствовала себя неловко, когда она находилась, рядом. Хотя для меня это было очень интересно и полезно, ведь Марина имела прекрасное музыкальное образование, знала балет и историю искусств. Она была полна самых разных замечательных идей, и я чувствовала, что во многом ей уступаю. В то же время я понимала, что Марина для нас настоящий Божий дар — только

она могла создать такую программу, которую ждали от нас зрители.

В середине мая мы вернулись в. Москву и снова стали жить с Дарьей. За этот месяц, среди прочего, нас тщательно обследовал доктор Виктор Аниканов, который работал с командой конькобежцев; именно он лечил Сергея от желудочного гриппа на Олимпиаде в Калгари. Обследование было проведено очень скрупулезно. Мы сели на велосипед, доктор прикрепил датчики к груди и дал нам приличную нагрузку. В результате Аниканов сказал, что беспокоиться не о чем. Осенью он провел повторное обследование.

Я часто думаю об этом, поскольку через два года, Сергей умер от сердечной недостаточности; две артерии, несущие кровь к сердцу, были полностью заблокированы, Я разговаривала с доктором Аникановым и он рассказал мне, что. после похорон Сергея еще раз просмотрел все снимки, чтобы проверить, не упустил ли он тогда что-нибудь. Так вот, по тем тестам не было никаких, оснований предполагать, что у Сергея что-то не в порядке с сердцем, если не считать того, что оно было слегка увеличено — а это характерно для многих спортсменов. Теперь я знаю, что Сергею, по всей видимости, это передалось с генами.

15 июня мы вернулись в Оттаву, чтобы продолжить работу с Мариной. На этот раз взяли с собой Дарью и маму. Кроме того, мы начали заниматься в балетных классах и общефизической подготовкой под руководством мужа Марины Алексея Четверухина, брат которого, Сергей, получил серебряную медаль в одиночном катании на Олимпиаде 1972 года. Утром мы два часа занимались на льду, потом работали со штангой и бегали. В первый день — спринтерские дистанции: 30 метров, 60 метров, 400 метров; на следующий — три круга на пределе возможностей, потом отдых и еще три быстрых круга. Это был настоящий кошмар. Вечером — еще одна часовая ледовая тренировка. Иногда у нас выпадало время поиграть в теннис.

Нам обоим было очень трудно одновременно кататься и заниматься физической подготовкой под руководством Алексея. Когда мы жили в Советском Союзе, у нас не было подобной практики. Или одно, или другое. Однако мы чувствовали, что это нам необходимо, потому что до Лиллехаммера оставалось менее восьми месяцев, а я пропустила почти полгода тренировок из-за рождения Дарьи. Все мышцы болели, но было так здорово возвращаться домой после выматывающей тренировки и видеть, как на наших глазах растет дочка.

Однажды Дарья сама появилась на втором этаже.

— Как ты сюда добралась, малышка? — воскликнула я. Она

научилась ползать

Марина отметила, что после рождения Дарьи мы стали красивее как пара, профессиональнее, что научились лучше понимать партнера, прекрасно дополняем друг друга, чище делаем движения.

Регулярные выступления в шоу научили нас лучше общаться с аудиторией, катать программу как единое целое, а не просто нанизывать один элемент на другой.

— Вы превосходно следуете всем моим указаниям, — однажды сказала нам Марина. — Точно все, что вы делали до сих пор, было лишь подготовкой к этой программе.

Марина выбрала для нас в «Лунной сонате» главную тему — мужчина, прославляющий женщину, мать всего человечества. Она сказала, что Сергей должен встать передо мной на колени, потому что лишь женщина способна производить на свет новую жизнь, лишь женщина может подарить ему детей. Она хотела показать зрителям, как мы изменились со времени Олимпиады в Калгари, какое влияние оказало на нас рождение ребенка.

Начало программы было очень мягким, мы широко разводили руки, чтобы аудитория и судьи видели, что мы открываем себя для них, показываем не программу, а историю нашей жизни. Если вы вслушаетесь в «Лунную сонату», то поймете, что эта музыка посвящена совместной жизни мужчины и женщины. И ничему другому. Не временам года, это не марш и не танец, не явление природы и не животное. Это даже нечто большее, чем любовь. «Ромео и Джульетта» — музыка о любви. А «Лунная соната» — для людей постарше, которые познали реальную жизнь. Она показывает, как любовь меняет людей, делает их сильнее, заставляет уважать друг друга, как дает. возможность принести в мир новую жизнь.

В средней, медленной, части есть момент, когда Сергей скользит по льду на коленях, простирая ко мне руки. Потом берет меня на руки и встает. Это была довольно трудная поддержка, потому что ему нужно было подняться с колен легко и грациозно и не следовало держать меня так, словно я стою на пьедестале. Все происходило в движении, Сергей быстро разворачивался и продолжал катиться, У нас ушло много времени, чтобы отработать эту поддержку, но с остальными элементами мы справлялись легко и естественно. Если Марина предлагала нам что-нибудь сделать, у нас это получалось практически сразу. Она никогда не говорила: «Ты должна показать зрителям, как любишь его». Нет, она спрашивала: «Как бы ты его обняла, чтобы выразить свою благодарность?» Или: «Если бы ты захотела сесть к нему на колени, что бы ты сделала?» Мы просто старались быть самими

собой на льду. Марина хотела, чтобы все увидели, как мы повзрослели.

Все это время с нами тренировался тринадцатилетний сын Марины, Федор. Мы проводили вместе долгие часы на льду, и Федор, который обещал вырасти в сильного одиночника, начал жаловаться Сергею. Сергей, как я уже упоминала, имел свой кодекс правил, которым редко делился с другими людьми. Но на этот раз он дал Федору несколько советов:

1. Если хочешь добиться хорошего результата, никогда не экономь силы во время разминки,

2. Всегда нагружай себя до последнего предела.

3. Если начал что-нибудь, то всегда доводи до совершенства, иначе и браться не стоило.

4. Не жалуйся, потому что от этого тренировка не становится короче.

Сергей всю жизнь руководствовался этими правилами во время тренировок, и Федор, я уверена, никогда их не забудет.

ТРЕНИРОВКИ В НОВОЙ РОССИИ

В начале августа мы вернулись в Москву и первым делом навестили наших друзей Сергея Пономаренко и Марину Климову в их трехкомнатной квартире, которая была гораздо больше нашей. И все время повторяли, что им следует завести детей, чтобы заполнить свободное пространство.

— Нет, нам нужно работать, — отвечали они.— Скоро. Скоро.

Но как скоро, никто не знал.

Мы тренировались в армейском клубе и попросили нашего прежнего тренера Владимира Захарова, который в свое время сделал из нас пару, посмотреть нас и указать на возможные ошибки. После того как он отказался с нами работать — Сергей (ему тогда было всего шестнадцать) пропускал слишком много занятий на льду, — мы долгие годы тренировались рядом с его юными учениками и не могли не общаться. И уже давно помирились. Так что теперь он каждый день наблюдал за нашими тренировками и помогал советами. Он замечал мелкие детали — например, Сергею следовало сильнее сгибать колени во время исполнения тодеса, или в какой-то части программы нужно набирать более высокую скорость, или стараться держать руки в какой-то определенный момент параллельно. Иными словами, то, что мы не могли заметить сами. Он прекрасно знал свое дело.

Владислав Костин из Большого театра снова сшил нам костюмы. Для «Лунной сонаты» он выбрал темно-синий бархат с белой окантовкой по воротнику и на груди — простой и строгий, как сутана священника. Марина сомневалась, что эти костюмы соответствуют теме программы, и в ее словах был известный резон. Она предложила светло-серый с желтым костюм для меня, как если бы я представляла лунный свет, и нечто очень темное для Сергея, как олицетворение ночи. Однако Владислав категорически не согласился — он заявил, что для музыки Бетховена подходит только темно-синий цвет. И не шел на уступки. В конце концов Костин предложил опробовать костюм на соревнованиях, а потом принять окончательное решение.

Так мы и сделали. Нашими первыми соревнованиями в олимпийском сезоне были «Скейт Канада» в Оттаве. Мы решили на них поехать, потому что там жила Марина. К тому же «Скейт Канада» были первыми нашими международными состязаниями в 1985 году, и мы думали, что это может принести нам удачу. Федерация во главе с Писеевым не выказала особой радости по этому поводу, потому что там принимали участие Изабель Брассер и Ллойд Айслер из Канады, которых судьи могли вывести

на первое место.

Впрочем, Брассер и Айслер не приехали, мы откатались очень удачно и выиграли. Во время короткой программы у нас возникла только одна проблема — нитка от моего костюма зацепилась за пуговицу Сергея, начала разматываться, и в конце за мной волочился длинный черный шлейф. Мы были весьма удивлены, когда узнали, как много денег теперь платят любителям: нам вручили чек на три тысячи долларов.

Той осенью умер Дмитрий, близкий друг Сережиной сестры. У этой милой женщины судьба сложилась трагически. Дмитрию еще не исполнилось и сорока, и Наталья любила его два года. Он умер у нее на руках от сердечного приступа.

Мы с Сергеем пришли на похороны Дмитрия, и Сергей все время держал Наталью за руку. Она очень сильная женщина, не плакала и не кричала, но вся как-то посерела от горя. Родственники Дмитрия без конца осаждали ее, говорили, что он должен им деньги, и просили заплатить его долги. Это было просто ужасно. Я не знаю, как люди могут так себя вести перед лицом смерти.

Сергей был заботлив и нежен с сестрой, которую очень любил. Он называл ее не Наталья, а Натусик. Когда после похорон мы пришли к ней в дом, он сказал:

— Натусик, Дмитрий вокруг нас. Не в человеческом образе, но он сейчас здесь, на твоей кухне, в твоей спальне. Он видит тебя и слышит.

Слова Сергея очень помогли ей. Я никогда не слышала, чтобы он говорил что-нибудь похожее раньше, а когда Наталья напомнила мне его слова, после того как Сергей умер, мне тоже стало легче.

Мы отправились в Новогорск, чтобы подготовиться к национальному первенству. Для нас это были важные соревнования, потому что в случае неудачи мы не попали бы в сборную, представляющую Россию на Олимпиаде. Мы слышали, что пара из Санкт-Петербурга Артур Дмитриев и Наталья Мишкутенок, золотые медалисты Олимпиады 1992 года, выступали очень удачно — именно они и должны были стать нашими главными соперниками.

Теперь в Новогорске брали деньги со спортсменов, которые там тренировались. Кроме того, здесь готовились и атлеты из других стран — финские футболисты, волейбольная команда Украины.

Российское правительство перестало тратить свои

ограниченные ресурсы на подготовку спортсменов. Администрация спортивных сооружений была вынуждена самостоятельно находить возможности для выплаты зарплаты персоналу и себе — брать со спортсменов деньги за жилье и питание стало необходимостью. Вот одно из множества изменений, которые произошли после распада Советского Союза. Гостиница в Новогорске оставалась такой же чистой, но питание стало заметно хуже. Икру больше не подавали. К счастью для спортсменов, старший тренер ЦСКА, Елена Чайковская, нашла спонсора — российскую компанию «Анис», которая оплатила счета.

В этом году мне было гораздо труднее набрать боевую форму, чем раньше. Я даже не предполагала, каким сложным окажется подготовительный период. Сергей постоянно меня подгонял, а в прежние годы все было наоборот. Он заставлял меня ходить в гимнастический зал, мы тренировались на льду дважды в день, утром и вечером, он постоянно работал со мной, чтобы довести до совершенства мой двойной аксель — прыжок, который доставлял мне столько проблем.

Сергей никогда раньше не давал мне советов по части фигурного катания, поэтому я слушала его с большим волнением — он говорил разумные вещи. Бессмысленно советовать фигуристу прыгать выше. Нужно сказать: «Используй во время прыжка правую руку. Нужно расположить тело под таким-то углом».

Если я предлагала повторить какой-нибудь элемент, в прошлые годы Сергей отвечал: «Все в порядке, Катюха, отложим до завтра». Но в этом году он оставался на льду столько, сколько я хотела.

Конечно, нам трудно было проводить так много времени вдали от Дарьи. Она никогда не ездила с нами в Новогорск, а в нашей маленькой московской квартирке для нее не было даже кроватки. Когда она ночевала с нами, мы просто сдвигали два кресла, чтобы уложить ее спать, и этого вполне хватало. Обычно же Дарья оставалась с моей мамой, а мы старались навещать ее каждый день.

Так что тогда нам пришлось несладко — и физически, и морально. Однако я была готова на любые лишения ради Олимпийских игр в Лиллехаммере. Эти игры значили для меня гораздо больше, нежели мой первый олимпийский опыт. Кроме того, я хотела участвовать во второй Олимпиаде потому, что воспоминания об Олимпиаде в Калгари как-то выветрились у меня из головы. Казалось, я не видела ничего, кроме самого катания. Мне было шестнадцать, и все давалось без особых

усилий. В те времена Олимпийские игры были для меня еще одним соревнованием, не более того.

Теперь же все переменилось. Я намеревалась запомнить все лица, всех людей, все свои переживания и чувства — независимо от того, выиграем мы или проиграем. Я хотела вобрать в себя все, чтобы потом иметь возможность в любой момент вспомнить.

В декабре мы с Сергеем выиграли первенство России. Мы откатались неплохо, если не считать того, что я приземлилась на две ноги после исполнения двойного акселя в Лунной сонате». Однако всем наша новая программа понравилась. Мы впервые после 1987 года выиграли национальное первенство — откровенно говоря, это было значительно труднее, чем победить на чемпионате Европы или мира, учитывая, сколько молодых и жадных до успеха пар соревновалось с нами в России.

На сей раз мы встретили Новый год дома, в квартире моих родителей, к столу я купила свежие мидии. Впервые мы с Сергеем отмечали этот праздник вместе в 1988 году — и весь следующий сезон оказался для нас удачным. Я очень хорошо помню тот вечер шесть лет назад, когда смущенный Сергей пришел к нам домой и я подарила ему вышивку с клоуном. То был первый год, когда мы разбили тарелку в полночь, а я надежно упрятала осколок и загадала, что хочу успешно выступить в Калгари. Казалось, все эти события произошли целую жизнь назад. В этот раз мы с Сергеем забыли о том, что в полночь нужно разбить тарелку, а когда начало бить двенадцать, принялись спорить, стоит или нет будить Дарью. В конце концов решили ее не трогать. Мы и сами легли не поздно, потому что на следующий день летели в Гармиш-Партенкирхен на новогоднее представление.

Там мы впервые встретились с Оксаной Баюл. Ее тренировала Галина Змиевская, что нас сильно удивило, потому что Галина никогда не работала с девушками. Я помню, как Галина рассказывала мне об Оксане — тогда ей было всего четырнадцать, — и я подумала, что уж если она так хвалит девочку, о которой никто не слышал, то та наверняка очень талантлива. Спустя несколько месяцев Оксана выиграла первенство мира 1993 года. Оксана была совсем юной. Дочь Галины, Нина Петренко, которая вышла замуж за Виктора, постоянно сопровождала ее во время выступлений в Гармише, потому что Оксана не знала, где ее платье и заколки и когда ей нужно выходить на лед. Она еще не могла заботиться о себе сама.

Я переодевалась рядом с ней перед выходом на лед, и Оксана не показалась мне застенчивой и стеснительной. Немецкое телевидение подготовило о ней короткий фильм. В раздевалке как раз в это время показывали его по телевизору, однако Оксана,

похоже, совсем не испытывала к нему интереса. Мы все разминались перед выступлением, а Оксана смотрела по сторонам и что-то жевала. Нина Петренко сказала, что она никогда не разминается перед выходом на лед.

Странно, но я в некотором роде чувствовала гордость, когда находилась рядом с этой девочкой. Когда я выиграла свои первые Олимпийские игры, я была в таком же возрасте, как и Оксана в момент нашей первой встречи. И наблюдая за тем, как она готовится к выступлению, я вдруг почувствовала себя моложе. Оксана совершенно никого не стеснялась и свободно общалась с более опытными и зрелыми фигуристами. Мне понадобилась заколка для волос, она небрежно сказала: «У меня есть лишняя», — и бросила ее прямо мне в руки. Потом я смотрела ее выступление, «Лебединое озеро»; Оксана каталась просто здорово. Ее платье было сделано профессионально, как и прическа, и вела она себя на льду совсем не как маленькая девочка. Все в ее программе было на месте.

Первенство Европы 1994 года должно было проходить в Копенгагене, что тоже являлось удачным знаком для нас с Сергеем — ведь именно в этом городе мы первый раз выиграли чемпионат мира. Мы остановились в том же отеле, пользовались той же раздевалкой, гуляли по тем же улицам. Отправились за покупками в тот же магазин и вытащили стартовый номер во время жеребьевки в том же зале. Всякий раз, когда мне удавалось обнаружить то, что мы уже видели раньше, я говорила об этом Сергею, и тогда он сказал мне, что я слишком часто вспоминаю о прошлом.

— Это плохая привычка, — добавил он.

Было так здорово опять встретиться с профессионалами, вновь получившими статус любителей. Мы видели, как готовится к выступлению Катарина Витт, и она сказала нам:

— Теперь у вас другая жизнь, правда?

Она смеялась и казалась спокойной, но я ей не поверила. Я думаю, она хорошая актриса.

Ну а мы даже и не старались делать вид, что не волнуемся. Мы были самым серьезным образом настроены на борьбу, нас пришпоривал страх неудачи. За день до выступления в короткой программе на восемь утра была назначена тренировка. На каток пришли только мы с Сергеем. Вот тогда-то я и подумала, что мы совсем спятили. Но Сергей весь год готовился к соревнованиям, стараясь набрать форму; меня, честно говоря, даже немного поражала его целеустремленность. Это началось в марте и апреле прошлого года, во время турне со «Звездами на льду», когда у нас было всего полчаса ледовых тренировок в день, Он говорил: «Эту

тренировку мы посвятим отработке тройной подкрутки». В следующий раз мы занимались только синхронными вращениями. Что-нибудь новое каждый день.

В результате я чувствовала себя совершенно свободно и уверенно и в короткой,. и в произвольной программах. Мне кажется, что на чемпионате Европы мы откатали их удачнее всего, даже лучше, чем на Олимпиаде. Мы обыграли Дмитриева и Мишкутенок, как и на национальном первенстве, что придало нам дополнительную уверенность в своих силах.

Джейн Торвилл и Кристофер Дин, олимпийские чемпионы в танцах, тоже вернулись на любительский лед, и в Копенгагене собиралось много зрителей, чтобы посмотреть на, их тренировки. Они выступили просто великолепно и выиграли чемпионат Европы, но мне больше. понравилась российская пара Оксана Грищук и Евгений Платов, Торвилл и Дин были слишком безупречными и профессиональными в своем катании. Их программы не волновали. В соревнованиях одиночниц. Сурия Бонали из Франции обыграла Оксану. В Америке гремели новости о нападении на Нэнси Кэрриган, в котором была замешана Тоня Хардинг. В России об этом мало говорили, но Марина рассказала нам, что каждый. день все выпуски последних известий начинались с сообщений об этом деле. Само нападение я вообще не могла осознать — грязный, подлый акт; оно оставило темное пятно на идее спортивных состязаний. Я всегда считала, что спорт должен сближать людей, давать им радость и покой, а не только развлекать и доставлять удовольствие. Весь мир следит за Олимпийскими играми, дожидаясь их четыре года. Это одно из самых красивых событий на Земле, очень грустно, что оно может быть испорчено проявлениями человеческой злобы.

Повсюду шли разговоры о том, что возвращение профессионалов в соревнования любителей закрывает двери перед молодыми спортсменами. Целый год пресса продолжала задавать нам один и тот же вопрос. Я ненавижу подобные рассуждения. Спорт есть спорт. Мы ни перед кем не закрывали двери. Все мы идем по одной и той же дороге, соревнуемся по единым правилам.

То было очень волнительное и сложное время для фигурного катания — иногда по смешным, а иногда по значительным причинам.

ЛИЛЛИХАММЕР

Прежде чем отправиться в Лиллехаммер, мы с Сергеем решили поговорить с отцом Николаем. Я поступала так перед всеми соревнованиями, но Сергей впервые составил мне компанию. Мне даже не пришлось его уговаривать. Я только предложила:

— Я собираюсь встретиться с отцом Николаем. Пойдешь со мной?

Больше всего в отце Николае мне нравилось то, что для разговора с ним не нужно было заранее готовить какие-то особые слова или вопросы. Он всегда знал, что сказать.

— Хочу уверить вас, что буду просить Бога, дабы он укрепил ваш дух перед соревнованиями. Вы должны благодарить Господа за то, что он дал вам еще один шанс, что вы получили возможность заниматься вместе тем, что любите. Я не могу молиться за то, чтобы вы победили. В этом вам следует положиться друг на друга. Нельзя обращаться к Богу за помощью в таких делах. Лучше попросите у Него, чтобы Он дал вам испытать счастье в тот момент, когда вы выйдете на лед. И помните о Дарье. Ведь вы катаетесь для нее. А еще не забывайте о своих родителях.

Для нас это был очень важный разговор. Когда тренируешься так напряженно, как мы, то иногда забываешь о близких тебе людях; временами для тебя перестает существовать окружающий мир, потому что ты постоянно поглощен размышлениями о первом месте на пьедестале почета. Отец Николай заверил нас, что Бога не волнуют золотые медали, что сама мысль о победе над кем-то в спортивных соревнованиях не слишком согласуется с религией. Его напоминание о моей семье помогло мне точно так же, как и во время Олимпиады в Калгари.

Мы попрощались с родителями и Дарьей и вместе с остальными членами команды вылетели в Осло. Мне пришлось улыбаться, когда раздавали форму — темный пурпур с белым, настоящая безвкусица; этот, уродливый костюм подходил, мне ничуть не больше, чем шесть лет назад во время состязаний в Калгари. Сапожки для церемонии открытия оказались: мне выше колен. Только огромные женщины должны защищать честь. России на олимпиадах.

Мы доехали на автобусе до Хамара, местечка, расположенного поблизости от Лиллехаммера, где проводились соревнования фигуристов. Тут было очень много снега — все такое белое и непорочное. Городок, в котором нас разместили,

был скорее похож на деревню. Мне здесь сразу понравилось. Женщины возили за собой симпатичные маленькие саночки, на которые складывали свои покупки. Кое-кто выгуливал собак, привязав поводок к ручкам саней. На большинстве были надеты одинаковые красно-бело-синие свитера. Жители городка держались с нами невероятно дружелюбно.

Все это смахивало на непрекращающийся праздник зимы.

Спортивные пары всегда приезжают первыми, поэтому у нас с Сергеем была возможность выбрать, приличный номер. Мы остановились в деревянном домике с гостиной, четырьмя спальнями, двумя ванными, где оказалась даже стиральная машина с сушилкой. Наше жилище больше напоминало коттедж на каком-нибудь зимнем курорте, чем дом в олимпийской деревне. В двух комнатах стояли двуспальные кровати, и мы с Сергеем выбрали одну из них. Танцоры на льду Майя Усова и Александр Жулин, которые были тогда женаты — сейчас они развелись, — устроились в другой спальне на двоих. Две оставшиеся комнаты заняли наши главные Соперники — Артур Дмитриев и Наталья Мишкутенок. Несмотря на соперничество, мы поддерживали с ними дружеские отношения. Артур и Сергей вообще были хорошими друзьями. Артур прекрасно умел рассказывать забавные истории и анекдоты о том, как он служил в армии, — Сергей никогда ему не верил. Артур, крупный и сильный парень, в своих историях он обязательно поднимал что-нибудь очень тяжелое, Сергей качал головой и говорил: «Ну вот, опять. Наш Артур — супермен». Они постоянно по-мужски поддразнивали друг друга. Во время турне Артур всегда бывал первым зачинщиком всяческих вечеринок. Он очень любил всех развлекать. Нельзя не отметить, что Артур всегда был изобретательным и артистичным фигуристом, частенько под влиянием момента добавлял самые разнообразные детали в свои программы.

Наталья — более спокойная и сдержанная. Она мало разговаривала даже в раздевалке и во время вечеринок. Мы с ней никогда особенно не дружили, но и не испытывали по отношению друг к другу неприязни и, как мне кажется, уважали силу соперника. Я помню, что Наталья любила быструю езду, будь то автомобиль или горные лыжи. Она была превосходной слаломисткой. Кроме того, она постоянно работала в гимнастическом зале, потому что ей нелегко удавалось поддерживать постоянный вес.

Перед короткой программой я нервничала, как никогда в жизни. Даже не сравнить с моим состоянием в Калгари. На утренней тренировке я каталась с ошибками, а потом до самого

вечера переживала. И все это время смотрела на Сергея.

А он, как обычно, сохранял спокойствие. Я периодически улыбалась ему, и по моей улыбке он мог определить, как сильно я нервничаю, поэтому практически не выпускал моей руки. Весь день я благодарила Бога за то, что мне есть на кого опереться — чувствуешь себя гораздо увереннее, если можешь взять за руку своего партнера. Марина сказала, что мне не следует тревожиться, все будет в порядке. И я без конца повторяла себе, что нужно расслабиться и не воспринимать все так серьезно. К вечеру, по мере приближения старта, я стала успокаиваться.

Как и все возвратившиеся в любительский спорт профессионалы, мы вытянули ранний жребий. Дело в том, что жеребьевка проводилась в соответствии с результатами предыдущего чемпионата мира.

Я знала, что Дарья и мои родители наблюдают за нашим выступлением, и это было большой поддержкой для меня. Когда ты первый раз выходишь на сверкающий, залитый ослепляющими прожекторами лед, зрители кажутся такими далекими... Ты не видишь их глаз, и тогда в душе рождается страх. Очень необычное ощущение — тебе кажется, словно тысячи людей с нетерпением ждут, справишься ты с этим, новым испытанием или нет. Во всяком случае, я всегда переживала нечто похожее, особенно в Лиллехаммере, где зрители сидят высоко и далеко от ледовой арены. Помню, мне чудилось, будто они пришли для того, чтобы стать свидетелями интересных соревнований, увидеть что-нибудь необычное — какая из пар, например, не сможет выполнить один из обязательных элементов. Ведь это спорт, не так ли? Состязание, а никакое не показательное выступление, на которых зрители наслаждаются музыкой, красивым катанием и великолепными костюмами. Это Олимпийские игры, и у каждого болельщика есть свои любимцы. Права я была или нет, но мне казалось, что большинство пришедших болело не за нас, и это меня тревожило.

Вот почему мне так помогли слова отца Николая о том, что мы должны помнить о Дарье и о наших родителях, которые смотрят соревнования по телевизору. И я смогла взять себя в руки. Дурацкие мысли исчезли, я успокоилась и сумела сосредоточиться. И как всегда, последними перед выходом на лед вспомнились слова Марины: «Забудь обо всем. Катайся для Сергея».

Так я и поступила. Мы откатали фламенко, нашу короткую программу, без единой ошибки. Завершили выступление чуть раньше, чем смолкла музыка, — мы всегда катались во время состязаний быстрее из-за прилива адреналина. Сергей, которому

приходилось специально укорачивать свои шаги, чтобы они соответствовали моим, иногда жаловался, что не может за мной угнаться.

Потом мы посмотрели выступление Натальи и Артура — они тоже показали отличное катание. Артур был так возбужден, что, когда они заканчивали и он должен был опуститься на колено, то потерял равновесие и упал. Однако в самый последний момент сумел что-то придумать, чтобы падение не выглядело ошибкой, — на такое был способен только Артур.

Когда соревнования в короткой программе подошли к концу, мы остались на первом месте, а Артур и Наталья — на втором.

В тот вечер, когда мы вернулись в наш домик, никто не говорил о соревнованиях, лишь упомяну; ли порядок, в котором мы должны были выступать в. заключительной группе. Мы выходили третьими после заливки льда, а Наталья и Артур — вторыми. Я не люблю кататься третьей. Лучше всего быть вторыми, потому что в этом случае можно хорошо размяться, немного отдохнуть, а потом наступает твой черед. Если ты идешь третьим, то успеваешь остыть после разминки. Кроме того, я не могу простоять на коньках пятнадцать минут после того, как они зашнурованы. Сергей мог, а я нет. Поэтому мне приходилось развязывать их, а потом зашнуровывать снова.

На следующий день, когда мы выступали с произвольной программой, я с удовольствием поела, что меня удивило. А Сергей, наоборот, есть не хотел, что тоже было довольно необычно. Да и спал он неважно. Еще никогда я не видела его таким напряженным.

Перед состязаниями мы всегда отправлялись на короткую прогулку, так что примерно в пять часов решили сходить посмотреть на симпатичную маленькую церковь. Там готовились к какому-то концерту. Сейчас я уже и не помню, о чем, мы говорили. Наверное, ни о чем. Когда я нервничала перед выступлением, мне обязательно нужно было выйти на воздух. Если я оставалась в помещении, то вскоре начинала задыхаться. Я ходила по ледовому дворцу, пытаясь найти подходящее место, пока не оказалась на улице — и сразу почувствовала себя лучше, мои легкие наполнились кислородом.

Позднее мы провели нашу обычную разминку на полу. Я почти ничего не говорила Сергею, пока мы ждали своего выхода. Сергей находился в мужской раздевалке, а я в женской накладывала грим. Я сказала Сергею, чтобы он попросил Марину не суетиться вокруг меня — у нее была привычка постоянно спрашивать перед выступлением, не нужно ли мне помочь. Вероятно, Сергей ей что-то передал, потому что на этот раз она ко

мне не подходила.

Самое неприятное — разминка на льду. Ты еще не чувствуешь по-настоящему ног, нужно постоянно следить за другими фигуристами и за временем на часах. И даже когда ты видишь часы, то так нервничаешь, что не понимаешь, сколько еще остается до конца. Разминка продолжается шесть минут, часы показывают пять, и ты не можешь понять: пять минут прошло или пять минут осталось? Ты в состоянии думать только о том, какие элементы еще необходимо попробовать. Потом ты уходишь со льда и ждешь. Первыми после разминки выступали Изабель Брассер и Ллойд Айслер, затем — Наталья и Артур. Сергей не стал расшнуровывать свои ботинки, а мои уже были развязаны. Я смотрела на фотографию Дарьи и старалась думать о своих родителях, как советовал отец Николай. Подошла Марина и сказала, что Ллойд Айслер и Изабель Брассер отлично откатали свою программу. Немного позже она сообщила, что Наталья и Артур тоже оказались на высоте.

Не знаю, зачем она все это говорила. Когда мы выходили на лед, я видела, что Тамара Москвина, тренер Натальи и Артура, по-настоящему счастлива, и я попыталась прислушаться к их оценкам, перед тем как должны были объявить наш выход, сказав себе: «Катя, ты же хотела запомнить эти Олимпийские игры как следует».

Зрители все еще рассаживались по своим местам, после того как они стоя аплодировали Наталье и Артуру. Наконец на арене наступила тишина, и я почувствовала, что все ждут нашего выступления, ждут, что произойдет нечто необычное. Это было пугающее чувство. Поэтому я попыталась забыть о зрителях. Можно сойти с ума, если слишком много о них думать. Просто растаять у них на глазах. Даже если люди хотят тебе помочь, они не в состоянии этого сделать. Очень редко энергия толпы передается тебе.

Я всегда говорила, что Олимпиада — соревнование нервов, и никогда они не находятся в большем напряжении, чем в момент перед самым началом, когда все глаза, все прожектора устремлены на тебя. Перед выступлением я думала о Дарье и о своих родителях. Но теперь, когда мы стояли на льду, все мои мысли сосредоточились на Сергее. Мы должны кататься друг для друга. Я так долго этого хотела — и вот мы здесь. Вероятно, он очень волнуется... Но я посмотрела на него и подумала: «Нет, он сильный и спокойный, как всегда. С ним все в порядке».

И вдруг мои тревоги остались позади. Наконец, когда больше не нужно было ничего ждать, я попросила свое тело: «Пожалуйста, сделай все, на что ты способно».

Мы приняли исходную позу в центре арены, дожидаясь первых нот «Лунной сонаты», и я случайно бросила взгляд на пятачок «поцелуев и слез». Наталья и Артур появились там после того, как были зачитаны их оценки, и я видела, как они обнимают Тамару. И тогда у меня в голове промелькнуло: «Ты все замечаешь, Катя». Они закончили, пришел наш черед.

И тут заиграла музыка.

Замечательно, когда во время катания ты думаешь, а не просто автоматически исполняешь элементы, как робот. И для аудитории это хорошо. В Лиллехаммере я получила истинное удовольствие, когда мы выступали с «Лунной сонатой». Я помню все. Невозможно описать словами эти четыре минуты катания, но я осознавала каждое свое движение, понимала смысл того, что мы с Сергеем делали. Наступила удивительная ясность, так редко возникающая в обычной жизни, ясность, на которую любой спортсмен может положиться, — эти мгновения остаются в памяти до конца нашего существования. Я думаю, что ради них мы и соревнуемся друг с другом.

Неожиданно я засомневалась: сделал ли Сергей двойной сальхов; мне показалось, что у него получился только один оборот. Что-то было не так, и потом, когда мы обнялись, я у него об этом спросила. Он не любил говорить о неприятном, поэтому ничего не ответил. Тогда я задала вопрос иначе: «Двойной?»

Он покачал головой. Это была первая ошибка, которую он на моей памяти совершил. Сергей был очень огорчен, но это мог заметить лишь человек, знавший его очень близко.

Марина была с нами на пятачке «поцелуев и слез» и прежде, чем появились оценки, сообщила, что все хорошо. У нее ужасно покраснели глаза: так всегда бывало, когда она пыталась сдерживать свои чувства. После того как объявили оценки, никто сразу не сказал, что мы победили. Победа была близка — восемь из девяти судей поставили нас на первое место. Потом Грейси Уилсон, моя соседка по номеру в нашем первом североамериканском турне, взяла у нас интервью для Си-би-эс,. и когда она поздравила нас, мы наконец поняли, что победили.

Первое, о чем я подумала, когда мы стояли на пьедестале, слушая российский гимн и наблюдая, как поднимается наш флаг: «Все кончено. Ты этого хотела, и теперь все кончено».

Я гордилась, что сумела чисто откатать программу, удачно выполнив оба двойных акселя, с которыми сражалась последние три года. Однако я видела, что Сергей недоволен. Золотая медаль или нет, но он не привык делать ошибки. И все же, когда его многочисленные друзья из команды по скоростному бегу на коньках радостно закричали во время вручения медалей, он

улыбнулся. Мне показалось, что зрители больше хлопали Артуру и Наталье, и меня это немного огорчило.

Тем не менее между нами не возникло недобрых чувств, и мы в течение трех дней вместе праздновали нашу общую победу. Артур знал, что они с Натальей показали лучший вариант своего катания, а Сергей был человеком, который может одержать над тобой верх, а ты все равно с удовольствием идешь пить с ним пиво. Они с Артуром постоянно болтали друг с другом, а так как были друзьями, то могли говорить о фигурном катании, обсуждать себя и противников.

У нас с Натальей таких отношений не возникло, Но в Лиллехаммере мы катались с ней на лыжах. Я встала на горные лыжи всего третий раз в жизни и начинала с самых низеньких горок, как маленькие дети. Затем вместе с Натальей и Сергеем я поднялась на горку побольше, и Наталья, которой нравились высокие скорости, оставила меня далеко позади, потому что я слишком часто падала. А Сергей всякий раз ждал меня.

— Сереra! — кричала я. — Ты внизу? Я еду!

Это было очень весело.

На следующий день после нашей победы нас пригласили на прием в Русский дом в Лиллехаммере, где праздновались все крупные успехи российских спортсменов. Мы приехали на машине вместе с Евгенией Шишковой и Вадимом Наумовым, российской парой, которая заняла четвертое место, а через месяц они стали чемпионами мира в парном катании.

— Ну и зачем вы вернулись? — спросил Наумов у Сергея. — Чтобы выиграть еще одну золотую медаль? Ваше катание не стало лучше. А мы бы могли получить бронзу, если бы вы остались в профессионалах.

Сергей ничего ему не ответил. Что можно сказать человеку, который мыслит подобным образом? В России есть поговорка: «После драки кулаками не машут».

Первоначально мы собирались ехать в Японию, в Чибу, на чемпионат мира, но после Олимпийских игр так устали, что решили не участвовать в этом турнире. Вторая золотая олимпийская медаль принесла мне гораздо большее удовлетворение, чем все остальные медали, выигранные нами, хотя мы и совершили одну ошибку. Я знала, как напряженно мы работали и как хорошо весь год катались, скольким нам пришлось пожертвовать, так часто находясь вдали от Дарьи. И я рада, что эти жертвы оказались не напрасными. Первую золотую медаль мы выиграли для Советского Союза. А эту — друг для друга.

СИМСБЕРИ И НОВЫЙ ДОМ

Вскоре после Олимпийских игр журнал «Пипл» сделал мои фотографии для очередного выпуска, озаглавленного: «Пятьдесят самых красивых людей мира». Мне не нравилось позировать одной, без Сергея. Я всегда считала, что мы пара. На снимках во всех журналах мы должны быть вместе. Но тут я отложила в сторону свои сомнения и целых пять часов позировала для фотографа. Я спросила Сергея, не хочет ли он поехать со мной и посмотреть, но он сказал, чтобы я отправлялась туда одна. Фотограф снял номер в московском «Метрополе». В номере даже имелась сауна. Мы меняли платья, выбирали костюмы, надевали драгоценности, снимали, я позировала на коньках и без коньков. Сама делала себе макияж. Было очень весело.

Я не понимала, насколько это для меня окажется важно, до тех пор, пока журнал не вышел из печати. Мы участвовали в турне Тома Коллинза по Соединенным Штатам, и я страшно гордилась собой, пока Марина Климова не принесла мне журнал.

— Неудачные фотографии, — сказала она.

— Может быть, в следующий раз у них получится лучше, — ответила я.

Показала журнал Сергею и спросила, нравятся ли ему мои фотографии.

— О, очень симпатично. Но меня на них нет.

И вдруг я ужасно расстроилась из-за этих дурацких снимков. Линн Плейг подарила мне увеличенную фотографию из журнала в рамке, но я уже не могла на нее смотреть без содрогания. И отослала в Москву. Она до сих пор висит в квартире моих родителей, так что в результате ее оценили только мои мама и папа.

Той весной в турне Тома Коллинза участвовали тринадцать русских фигуристов, больше, чем когда бы то ни было. Мы получили от турне колоссальное удовольствие. Мы выступали в шестидесяти пяти городах, и весь последний месяц с нами ездили мама и Дарья. По какой-то причине Дарья боялась мужчин, и всякий раз, увидев Тома, начинала плакать. Но в остальном она оказалась великолепной маленькой путешественницей.

Том хотел заключить с нами контракт на три года, но заявил, что в этом случае будет платить меньше за каждое выступление. Я поговорила с Джеем Огденом, и он предложил более выгодное четырехлетнее соглашение на работу в «Звездах на льду». Сумма оказалась не так велика, как — по слухам — у других олимпийских чемпионов и даже у некоторых серебряных

призеров, если те были американцами. Русским фигуристам не платят столько, сколько американцам, — так нам говорили. Однако я не могла спросить Оксану, Виктора или Скотта — самых ближайших друзей, — какую сумму они получают. Просто не могла, и все. Мы постоянно предполагали, что агенты нас обманывают. Они знали гораздо больше, чем мы, к тому же все переговоры велись на чужом для нас языке. И дело тут не в английском, на котором составляются документы; речь идет о языке юристов. У меня сразу начинала болеть голова, когда я читала тексты договоров. Но что оставалось делать? В результате мы подписали контракт с Джеем и остались вполне этим довольны. Наше прошлое совсем не научило нас вести деловые переговоры.

Во время турне нас навестил Боб Янг и предложил тренироваться на новой ледовой арене, которую он собирался построить в Симсбери, штат Коннектикут. Мы несколько раз видели Боба с американской командой, он работал со спортивными парами. Оказалось, что Виктор, Оксана и Галина Змиевская переезжают в Симсбери, чтобы тренироваться в Международном центре фигурного катания.

С тех пор как родилась Дарья, мы знали, что, если мы хотим зарабатывать деньги профессиональным фигурным катанием, нам придется перебраться в Соединенные Штаты. В России нам негде было работать. Конечно, мы могли стать тренерами, но за какую зарплату? Пятикомнатная квартира в Москве — а мы уже начали ее подыскивать, — стоила столько же, сколько наш дом во Флориде, и никак не меньше, чем сто тысяч долларов.

Мы предложили Бобу Янгу переговорить по этому поводу с Джеем Огденом, и Джей согласился — за право проводить два шоу в год в новом дворце. А мы получали возможность бесплатно жить в квартире в Симсбери и бесплатно получать лед для тренировок. Для нас это было разумное решение многих проблем, к тому же рядом будут наши русские друзья. Куда лучше, чем переезжать в Тампу, в собственный дом.

В середине августа мы полетели в Симсбери, чтобы осмотреть ледовую арену, где нам предстояло тренироваться, и дом, где мы должны были поселиться. Мы сказали родителям, что хотим переехать, но еще окончательно не выбрали, куда именно. Мы не думали, что останемся там навсегда.

Мы прилетели в Нью-Йорк и за два часа добрались до Симсбери. Квартира, которую приготовил для нас Боб, нам сразу понравилась. И еще нас устраивала близость Нью-Йорка и то, что Симсбери — совсем маленький городок. Дебби Нэст, работавшая вместе с Джеем в МГМ, раздобыла для нас кровать, кофеварку,

полотенца и простыни. Боб подарил телевизор и телефонный аппарат. В течение первых шести месяцев в нашей квартире другой мебели не было.

Потом Боб отвез нас к тому месту, где было запланировано построить каток. Фундамент еще даже не заложили, лишь привезли песок и доски. Он показал нам чертежи, но мы только смеялись, поняв, что нам не придется долго прожить в нашей замечательной квартирке.

Это просто прекрасный сон. Если принять во внимание, как строят в Москве, то пройдет лет пять, прежде чем в Симсбери появится тренировочный центр.

Однако к октябрю строительство было завершено. Приехали мама с Дарьей, и первый раз в жизни мы с Сергеем почувствовали, что у нас есть свой дом. У Дарьи была отдельная спальня, в которой Сергей — это явилось сюрпризом для всех нас — сам наклеил новые обои. Выбрал место для ее кроватки, а на стенах повесил картины и зеркало и сделал все это весьма профессионально. Впервые Сергей приложил к чему-то собственные руки, и ему это страшно понравилось. У него все здорово получалось. Сергей всегда считал, что уж если берешься за какое-нибудь дело, нужно достичь в нем совершенства, иначе не стоит и начинать. Его отец был отличным плотником: собственными руками построил дачу под Москвой, каждые выходные ездил туда один и работал. Тогда я еще подумала, что наступит день, когда Сергей построит для меня дом. Летом Марина поставила для нас программу, которую мы стали называть Номер Родена». Это была моя любимая показательная программа.

Марина выбрала музыку Рахманинова — это был ее любимый композитор, — а вся программа была построена на произведениях Огюста Родена. Я не знаю, откуда у Марины появилась эта идея, но она дала нам книгу с фотографиями его скульптур; мы приносили ее с собой на каток и пытались некоторые из них скопировать.

Это оказалось невероятно трудно, потому что в большинстве случаев его модели принимали весьма фантастические позы. Они не просто стояли. Некоторые казались невесомыми, устремленными в небо, а нам предстояло оживить их в танце — задача новая, сложная, но невероятно интересная. Мы даже пытались имитировать две переплетенные руки. Причем я должна была оказаться за спиной Сергея, чего мы на льду никогда раньше не делали, он всегда держал меня перед собой. В конце программы Сергей лежал на льду, поджав колени, а я укладывалась на них спиной. Потом закидывала назад голову и

смотрела ему в глаза.

Все работы Родена изображают чистую любовь. Идея программы заключалась в том, чтобы показать, как прекрасна любовь, как красиво мужское и женское тело. Сначала мы предполагали выступать в тонированных комбинезонах, чтобы выглядеть как обнаженные статуи, потому что многие из скульптур Родена эротичны. Но в конце концов остановились на простой запахивающейся юбке бежевого цвета для меня, а для Сергея — брюки и футболка цвета ржавчины. Эти костюмы не скрывали естественной красоты тела и не портили образов, которые мы создавали на льду. По существу, мы были ожившими скульптурами.

Марина хотела, чтобы этот номер получил имя «Поцелуй», потому что так называлась ее любимая скульптура; в самом начале мы принимали именно такую позу. Мы не целовались, но наши губы почти касались. Самое удивительное, что всякий раз программа выглядела по-разному. Марина лишь говорила: «В этой части ты должна согреть его». А Сергею: «Ощути ее прикосновение. Покажи нам, что ты его почувствовал».

Я никогда не уставала, когда мы катали эту программу. И хотя нам было совсем не просто проявлять свою чувственность, мы продолжали целый год получать от ее исполнения новый импульс и постоянно улучшали программу. Мы начали работать над ней в августе 1994 года, но лучше всего исполнили в апреле 1995-го. Каждый вечер, выходя на лед, я слышала музыку как в первый раз. Настоящее волшебство.

Мой дедушка, дека, умер в сентябре 1994 года. Я всякий раз вспоминаю об этом добром человеке, когда вижу в лесу грибы; надеюсь, мне удастся научить Дарью тем вещам, которые я узнала от него. Вскоре после этого, в мамин день рождения, умер Вельд, наш немецкий дог. Началась весна неудач.

Мы с Сергеем так много путешествовали осенью, что и одной недели не провели дома. Показательные выступления сменялись соревнованиями. Но было так здорово приходить домой, снова уезжать, а возвращаясь, видеть своего ребенка! Разве можно желать большего?

Осенью мы провели месяц в Лейк-Плэсиде, готовясь к предстоящему турне со «Звездами на льду», однако на этот раз Дебби Нэст помогла нам снять квартиру. Поэтому Дарья и мама жили вместе с нами.

Весь состав труппы, о которой мы думали как о своей большой семье, собрался на обед, посвященный Дню

благодарения. Для нас этот обед был настоящей экзотикой. В России не едят индейку со сладким картофелем, не готовят клюквенный соус.

В декабре мы с Сергеем в третий раз выиграли первенство мира среди профессионалов. В короткой программе мы катались под музыку Гершвина, а в произвольной исполняли Родена.

Моя мама улетела домой, чтобы встретить Новый год с отцом и сестрой, а Дашенька осталась с нами в Симсбери. Турне начиналось 27 декабря в «Бостон Гарден», и нам ничего не оставалось, как взять ее с собой на репетицию за день до первого представления.

Дебби обещала присмотреть за девочкой, но наша дорогая Даша, которой исполнилось два года, страшно боялась Дебби. Это было ужасно. Всякий раз, когда мы выходили на лед, она принималась кричать, и Дебби очень расстраивалась.

— Я приехала, чтобы помочь вам, но у меня ничего не получается, — горевала она.

В результате мы посадили Дашу в кресло возле льда и сказали:

— Смотри, как мама и папа будут кататься. Сиди и наблюдай за нами, ладно?

Но как только включалась музыка, Даша начинала так громко вопить, словно кто-то ее обижал.

Сандра Безик, директор шоу, попыталась ее успокоить, к ней на помощь поспешил хореограф Майкл Сейберт. Ничего не помогало. Кончилось тем, что Сергей взял Дарью на руки и всю тренировку откатался вместе с ней. Не выдержав таких тяжелых испытаний, мы позвонили маме в Москву.

— Мама? Как встретили Новый год? Когда ты вернешься? Не завтра? А почему? Мы уже купили для тебя билет.

Турне — сорок семь городов от Портленда, штат Орегон, до Портленда, штат Мэн, — заняло более трех месяцев и доставило нам море удовольствия. Багаж перевозили на автобусе, а мы выбирали, лететь самолетом или ехать с вещами. В самом автобусе было очень удобно. У водителя всегда имелся для нас домашний суп, холодильник был забит пивом, мы могли пользоваться кофеваркой и двумя телевизорами, а еще в автобусе было около дюжины спальных мест. Впервые в турне, кроме нас, участвовали четверо русских: Елена Бечке и Денис Петров и танцоры на льду Наталья Анненко и Генрих Сретенский. Обычно мы вшестером устраивались в одной из кабинок в конце автобуса, которую североамериканские фигуристы называли «русской комнатой». Курт Браунинг и Скотт Хамильтон частенько приходили и спрашивали:

— Извините, могу я посидеть в русской комнате?

Однажды Курт раздобыл рекламу русской чайной в Нью-Йорке и повесил ее на стенку.

Во многих ледовых дворцах мы уже выступали, и меня поражало, что Сергей всех помнил. Мы могли стоять у выхода на лед, и он говорил:

— Смотри, вон тот парень, водитель Замбони, работал здесь в прошлом году.

Он помнил имена многих служащих дворца и охранников, иногда даже отдельных постоянных зрителей. Что же до меня, то я их просто не замечала. Сергей никогда не был снобом, на самом деле мне кажется, что он с большим удовольствием провел бы вечер в компании с самыми обычными людьми, чем с фигуристами.

Он очень не любил приемов, которые устраивались после выступлений, когда разные высокопоставленные любители фигурного катания подходили к тебе и шептали так, чтобы не услышали другие: «Я считаю, что вы катались лучше всех». Сергей ненавидел лесть, считал, что хуже ничего быть не может.

Турне закончилось в апреле. Мы вернулись в Симсбери такими уставшими, что нам хотелось только одного — отдохнуть.

Была весна, распускались цветы. По утрам мы подолгу сидели на веранде и не спеша завтракали. Сергей очень любил кормить хлебом белок. Было так здорово никуда не торопиться, не укладывать чемоданы… Мы практически не смотрели телевизор, посвящая все время друг другу и Дарье.

А потом мы отправились в Лозанну, на показательные выступления. Был будний день, но на улицах гуляли люди, наслаждаясь солнечным теплом. Стояла великолепная погода, и мы с Сергеем, держась за руки, тоже отправились побродить по городу. Казалось, вдруг, посреди недели, наступило воскресенье. Мы говорили о том, как здорово, что для этих людей работа не самое главное и они не забыли о том, что им отпущена только одна жизнь. Стоит оказаться в Европе, как тебя охватывают невероятные ощущения — мир так прекрасен, люди пьют вино, греясь на солнышке, а ты смотришь на них и удивляешься: «Неужели здесь каждый день праздник?» Американцы предпочитают пойти в спортивный зал, вместо того чтобы не торопясь поужинать. Они любят жизнь и получают от нее максимум удовольствия.

ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО

В тот день, когда мне исполнилось двадцать четыре года, Сергей отвез меня в Нью-Йорк — ездить с ним в машине по-прежнему оставалось одним из моих самых любимых занятий — и купил мне сумочку в очень дорогом магазине. А потом, когда я подумала, что и в этом году меня не ждет никакого сюрприза, он на следующее утро принес мне в постель завтрак.

Я об этом давно мечтала. Однажды, когда Линн Плейг спросила меня во время турне со «Звездами на льду», как я представляю свои идеальный день, я ответила, что была бы счастлива, если бы Сергей принес мне завтрак в постель. Чистой воды фантазии, поскольку Сергей даже кофе варить не умел. Но Скотт Гамильтон узнал об этом от Линн и заставил Сергея обещать, что тот исполнит мою мечту. Потом Скотт рассказал мне, что Сергей дал ему слово, и я начала его поддразнивать.

— Серега, а когда ты принесешь мне завтрак в постель?

— Скоро, только сначала я должен посмотреть, как это делаешь ты.

Однако он все-таки попросил меня показать, как работает кофеварка. Кажется, к тому моменту он уже знал, как включается тостер.

И вот наутро после моего дня рождения, после того как он лег очень поздно, Сергей, пока я спала, осторожно вылез из постели. Ему пришлось приготовить кофе дважды, потому что в первый раз у него не получилось — уж не знаю, что он сделал не так. Он налил стакан апельсинового сока и поджарил тосты. Потом сообразил, что нужны свежие цветы. Пришлось съездить за ними в ближайший магазин; он ужасно боялся, что меня разбудит работающий двигатель, поэтому руками вытолкал машину из гаража.

Когда Сергей вошел в нашу спальню, держа перед собой поднос, я была ужасно удивлена. Даже заставила его сфотографировать меня с этим завтраком.

Сергея серьезно беспокоила спина. Он сделал какое-то неверное движение сразу после Олимпийских игр, на тренировке, когда мы выполняли тодес, а потом еще раз, во время выступления с номером по мотивам скульптур Родена. Как раз перед моим днем рождения он в очередной раз повредил спину в спортивном зале. Мы думали, что сместился какой-то диск и что он прижимает нерв, поскольку боль доходила до самых ног. Более того, пальцы на левой ноге теряли чувствительность.

Это так его беспокоило, что мешало тренировкам. Однако в

конце мая в Симсбери приехала Марина, намереваясь продолжить работу над новой программой. Она выбрала музыку из Второй симфонии Грига. Ее идея была такой: я устала в пути, но Сергей заставляет меня подняться и идти дальше. А когда меня окончательно покидают силы, я ложусь на лед, но Сергею удается вдохнуть в меня жизнь и помочь справиться со слабостью.

Марина всегда представляла музыку в виде цвета, какой-нибудь особой погоды или времени года. Музыку Грига она увидела как накатывающие на берег волны, сначала огромные, а потом постепенно стихающие. Высокие волны послужат для поддержек, а когда музыка будет звучать тише, я проеду вокруг Сергея и лягу на лед. Сергей положит руку мне на плечо и попросит встать.

Марина говорила Сергею:

— У тебя очень теплая рука, она должна дать ей жизнь.

Музыка начинала звучать как разбитое стекло, гораздо холоднее, чем музыка Рахманинова, которая сопровождала нас в программе по мотивам скульптур Родена.

Сергею пришлось проконсультироваться с разными врачами относительно болей в спине. В Москве один врач сказал, что у Сергея застужена спина потоком холодного воздуха из автомобильного кондиционера. Тогда мы перестали включать кондиционер. Однако спина болела все сильнее. Вскоре Сергею стало даже трудно надевать коньки, потому что ему не удавалось выпрямить пальцы ноги. Он не мог кататься. Делал шаг и переставал чувствовать ногу.

Мы отправились к доктору Абрамсу в Принстон — в свое время он сумел поставить Сергею правильный диагноз, когда у него было повреждено плечо. Анализы подтвердили, что один из позвоночных дисков не в порядке. Доктор Абрамс сказал, что это серьезная проблема, может даже потребоваться хирургическое вмешательство. Нам эта мысль, конечно, не понравилась.

Мы поговорили с Галиной Змиевской, которая знала одного мануальщика в Одессе; тот однажды вылечил от похожей травмы Виктора Петренко. Она договорилась с врачом о встрече, и мы немедленно вылетели в Москву. Я осталась с Дарьей и родителями на даче, а Сергей купил билет в Одессу. Билет-то ему продали, но во время посадки оказалось, что мест на всех не хватило. «Не могли бы вы постоять?» — предложили ему. Так он и простоял всю дорогу до Одессы в закутке для стюардессы. В это просто невозможно поверить.

На следующий день он пошел к мануальщику, и тот начал работать над его спиной. Процедура оказалась невероятно болезненной, на следующий день Сергей не мог ходить. Впрочем,

врач не советовал ему даже пытаться.

— Вам нужно целый день лежать. По сути дела, я сделал маленькую хирургическую операцию,— объяснил он.

Через два дня у Сергея был еще один сеанс, после него он вернулся в Москву, и мы вылетели обратно в Соединенные Штаты. Мы начали понемногу кататься. Тренировались через день. Но Сергей по-прежнему не чувствовал одну ногу во время катания. Мы снова поехали в Принстон к доктору Абрамсу, и он сказал, что теперь операция неизбежна. Но сначала доктор Абрамс хотел сделать еще несколько тестов, в том числе анализ спинномозговой жидкости при помощи специальной длинной иглы.

От одной только мысли об этом мне становилось нехорошо. Я пыталась поговорить с Сергеем, чтобы успокоить его перед неприятной процедурой, и вдруг сама чуть не упала в обморок. Сергей бросил на меня взгляд и спросил:

— Катя, что с тобой происходит?

Я почувствовала, что мне, пожалуй, стоит присесть. Я не смотрела, как это все происходило, а после процедуры Сергею было так плохо, что ему пришлось два часа пролежать, прежде чем он смог сесть в автомобиль. Сергей никогда не был груб со мной, но на этот раз, когда я спросила, как он себя чувствует, он не ответил на мой вопрос, просто молчал, и все, — боль в спине, необходимость общаться с докторами и перенесенная тяжелая процедура заставили его замкнуться в себе. Я даже боялась у него что-нибудь спросить. А он читал книгу и не смотрел в мою сторону.

Что бы мы ни делали тем летом, ничего не помогало. Нерв на левой ноге Сергея был так сильно защемлен, что практически не функционировал. Доктор Абрамс предложил физиотерапию. Сергей мог стоять только на одной ноге, он не мог приподняться на цыпочки или ходить на пятках. Поэтому каждый день Сергей шел в спортивный зал и делал серию упражнений.

С середины июля до середины августа мы жили в Симсбери вдвоем, без мамы и Дарьи, но у нас было такое отвратительное настроение, что мы даже не получали удовольствия от общения друг с другом. Мы больше не отправлялись в романтические путешествия, например в Новую Англию, где нам еще не приходилось бывать. Мы просто пытались поправить здоровье Сергея.

Долгими часами он, лежа на спине, выполнял упражнения для живота и ноги. Четыре раза в день — специальные упражнения для ноги. Он работал очень напряженно. Я всегда немного тревожилась из-за того, что Сергей слишком серьезно

подходит к своей спортивной форме, хотя мне казалось, что с возрастом мы можем немного снизить требования к себе. Что он не должен так сильно об этом беспокоиться. Не знаю. Не могу объяснить, но я тревожилась. Тем летом Сергей показал, что ради меня и Дарьи он готов делать все что угодно. Иногда даже слишком много.

Сергей говорил мне, что у него отвратительное настроение из-за того, что он не в состоянии кататься. Но он не позволял себе расслабляться. Он не мог делать поддержки, но ему необходимо было что-то поднимать — и он много работал со штангой. Сергей не имел возможности бегать, потому что плохо чувствовал ногу, — и мы через день ходили в бассейн, где он проплывал более километра. Сергей тренировался чуть ли не двадцать четыре часа в сутки.

И с каждым днем ему становилось лучше. Но процесс выздоровления шел так медленно!..

Мы решили все же готовиться к соревнованиям, которые должны были проходить в Нью-Джерси в августе. Сергей начал пробовать делать поддержки, у него получалось. Дарья и мама приехали в Симсбери, и каждый день Сергей гулял и играл с Дарьей в парке. Он был таким хорошим отцом! Он стал сильным; я имею в виду не физическую мощь — Сергей превратился в сильную личность. Я так им гордилась в то лето.

Однажды утром мы начали делать совместное вращение, и вдруг Сергей страшно закричал, споткнулся и, падая на лед, сбил с ног и меня.

— Ну вот, опять! — сказал он, не поднимаясь.

У него снова заболела спина.

Мы позвонили Джею и сообщили, что не сможем участвовать в соревнованиях, а сами принялись искать другого врача.

Владелец катка пригласил своего приятеля, доктора из Флориды, который сказал, что Сергею нужно делать усиленные упражнения для ноги, а кроме того, следует приподнять пятку левого конька. Однако, когда пятку приподняли, Сергей не смог засунуть ногу в ботинок, так что толку от этого не было никакого. Потом доктор из Симсбери сделал ему рентгеновский снимок спины и начал говорить о том, что у Сергея что-то не так с позвоночником, что одна нога у него короче другой. Я больше не могла это слушать. Даже не хотела переводить слова доктора. Наши дела становились все хуже и хуже.

В сентябре мы должны были поехать в Сан-Вэлли, чтобы участвовать в телевизионных съемках «Покахонтас». Мы и раньше работали со студией Диснея. За два последних года мы снимались в телеверсиях «Золушки» и «Алладина». Хорошие

деньги и не слишком трудная работа. Но Сергей по-прежнему не мог нормально стоять на левой ноге. На самом деле мы оба были в паршивом состоянии, потому что я с трудом надевала коньки из-за обострившихся проблем с мозолями. Наши с Сергеем левые ноги были совершенно бесполезными — в результате получалось, что у нас лишь две ноги на двоих. Ко всему, я потеряла в весе около двух килограммов. Я не могла ничего есть, потому что хотела быть как можно более легкой, чтобы Сергею было нетрудно меня поднимать,— я не знала, как еще могу ему помочь. Мы поговорили с представителями студии Диснея и объяснили, что сейчас не можем кататься. Однако они сказали, что все будет в порядке, нас и не собирались снимать на льду. Это же кино. Сергею не придется много кататься. Поэтому мы решили поехать — все, в том числе мама и Дарья, потому что приближался ее третий день рождения.

Расписание оказалось довольно плотным. Нам предстояло кататься на пятачке, напоминающем ледяной куб, который был установлен посреди замерзших деревьев.

У нас был один день, чтобы снять все сцены «Покахонтас» — катание на коньках, на лошади и в каноэ; и все это за шесть часов. Незадолго перед тем я подстриглась, и представители студии были страшно удивлены, увидев меня, потому что у Покахонтас должны быть длинные волосы. Им пришлось срочно искать накладные косы. Теперь я стала настоящей Покахонтас.

Съемки проходили весело, но пришлось как следует потрудиться. Это не было работой в обычном смысле, но мы подолгу ждали, иногда стояли с надетыми на ноги коньками, потому что делали по нескольку дублей. Солнце било прямо в глаза, и я обгорела. Вокруг нас кипела жизнь, все страшно торопились — необходимо было закончить съемку до захода солнца. Наконец выяснилось, что на обе сцены с лошадью и каноэ времени все-таки не хватит. И тогда нас спросили, какую из них я предпочитаю.

Я ответила, что не знаю.

— Я не слишком хорошо знакома с лошадьми, а с каноэ и вовсе никогда раньше не сталкивалась, — объяснила я. — Выбирайте сами. Остановились на сцене с лошадью.

— Знаешь, я боюсь лошадей, — сказала я Сергею. — Мне кажется, она меня укусит.

Много лет назад меня два раза укусила собака, и с тех пор я была уверена, что такое крупное существо, как лошадь, обязательно меня покусает. А мне предстояло иметь дело с очень большой лошадью. Я должна была выйти из своего вигвама и куда-то там повести эту громадную лошадь — к тому же еще

совсем молодую. Я ужасно боялась. Не умею обращаться с животными. Впрочем, с этой лошадью мне повезло, она спокойно ждала и слушалась меня, а Сергей, наверное, мной гордился.

В Сан-Вэлли нам посчастливилось встретиться с тренером, который научил Сергея по-настоящему разогревать мышцы перед выходом на лед. После этого мы перестали ходить по докторам и начали встречаться с тренерами. В Симсбери мы нашли другого тренера, который уложил Сергея на стол, взял за плечи и в течение сорока минут растягивал. Сергею сразу стало лучше. Ему даже показалось, что он стал выше. Впервые за долгое время он улыбнулся и поверил, что дело его не безнадежно. Этот тренер показал нам особое устройство для спины, при помощи которого можно выполнять специальные упражнения. Они тоже вроде бы помогли. Мы попросили МГМ купить для нас это приспособление, чтобы Сергей мог пользоваться им весь сезон. Кончилось тем, что изготовитель подарил нам его, и мы отослали его в Лейк-Плэсид.

Мы решили на время забыть о соревнованиях и сосредоточить все усилия на том, чтобы успешно провести турне по пятидесяти пяти городам. Как и в прошлом году, мы сняли домик в Лейк-Плэсиде, чтобы Дарья и мои родители могли нас навещать, однако Дарья уже ходила в приготовительную школу, так что в течение месяца, пока шли репетиции, они приезжали только на выходные.

Все знали, что у Сергея проблемы со спиной, и мы не будем исполнять сложных элементов. Мы довольно долго говорили с Сандрой Безик и Майклом Сейбертом, которые отвечали за хореографию групповых номеров. Договорились, что нам не следует сильно напрягаться. Телевизионное шоу «Золотые коньки III» тоже входило в наш контракт. Оно должно было сниматься в Олбани, и приглашали туда только золотых медалистов Олимпийских игр. Поскольку мы были единственными представителями парного катания, которые обещали прибыть в Олбани, организаторы очень о нас беспокоились.

Мы с Сергеем решили показать «Реквием» на музыку Верди, программу, которую поставила для нас в прошлом году Марина. С технической точки зрения она была самой простой.

Мы поехали в Олбани на лимузине вместе со Скоттом Гамильтоном и Кристи Ямагучи, другими победителями Олимпийских игр из шоу «Звезды на льду». Я попросила Сергея, чтобы он поберег себя во время выступления и особенно осторожно делал поддержки. Никаких эмоций, спокойное катание, и все будет хорошо. Мы исключили из программы двойной аксель, но все равно оба сильно нервничали, потому что нам приходилось следить за каждым движением. Мы откатались

чисто, а когда все кончилось, испытали огромное облегчение. Спина не подвела.

Однако Сергей был совершенно белым. Я не понимала, в чем дело, и он объяснил мне, что после первого же движения у него порвался шнурок и чем дольше мы катались, тем слабее держался на ноге ботинок. А он никак не мог принять решение — остановиться или нет. После того как мы успешно сделали последний прыжок, он посчитал, что сможет довести программу до конца, надеясь, что конек не соскочит с ноги.

На обратном пути в Лейк-Плэсид — а мы опять ехали на лимузине вместе с Кристи — Скоттоммы остановились перекусить в «Уэндиз»[1]. Мы все сделали точно так же, как год назад, после «Золотых коньков II». Бутерброды, салаты и картошка «фри», а потом проговорили весь остаток пути. Теперь эта остановка стала традиционной. Мы решили делать ее каждый год.

ПРОЩАНИЕ

Марина должна была приехать в Лейк-Плэсид в воскресенье 19 ноября, чтобы помочь нам завершить работу над программой на музыку Грига.

В пятницу мы с Сергеем немного покатались днем, а вечером пошли в кино посмотреть «Золотой глаз». Этот фильм про Джеймса Бонда Сергей очень любил. Вернувшись к машине, заметили, что разбито зеркало заднего вида. Мы решили, что развлекались какие-то мальчишки. Однако в голове у меня промелькнуло, что это плохая примета.

Приехали домой, выпили ирландского кофе и провели спокойный, романтический вечер у камина — ночь выдалась очень холодной. Мама и Дарья должны были приехать из Симсбери 21 ноября.

В субботу мы ничего не делали — наше любимое времяпрепровождение. Поздно встали, пошли погулять и накупили рождественских подарков для Дарьи — Сергею понравились юбка и футболка, а потом мы вместе подобрали украшения ручной работы для нашего дома. Мы получали удовольствие, не торопясь гуляя по городу и делая покупки.

В воскресенье, поскольку Марина должна была приехать только днем, мы снова поздно встали, долго завтракали, а потом несколько часов просидели дома и вышли на улицу только в три, когда пришло время ехать на тренировку. Мы должны были участвовать в общей репетиции вместе со всей труппой, чтобы еще раз повторить номер, который ставили Сандра Безик и Майкл Сейберт.

Меня всегда поражало то, как профессионально вела себя Сандра в подобных ситуациях, как была уверена в себе, как легко со всеми управлялась. Сандра очень красивая, сексуальная женщина, при этом она обладает сильным характером и отличается творческим подходом к делу. Мы все ее любим.

В пять часов появилась Марина. В тренировочном центре Лейк-Плэсида есть два катка, поэтому Сандра разрешила нам с Сергеем уйти с общей репетиции, чтобы поработать с Мариной на малом катке над программой на музыку Грига. Мы прокатали всю программу, и, как это часто бывало, если у меня что-то получалось не так, Марина предлагала мне посмотреть, как это делает Сергей, как он двигается под музыку. Она добавила прыжок флип в два оборота, а кроме того, еще нужно было найти заключительную позу, и нам это удалось: я лежу на коленях у Сергея, а он едва касается моего лица ладонями. Марина сказала,

что будет лучше, если я закрою глаза, словно сплю. Мы дружно решили, что программу можно показывать на публике.

С катка мы ушли только в половине десятого. У нас был заказан столик в хорошем ресторане, и уже только на месте выяснилось, что мы — единственные посетители. Получился прекрасный поздний обед. Марина была в отличном настроении, жарко пылал камин, и было очень, очень уютно.

Марина много рассуждала о новых программах, которые она придумала для нас. Ведь теперь появилось множество новых соревнований, где мы могли участвовать, — семь или даже восемь. Она говорила о своем сыне Федоре, которому исполнилось тринадцать, а мы рассказывали ей о Дарье. Обсудили костюмы. Вспомнили о «Скейт Канада» и «Скейт Америка», поговорили о проблемах фигурного катания. Разошлись по домам только после полуночи.

На следующее утро мы пришли на каток около десяти часов. Марина днем улетала, а нам еще нужно было участвовать в общей репетиции. Первый час мы работали вместе со всеми. Я помню, как Марина с Джефом Биллингсом придумывали костюм для Сергея.

— У него большие, эффектные руки, он умеет делать ими красивые движения, и костюм не должен их скрывать, — пояснила Марина.

Она тревожилась, что у нас не хватит времени, чтобы поработать с ней до отлета самолета, поскольку групповая тренировка затягивалась. Я тоже начала волноваться. Но Сергей, который всегда сохранял спокойствие, сказал:

— Не переживайте, все успеем.

Наконец Сандра нас отпустила. Сергей, я и Марина направились на маленький каток. Мы уже успели немного разогреться. Нам обоим нравились изменения, которые Марина внесла в программу накануне вечером, и мы решили откатать ее всю. А потом Марина поедет в аэропорт.

И вот зазвучала музыка. В самом начале и я, и Сергей стоим на одном колене, лицом к лицу. Я приложила голову к его плечу. Помню, что у его футболки был очень чистый запах, и я сказала:

— Как хорошо пахнет!

— Да, она чистая, — ответил он.

И больше ничего. Это были его последние слова. Потом мы начали кататься.

Делая общее вращение, мы постепенно поднимались. Музыка зазвучала тише, я объехала вокруг Сергея и легла на лед так, будто очень устала. Он пытается помочь мне встать. Потом следует большая поддержка. Он опускает меня на лед, и мы

параллельно выполняем двойной флип — новый элемент, добавленный Мариной. Мы набираем скорость, и Сергей делает выброс — аксель в два оборота, с которого я чисто приземляюсь. Теперь ему нужно торопиться, чтобы нагнать меня. Затем мы должны исполнить дорожку шагов перед очередной поддержкой.

Вступает весь оркестр, одна из тех больших волн музыки, которые так нравились Марине.

Сергей скользил по льду, но не делал дорожку шагов. Его руки не сошлись на моей талии, чтобы начать поддержку. Я подумала, что дело в его спине. Он слегка наклонился вперед, и я спросила:

— Опять спина?

Сергей слегка покачал головой. Он был не в состоянии контролировать свои движения. Попытался остановиться, но продолжал катиться к бортику. Хотел ухватиться за него. У него явно кружилась голова, но мне он ничего не сказал. Потом у него подогнулись колени, и он медленно опустился на лед.

Я продолжала спрашивать:

— Что-то не так, Серега? Что с тобой?

Марина остановила музыку, подошла к Сергею и сразу поняла, что у него что-то случилось с сердцем, Казалось, он не мог сделать вдох. Марина велела мне позвонить по телефону 911, а сама начала делать искусственное дыхание.

Я ужасно испугалась. Что-то кричала — не знаю что. Забыла все английские слова. Не могла вспомнить, как позвать на помощь, и, плача, побежала на другой каток, чтобы попросить кого-нибудь позвонить.

Когда я вернулась, все уже столпились вокруг Сергея, а врачи что-то делали, чтобы заставить его сердце работать. Меня к нему не подпускали, не хотели, чтобы я видела, что происходит. Потом его перенесли в машину Скорой помощи». Я едва успела снять коньки и захватить его сумку. Врачи заставили меня сесть впереди — я не должна была видеть, что они делают. Когда мы приехали в больницу, я посмотрела на часы: они показывали 11.35. Глядя на монитор, я видела, что сердце Сергея все еще бьется. Линия изгибалась, она не была прямой. Я очень беспокоилась, но у меня даже и в мыслях не было, что может произойти трагедия. В тот момент я еще верила, что с ним все будет хорошо. Ни на минуту я не позволяла себе подумать, что может произойти что-то страшное.

Доктора задавали нам вопросы о здоровье Сергея, спрашивали, были ли у него проблемы с сердцем. Мы ответили, что нет. И еще сказали, что если нужна операция, пусть они делают ее немедленно. Просили не тратить время на вопросы, не

терять ни мгновения. Мы с Мариной ходили вокруг больницы, ждали, и Марина все время что-то говорила.

Потом из здания вышла женщина-врач с очень серьезным лицом. Она сказала, что они применили электрошок, сделали укол адреналина прямо в сердце, но Сергея спасти не удалось.

Когда я мысленно перевела эти слова на русский язык, то никак не могла осознать их значение. Я не хотела понимать. Наконец у меня сжалось сердце, и первое, что пришло в голову: «Как я сообщу маме и Дарье? Маме Сергея?»

Когда я повернулась к Марине, она сказала:

— Пойди поговори с Сергеем, он еще может тебя услышать.

Врачи не хотели пускать меня одну — вероятно, боялись, что я сделаю какую-нибудь глупость. Им нужно было провести вскрытие. Однако Марина заверила их, что все будет в порядке, Меня предупредили, что во рту у Сергея должны оставаться две трубки и чтобы я их не пугалась.

Не могу описать чувства, охватившие меня, когда я вошла в комнату, где лежал Сергей. На ногах у него так и остались коньки. Он не выглядел мертвым. Казалось, просто спит. Даже один глаз был слегка приоткрыт, и мне все время чудилось, что он на меня смотрит. Возникало даже ощущение, что он дышит. Руки Сергея похолодели, но плечи и грудь еще оставались теплыми.

Мне было очень трудно заговорить с ним. Я не знала, что сказать. Не помню даже, какими были первые слова, что-то очень простое.

— У тебя такие холодные руки.

И еще я попросила прощения:

— Прости меня, Серега.

Но когда я наконец начала говорить, то постепенно перестала обращать внимание на трубки, торчащие у него изо рта. Я говорила, а в голове у меня вертелась только одна мысль: «Он больше никогда не встанет. Никогда не обнимет меня, никогда не возьмет за руку. Нужно очень много времени, чтобы в это поверить».

Я долго пробыла в комнате рядом с Сергеем. Пришла Марина, взяла его за руку и тоже заговорила. Я старалась не слушать. Потом я принялась снимать коньки и почувствовала, какие у него холодные ноги. Тогда я начала тереть их, чтобы согреть. А потом и руки. Я любила его руки, любила за то, что они были такие большие и нежные. Но мне не удалось вернуть им тепло. Теперь я уже не помню, как прошла остальная часть дня. Казалось, время остановилось. Марина не оставляла меня ни на секунду. Мы сообразили, что нужно сделать несколько звонков, и

я набрала мамин номер. Она с отцом должна была прилететь к нам вместе с Дебби Нэст и Виктором Петренко на самолете. Даша осталась в Симсбери вместе с женой Виктора, Ниной.

Когда мы вернулись домой, Марина начала задавать мне множество вопросов о Сергее. «Что он любил есть? Какие цветы ему больше нравились?» Я ответила, что больше всего ему нравились тюльпаны. Оказалось, что у Марины есть с собой книга о значении цветов. Тогда мы прочитали в этой книге, что тюльпаны — символ удачи. Потом вспомнили: Сергей родился под знаком Водолея— союзником мудрости, власти, крыльев, полета птиц и молодости. Девиз Водолея — «Не жертвуй любовью ради дружбы». Сергей следовал этому девизу. У него было много близких друзей, но любовь всегда оставалась на первом месте.

Потом ко мне зашли ребята, с которыми мы катались. Они спросили, могут ли прийти все фигуристы.

— Конечно, — ответила я. Они очень любили Сергея Мы плакали, смотрели на озеро и говорили, что в случившееся невозможно поверить, и снова плакали. Сергей был таким большим, сильным и надежным. А теперь его не стало.

Иногда, если я перестаю думать и мое сознание опустошается, мне кажется, что Сергей просто вышел из комнаты, чтобы повидать кого-то из друзей, и скоро вернется. Я так привыкла к тому, что он всегда рядом! Кажется, еще немного... откроется дверь, и он войдет. Или если вдруг понадобится, я могу позвонить ему.

Я не привыкла спать одна. В первый раз, когда я проснулась и ощутила холод своей постели, меня пронзил страх — я поняла, что это не сон. Пожалуйста, Господи, сделай так, будто это мне приснилось. И все вернется, затопив мою память, как воды реки покрывают лед, я вздрогну, а глаза наполнятся горячими слезами.

В последующие месяцы сон стал моим союзником. Мне все время хотелось спать. Спать и не просыпаться, спать и видеть сны.

Вопроса о том, где должно состояться погребение, не возникало, у Сергея была русская душа. Только в России он чувствовал себя уютно. Однако перед отлетом в Москву Дебби Нэст организовала панихиду в похоронном зале на озере Саранак, чтобы дать возможность остальным фигуристам попрощаться с товарищем. Служащий зала попросил меня принести какую-нибудь одежду для Сергея, но не сказал, что это должны быть пиджак, галстук, туфли, носки и все такое. Поэтому я привезла только черные брюки, которые он купил перед «Золотыми коньками», и черный кашемировый свитер. Сергей прекрасно выглядел в этой одежде. И сам как-то сказал мне, что она ему очень нравится.

На панихиде я прощалась с ним первой. Казалось, что Сергей заснул в маленькой комнате, заполненной цветами, а сейчас вот-вот улыбнется. Очень красивое, умиротворенное лицо.

Служащий похоронного зала отдал мне обручальное кольцо Сергея, и я повесила его на цепочку, которую носила на шее. Он сказал, что я могу положить что-нибудь в гроб — даже письмо, если мне захочется его написать. Я и в самом деле написала письмо. Но оставила его у себя — я поняла, что не сумею выразить на бумаге свои чувства. Поэтому вместо письма я засунула за пояс Сережиных брюк фотографию Дарьи. От Нью-Йорка до Москвы — долгий путь, и я подумала: пусть у него будет хоть что-нибудь, напоминающее о Дарье.

Потом прощались мои родители. За ними следовал Виктор. Скотта я подвела сама. Он всегда так старался рассмешить Сергея, и Сергей чувствовал себя с ним уютно. Скотт встал на колени перед открытым гробом, и я показала ему фотографию Дарьи, которую оставила Сергею.

— Может быть, нам было слишком хорошо вместе, — прошептала я Скотту. — Только в волшебных сказках счастливый конец. У нас все было слишком здорово, чтобы закончиться благополучно.

Он сжал мою ладонь.

Потом подошли остальные, все, кто хотел попрощаться с Сергеем. И каждый брал меня за руку, а Пол Уайли, который всегда был очень религиозным человеком, сказал, что Бог будет охранять душу Сергея и позаботится о нас с Дарьей.

Принесли книгу, в которой все расписались. Эта церемония каким-то невероятным образом меня успокоила; я была благодарна своим близким и друзьям, что в такой момент они оказались рядом со мной.

Сергей даже в смерти был очень красивым человеком. В моем сознании этот день навсегда останется последним днем, который я провела с моим Сережей.

Поздно вечером мы приехали в Симсбери, чтобы собрать вещи перед отлетом в Москву. Дарью, конечно же, мы брали с собой. Оставалось решить, что мы ей скажем. И как. И стоит ли вообще что-нибудь говорить. Моя мама считала: нужно сказать ей, будто папа уехал на тренировку. Дарья привыкла к нашим постоянным отлучкам. Но тут позвонила ее учительница, чтобы узнать, сколько Дарья будет отсутствовать.

Я спросила у нее, что мне следует сказать дочери. Она не знала, но обещала поговорить со школьным психологом и сразу перезвонить мне. Она сдержала свое обещание. Психолог советовал все объяснить Дарье прежде, чем она это услышит от

чужих. Не нужно бояться говорить: «Он умер и никогда не вернется». И еще он предупредил: я не должна ждать, что Дарья станет плакать и кричать, может быть, она даже не расстроится. Ребенок не понимает смысла слова «смерть» и всего, что за этим следует. Однако очень важно, чтобы эти слова девочка услышала от матери.

На следующее утро я так и поступила. Я не предупредила маму, что собираюсь сказать Дарье о постигшем нас горе. Просто посадила дочку рядом с собой, и мы начали разговаривать. Мне было очень, очень трудно произнести первые слова.

— Твой папа умер; он никогда не вернется.

И, как психолог и предсказывал, Дарья не заплакала и не загрустила. Только спросила:

— А мы сможем его видеть?

Тогда я ответила, что папа сможет увидеть ее, когда ему захочется, а сама Даша будет встречаться с ним во сне. И что теперь папа стал как маленький ангел. Но он никогда не появится перед ней в том виде, к которому мы привыкли, и это очень грустно, вот почему иногда я буду плакать.

Я внимательно смотрела дочке в глаза, когда произносила эти слова, чтобы быть уверенной в том, что она поняла. И мне кажется, Даша поняла, насколько это вообще было возможно. Потому что, когда мы вернулись в Москву, она стала носить на шее цепочку с крестиком. Иногда показывала крестик разным людям и грустно говорила:

— Знаете, Бог забрал моего папу.

В Москве в первый же день я пошла к матери Сергея, Анне Филипповне, сходившей с ума от горя. В ее квартире собралось множество родственников, мужчин и женщин, с которыми я никогда раньше не встречалась — кое-кто из них не видел Сергея со времен его детства. День похорон выдался холодным и суровым. Прощание проходило на катке ЦСКА. Все двенадцать тысяч мест были заполнены людьми, скорбящими о смерти Сергея, тысячи проходили мимо открытого гроба, установленного в центре катка.

Потом началась служба, которую вел отец Николай.

На панихиду пришли фигуристы из «Всех звезд», Татьяна Тарасова, Виктор Петренко, Пол Уайли, Скотт и Захаров. Леонович прилетел из Франции, Артур Дмитриев — из Петербурга; Джей и Дебби представляли МГМ; Боб Янг — Международный центр фигурного катания. И конечно, Марина. И еще множество других людей, всех я не помню.

Было так хорошо снова увидеть их рядом. То, что друзья Сергея приехали с ним попрощаться, очень много для меня

значило. Центральный спортивный клуб армии организовал погребение на Ваганьковском кладбище. Когда мы ехали туда, по всему маршруту нашего следования стояли люди.

Жук тоже пришел. Я не могла поверить своим глазам. После поминок он подошел ко мне. Он совсем не изменился. Начал говорить о той женщине, которая дала мне волшебный металлический диск, чтобы я приложила его к своему слабому месту.

Помните? Точку под левой лопаткой?

Затем сказал, что та женщина знала о трагедии, которая должна была произойти с Сергеем. И посоветовал:

— Тебе нужно пойти к ней и извиниться за то, что вы с Сергеем потеряли с ней связь. У тебя та же проблема, что и у Сергея, так что лучше с ней встретиться.

Я ушам своим не верила.

Однако не он один говорил вещи, которые ранили меня. Потом я сказала маме, что в те дни мы ничего не сознавали, лишились разума от скорби. Нам снились страшные сны, в голову приходили чудовищные мысли. Вскрытие показало, что у Сергея произошла закупорка артерий в области сердца, кроме того, за день до смерти он перенес микроинфаркт. Как я могла об этом знать? Разве могла предвидеть, что его проблемы со спиной — спазмы, онемение ноги — были симптомами куда более страшной болезни? Я написала в своем дневнике, что Бог справедливо покарал меня за то, что я не давала Сергею той любви, которой он заслуживал. Я очень жестко судила себя.

Иногда я сердилась на Бога. Или на жизнь. Но чаще всего на себя. Мне было легче считать, что я не заслужила более продолжительного счастья, что совершила какую-то ошибку, чем думать, будто Бог оказался таким жестоким и забрал Сергея без всякой моей вины.

В первые недели после смерти Сергея я часто встречалась с отцом Николаем. Он сказал, что мне не следует винить себя в смерти мужа, не следует думать, будто я провинилась перед Богом и Он решил отнять у меня любимого. Отец Николай утешал меня тем, что я снова встречу Сергея; сказал, что знает, как трудно в это поверить.

Но мне удалось. Я помню слова, сказанные Сергеем своей сестре Наталье, после того как умер ее друг Дмитрий. Я думаю, что душа Сергея не умерла. В нашей религии есть два важных дня после смерти: девятый и сороковой. С момента смерти до девятого дня усопший остается с нами и часто снится своим близким. Потом, на девятый день, он начинает путешествие к вратам, которые откроют перед ним Рай или Ад. Бог примет

решение, хочет ли Он взять душу этого человека. На сороковой день умерший нас покидает. Он свободен. Начинается его бесплотная жизнь.

Я ТЕРЯЮ СЕБЯ

В маленькой квартирке, где мы с Сергеем начинали нашу супружескую жизнь, я провела всего одну ночь. Там практически не было мебели, стояли только кровать и телевизор на полу. Но я всем сердцем любила эту квартиру. Я чувствовала, что дух Сергея находится где-то рядом. Так много воспоминаний. Мы здесь столько пережили вместе. Однако после той ночи я больше не могла туда приезжать. Не могла — и все тут. Я попрощалась с этим дорогим для меня местом. Теперь я знала, что должна находиться рядом с Дарьей.

Я жила вместе с родителями, только сегодняшним днем. Марина составила для меня целый список того, что я должна сделать — сходить на балет, в картинную галерею, в цирк, в филармонию. Мне еще никогда не приходилось прослушивать до конца целую симфонию. Впрочем, я не очень понимала, что происходит вокруг.

Я чувствовала, как постепенно теряю себя. Силы понемногу уходили. У меня исчезла цель в жизни. Мои родители заботились о Дарье, так что об этом беспокоиться не нужно было. Я постоянно копалась в своих чувствах, и это меня убивало. Я открывала утром глаза, лежала в постели и думала: «Зачем я проснулась? Для чего мне вылезать из постели? У меня нет никаких обязанностей. Тренироваться больше не нужно. Будущее меня не интересует. Сергея нет». Все мои размышления оканчивались на этом. Сережи нет, и некому вывести меня из бесконечного мрака.

Мама сказала, что если я хочу, то могу бросить фигурное катание, остаться жить с ней, и она будет меня поддерживать. Денег хватит еще лет на десять. Джей тоже успокоил меня относительно моего финансового положения. Позвонила Дебби и сказала, что уже начали поступать деньги в благотворительный фонд Сергея. Очень трогательно: я никак не ожидала, что наша с Дарьей судьба заинтересует стольких людей. Так что деньги меня не тревожили. Все дело было в моем разбитом сердце.

Мама сказала:

— Дарье нужна здоровая мать. Будешь ли ты жить в Москве или вернешься в Америку, постарайся снова стать нормальным человеком.

Именно тогда я начала понимать, что только работа может залечить душевные раны. У меня все еще остается фигурное катание. Я всегда прежде всего была фигуристкой, а потерять сразу и Сергея, и коньки — этого я не переживу. С тех самых пор,

как мне исполнилось четыре года, я почти каждый день надевала коньки и выходила на лед. Теперь мне нужна была новая цель.

Тогда я позвонила Виктору Петренко, который уже вернулся в Симсбери, и попросила прислать мои коньки.

— Никаких проблем, — ответил Виктор, который всегда с радостью помогал друзьям. Он очень тяжело переживал смерть Сергея, и я чувствовала, что он тоже не может оправиться от этой потери.

Коньки прибыли в середине декабря. По утрам я начала тренироваться на катке ЦСКА — во всяком случае, теперь у меня появился повод вылезать из постели. Как здорово выйти на лед, который мы с Сергеем так любили, и снова пережить те замечательные моменты, которые нам подарила судьба, когда мы катались вместе! Я и понятия не имела, что из всего этого может выйти, но мне стало легче рядом с тренерами и юными фигуристами, работающими над исполнением новых элементов. Жизнь продолжалась.

Это был первый шаг.

Мне часто звонила Марина. Ей приходилось почти так же трудно, как и мне. Она писала в Москву письма, исполненные такой скорби, что некоторые из них я не могла сразу дочитать до конца. Марина призналась мне, что Сергей был ее мечтой, и вот мечта умерла. Она чувствовала себя постаревшей, не могла работать, не знала, ради чего жить. В своем горе она думала, что эти слова будут мне понятны.

По телефону она разговаривала иначе. Однажды я сказала Марине, что ведется подготовка к благотворительному вечеру, посвященному памяти Сергея, в котором будут участвовать все его друзья-фигуристы, — праздник в его честь. Они хотят, чтобы я вышла на лед и что-нибудь сказала. Однако Марина решительно заявила, что если собираются устраивать показательные выступления, то я должна кататься, и она сделает для меня программу.

Мне было очень трудно представить себе, как я выйду на лед перед тысячами людей, а Сергей не будет держать меня за руку и я не загляну ему в глаза. Только я, огромная ледовая арена и зрители. Но если я и соглашусь выступить на этой церемонии, то лишь одна. Я не стану кататься ни с кем другим. Мне казалось, что я физически не смогу перенести чужие руки на своей талии, С тех пор как мне исполнилось одиннадцать лет, только рука Сергея касалась моей руки, когда я выходила на лед.

Я поговорила с отцом Николаем об этой идее, спросила, правильно ли я поступаю, снова начав кататься, ведь еще не прошел год траура, предписываемый канонами русской церкви.

Отец Николай, который, как и всегда, был очень добр, ответил:

— Катя, катайся, потому что я знаю — ты любишь свою работу, и твое катание приносит радость другим людям.

А потом добавил:

— Не бойся быть счастливой в своей будущей жизни. Сергей поможет тебе в этом. Когда ты встретишь другого, приведи его в эту церковь. Я благословлю ваш союз, к какой бы религии или национальности ни принадлежал твой избранник, и Сергей благословит вас вместе со мной.

Как и всегда, слова отца Николая принесли мне утешение. Однако, доброта этого человека не могла защитить меня от той стороны жизни, которую мне вскоре предстояло увидеть, пугающей и отвратительной, о которой я не имела понятия, пока жила с Сергеем. Однажды позвонил Захаров, наш прежний тренер, и сказал, что один его знакомый бизнесмен хочет поговорить со мной. Захаров добавил, что этот человек является спонсором боксеров и борцов и может оказать мне существенную помощь в устройстве будущей карьеры.

Я встретилась с ним у Захарова. Мы немного побеседовали, и бизнесмен сказал, что поддерживает еще и детские фонды и ему хотелось бы передать мне деньги для Дарьи, после чего протянул конверт. Позднее, когда я его открыла, то обнаружила там огромную сумму денег. Я не знала, что делать, и позвонила ему, чтобы поблагодарить за щедрость — как это мило, что его фонд вспомнил о Дарье.

Но постепенно я начала понимать, что это вовсе не друг детей и спортсменов, что он преследует совсем другие цели. Я чувствовала себя ужасно. Попыталась вернуть ему деньги, которые он дал для Дарьи, но услышала в ответ:

— Это же не для вас, а для девочки. Оставьте их.

Нашлись и другие люди, которые меня пугали. Мне перестало нравиться в России, теперь для меня здесь все изменилось. Живя с Сергеем, я знала, что мне ничто не угрожает. Он брал телефонную трубку, и, если я не хотела говорить с человеком, который звонил, я так и делала. Теперь мне мог позвонить кто угодно и сказать, что готов мне помочь, встретиться со мной; многие обещали сделать меня счастливой. Но думали они совсем о другом.

Когда я рассказала маме о подобных звонках, она ответила:

— Тебе придется многое узнать о реальной жизни. Ты слишком откровенна с людьми. Тебе кажется, что они желают только добра. На самом деле все обстоит совсем не так.

И я приняла важное решение. По дороге в Москву я еще не понимала, что делать со своим будущим, что станется с моей

карьерой, вернусь ли я в Соединенные Штаты. Но теперь я знала, что должна поехать в Симсбери, где мы с Сергеем пытались создать для себя дом. Я теряла себя. Жизнь в России невероятно изменилась с тех пор, когда я была ребенком, а к новой жизни я была не готова.

Однако приближался Новый год, и я предполагала встретить его с родителями, хотя тогда не была уверена в том, что хочу быть с ними. Они встречали праздник на своей новой даче в Лягушино, где построили бревенчатый домик вместо старого, в котором Сергей, Машка и я провели десять чудных дней в 1989 году. Дом и баня мне очень понравились. Отец пригласил своих друзей; мне казалось, что в основном соберутся люди старшего поколения, и я не знала, понравится мне это или нет. Наверное, я буду чувствовать себя лишней. С другой стороны, Новый год — семейный праздник. И мама просила меня приехать.

В последний момент сестра тоже решила встретить Новый год с нами. И как выяснилось, друзья моих родителей взяли с собой детей, которые оказались ровесниками моей сестры — от восемнадцати до двадцати лет. Получился замечательный праздник.

Всего нас собралось двенадцать человек, и впервые после смерти Сергея я смеялась. По-настоящему смеялась. Один из приятелей моей сестры, которого я помнила еще с того времени, когда ему было одиннадцать, здорово рассказывал анекдоты, и я хохотала до слез.

Мы пили шампанское и буквально купались в снегу, потому что выдалась невероятно снежная зима. И кругом были огромные сугробы. Погода стояла великолепная, а на закате багровое солнце раскрасило белый снег огненными полосами. Было очень красиво. И очень грустно, что рядом со мной больше нет Сережи.

«Почему в такой чудный день, в такую прекрасную погоду его нет со мной?» — подумала я.

Отец срубил в лесу две елки; одну поставили в доме, а другую — у крыльца. Мы сложили все подарки под елку, которая стояла в доме, и на этот раз они не поместились в большой мешок Деда Мороза, который сшила моя мама, потому что гости тоже принесли с собой подарки. Той ночью, впервые с 1988 года, мы вспомнили об обычае разбивать тарелку в полночь и загадывать желание. Учитывая, что собралось двенадцать человек, мама разбила две тарелки. Я была с Дарьей. Мы решили, что спрячем один кусочек вместе и загадаем желание. Я ожидала, что маленькому ребенку дадут место, чтобы ее ручка смогла найти подходящий осколок.

Однако я ошибалась. Как только часы начали бить

двенадцать, мама швырнула на пол тарелки и все бросились искать осколки, будто маленькие дети, изголодавшиеся по пирожным. Мы с Дарьей схватили последний осколок, убежали в спальню моих родителей и спрятали наше сокровище под стоящим в углу шкафом. Я не скажу вам, что загадала, иначе мое желание никогда не сбудется. Признаюсь только, что оно связано с Дарьей.

После чудесной новогодней ночи я довольно скоро улетела в Симсбери. Теперь этот небольшой городок в штате Коннектикут стал для меня домом. И я поняла, что будет ужасно — более того, просто невозможно — вернуться домой без Дарьи.

Мне кажется, мои родители были этим огорчены. Дарья стала их радостью, они привыкли, что ребенок живет с ними. Они собирались прилететь в Коннектикут только через месяц и не хотели, чтобы Дарья все это время провела там со мной. У них все еще не было уверенности в том, что я пришла в себя после смерти Сергея и способна заботиться не только о себе, но еще и о ней. Но я не могла поступить иначе. Я не знаю, где нашла в себе силы, чтобы сказать: «Мама, я возьму ее с собой. Я приняла решение». И я это сделала. И до сих пор счастлива, что мужество мне не изменило.

ВЕЧЕР ПАМЯТИ

Через несколько дней после возвращения в Штаты Дарья в первый раз после смерти Сергея спросила об отце. Она проснулась, но вместо того, чтобы, как обычно, заняться игрушками, долго оставалась в постели. Потом пришла ко мне и проговорила:

— Мама, я скучаю по папе. Я хочу его видеть. Это было первое, что она сказала утром, — вероятно, Сергей ей приснился.

Мне было очень трудно, но я посадила Дарью к себе на колени и сказала:

— Даша, помнишь, что я тебе говорила? О том, что папа не вернется домой? О том, что он умер? Ты сможешь увидеть его, только когда спишь, и то если очень-очень постараешься. — Я наклонилась к ней и заглянула в ее блестящие голубые глаза — глаза Сергея. — Ты видишь папу в моих глазах? — спросила я.

Она покачала головой.

— А я вижу его в твоих.

Позднее мы поехали в Оттаву, где Марина намеревалась поставить для меня программу, с которой я хотела выступить на вечере памяти Сергея в Хартфорде, 27 февраля. Марина уже нашла музыку. Это было адажио из Пятой симфонии Густава Малера. Музыка мне понравилась — чувственная, нежная и немного грустная. Марина рассказала, что Малер написал эту симфонию, когда собирался сделать предложение своей будущей жене; в результате музыка и явилась предложением руки и сердца. Он отдал партитуру, она села за рояль и сыграла — музыка сказала за Малера нужные слова. Женщина, которую он любил, сразу все поняла.

Марина всегда считала, что пара не сможет кататься под эту симфонию. Однако теперь все сошлось.

Когда мы первый раз слушали ее на льду, Марина призналась:

— Я не знаю, что делать. — А потом, когда мы послушали еще, музыка нам помогла, и Марина сказала:

— Представь, что ты катаешься с Сергеем в последний раз. — И немного погодя: — А теперь ты его теряешь, ищешь и не можешь найти. Ты опускаешься на колени и вопрошаешь Господа, почему так случилось. Ты не можешь пошевелить ногами, будто в них не осталось сил. Ты не в состоянии сдвинуться с места. Все внутри у тебя сломано. Ты должна просить Бога о помощи. Должна сказать Богу, что жизнь продолжается и теперь тебе нужно кататься. Ты должна поблагодарить Его за то, что Он дал

тебе Сергея в спутники на часть жизни и это было лучшее, что только можно себе представить. Ты покажешь, что человек всегда поднимается с колен, столкнувшись с жестокими превратностями судьбы, находит в себе силы продолжать жить. У тебя есть ради кого жить. И ты можешь снова обрести смысл существования.

Никто другой не сумел бы поставить для меня эту программу. Потом я подумала, что Марина была чудом, которое Господь подарил Сергею и мне. Он забрал Сергея, но оставил Марину. Она чувствовала душу Сергея; иногда мне казалось, что и меня она понимает лучше, чем я сама. Даже если никто не оценит эту работу, Сергей, Марина и я будем знать, что́ мы сделали. Мне было легче думать, что мы с Мариной вместе сочинили эту программу для Сергея. У нее возникали большие трудности в работе с другими фигуристами, но для Сергея она собрала все силы и создала великолепную композицию.

Однако мне было очень трудно исполнять этот номер. Во-первых, я не привыкла кататься одна, без Сергея, без его заботливых рук, которые всегда помогали мне. Кроме того, даже такой простейший элемент, как вращение с обратным отклонением, пары не делают — последний раз я его тренировала, когда мне было одиннадцать; тогда я повредила спину. Но самое главное, исполнять этот номер с полной эмоциональной отдачей каждый раз попросту невозможно. Поэтому и готовить его было сложно.

Когда я показала его небольшой аудитории друзей и тренеров в Оттаве, чтобы посмотреть на их реакцию и понять, хватит ли у меня сил, чтобы откатать все на хорошем уровне перед огромным залом, у меня ничего не получилось. Я была вынуждена думать о каждом элементе и после выступления чувствовала себя совершенно измотанной. Мне никак не удавалось ощутить себя на льду свободной и раскованной. Я вдруг поняла, что захлестнувшие эмоции могут сделать тебя такой слабой, что ты не в силах ничего сделать, ни одного прыжка, — значит, я должна работать гораздо больше, если действительно собираюсь выйти на лед. После этого выступления мне пришлось поехать в Нью-Йорк для интервью с Си-би-эс, потому что именно эта компания собиралась показывать вечер памяти. Я оставила Дашу с Мариной и поехала на встречу одна. До сих пор мне никуда не приходилось ездить одной. Всегда рядом находился Сергей, или мама, или Дебби, или Дарья. Я была смущена и немного побаивалась. Только теперь я начинаю понимать, как трудно идти по жизни в одиночку. Как это противоестественно.

Для утешения я начала вести дневник, но слова, которые

появлялись на бумаге, далеко не всегда соответствовали постоянно меняющимся мыслям.

Когда я еще жила в Москве, Марина написала, что после смерти Сергея она простилась со своей мечтой. Сначала я не поняла, что она имела в виду. Может быть, для Марины и других его друзей время, проведенное с Сергеем, напоминало счастливую мечту. Однако для меня эта мечта была жизнью — обычной и вполне реальной. Только теперь мне стало ясно, что я должна распрощаться не только со своей мечтой, но и со счастьем и нормальной жизнью, которую я, вероятно, недостаточно ценила.

И продолжала задавать себе вопрос: Почему Бог дал мне Сергея, а потом отнял?» Хотел ли показать мне, как трудна жизнь? Как может болеть сердце? Да, я и не представляла, как сильно может болеть сердце. Я читала об этом в книгах, но никогда не понимала. Думала, что это просто слова на бумаге, которые пишут поэты. Теперь я знаю, что это такое — физическая боль, которая вгрызается в меня всякий раз, когда я думаю о словах, не сказанных Сергею, и о том, что могла бы для него сделать, чтобы показать, как я его люблю. Говорят: «Камень на сердце» — это, когда твое сердце превращается в камень, таким оно кажется тяжелым. Эти слова хорошо описывают мое состояние.

В православной религии, когда проходит сороковой день после смерти любимого человека, больше не нужно думать о нем постоянно. Более того, этого делать даже не следует, потому что тем самым ты удерживаешь его возле себя. Не отпускаешь на волю душу. Если Господь хочет забрать его к себе, значит, ему суждено пройти по этой дороге, и тебе нельзя вмешиваться.

Весь месяц, предшествующий вечеру памяти, я ужасно нервничала. Не только из-за того, что впервые с тех пор, как мне исполнилось одиннадцать, собиралась кататься одна, но и потому, что должна была играть роль хозяйки. Джей и Дебби спросили, кого бы я хотела видеть среди выступающих, и я назвала Марину Климову и Сергея Пономаренко, Александра Фадеева, Виктора Петренко и Оксану Баюл. Может быть, еще Юкио Сато, потому что Сергею нравилось, как она катается. Я помню, как он смотрел выступление Сато по телевизору на Олимпиаде 1992 года и очень ее хвалил. Брайан Бойтано сказал, что тоже хотел бы кататься для Сергея. Еще мы включили в программу тринадцатилетнего сына Марины, Федора Андреева, для которого Сергей всегда был как старший брат. Ну и конечно, весь состав шоу «Звезды на льду»: Скотт, Кристи, Курт, Розалин и остальные — мы были как одна большая семья.

Многие хотели участвовать в вечере памяти — Брайан Орсер, Ллойд и Изабель, Пол Мартини и Барбара

Андерхилл, Майя Усова и Александр Жулин, Артур Дмитриев со своей новой партнершей... Однако мы были ограничены во времени и не могли пригласить всех. Прилетела и мама Сергея, Анна Филипповна. Она впервые выехала за пределы России и остановилась у нас, вместе с моими родителями, в Симсбери. Для меня было очень важно, что она смогла быть вместе с нами в вечер, посвященный памяти Сергея. Конечно, это было непросто. Мои родители мало с ней общались, и вот нам всем пришлось жить под одной крышей в течение двух таких волнительных недель. Особенно огорчало то, что Анна Филипповна все время плакала, а это, в свою очередь, действовало на Дашу, и она тоже плакала. Мать Сергея видела его фотографии на стенах, на столиках, в каждой комнате и снова принималась плакать. И милая, добрая Даша подходила к ней и спрашивала:

— Почему ты плачешь, бабушка? Почему ты плачешь? Временами мы все сходили с ума от горя и отчаяния и не знали, как и чем успокоить друг друга.

Когда все фигуристы собрались за день до представления, я была очень рада их видеть. Кроме того, для меня было большим облегчением, что никто из них не говорил со мной как с больной, никто без конца не спрашивал, как я.

Мы устроили пресс-конференцию и дали несколько интервью, а потом три или четыре часа репетировали групповые номера в Международном центре фигурного катания в Симсбери.

Потом я пригласила ребят на обед. Сандра Безик и Майкл Сейберт, которые придумали начало шоу под музыку «Лунной сонаты», привыкли работать с большим количеством участников; у Марины таких навыков не было. Она никогда раньше не готовила групповых выступлений. Однако именно Марина сочинила прекрасный заключительный номер на музыку из серенады для струнного оркестра Чайковского. Ее содержание точно соответствовало главной идее вечера: прославление жизни.

Марина принесла фотографии, где были запечатлены разные позы из всех программ, которые мы сделали за долгие годы совместных выступлений. Из программы по мотивам скульптур Родена, из «Ромео и Джульетты», «Лунной сонаты». И все фигуристы разбились на пары, так что каждая повторяла одну из наших поз, — они отнеслись к этому очень серьезно. И я поняла, что завтра каждый из них покажет свое лучшее катание. Прилетел Владислав Костин, автор наших костюмов, и сделал для меня белое платье, в котором я должна была появиться в финале. Татьяна Тарасова тоже была с нами. Я чувствовала себя намного

лучше из-за того, что собрались все наши друзья; они прилетели поддержать меня и кататься для Сергея, чтобы показать в его честь то, что любили и умели делать. И я знала — они приехали с чистым сердцем.

Не могу описать, как это было для меня важно, скажу только, что я совершенно перестала волноваться из-за предстоящего выступления. Меня тревожил лишь торжественный обед, который должен был состояться после окончания представления, поскольку я понимала: пригласить всех невозможно. Наша квартира слишком для этого мала, а мне не хотелось никого обидеть.

Мы устроили еще одну репетицию в хартфордском городском центре, где должен был состояться вечер памяти. Марина давила на фигуристов, что совсем на нее не похоже. На Олимпийских играх в Лиллехаммере она тоже нервничала, но держала себя в руках. Здесь же она явно волновалась, и ей никак не удавалось справиться со своим волнением. Она не могла принять ни одного решения, была в растерянности, какое мне выбрать платье. Такой я ее раньше не знала. Марина так и не оправилась после смерти Сергея, она — словно яркий цветок, радовавший всех своей неуемной жизненной энергией и вдруг увядший. Однако перед моим выходом на лед Марина нашла слова, которые придали мне силы.

— Доверься Сергею, — сказала она, — и он поможет тебе кататься.

Я не участвовала в процессии, открывавшей вечер. Просто стояла и ждала за занавесом. Я даже не смотрела, чтобы не растерять решимость и не расплакаться. Когда я услышала музыку «Лунной сонаты», на меня нахлынуло множество воспоминаний. Неожиданно я вдруг поняла, что делаю движения из нашей олимпийской произвольной программы 1994 года. Вот здесь Сергей выбрасывал меня, здесь у нас было вращение, дорожка, параллельный прыжок... Я не могла остановиться. Я не хотела останавливаться. Я чувствовала, что душа Сергея где-то совсем рядом.

По мере того как приближалось время моего выступления, я вспоминала слова, которые обычно говорил Сергей перед выходом на лед, вспоминала, как он обнимал и целовал меня. Сейчас, когда я стояла в туннеле, меня некому было обнять или поцеловать. Я была одна — и чувствовала себя ужасно. Рядом находился только Дейв, служащий шоу «Звезды на льду», который наблюдал за мной. И мне показалось, он подумал то же самое: «Как печально, что она стоит здесь без Сергея».

А потом я вспомнила слова Марины: «Доверься Сергею, и он

поможет тебе кататься». Казалось, в горле у меня застрял комок, я понимала: если сейчас заплачу, то не смогу остановиться.

Но едва заиграла музыка Малера и я выкатилась на затемненную арену, все печальные мысли меня оставили. Зажглись прожектора, люди начали аплодировать, и меня вдруг охватили чувства, которых мне никогда не приходилось испытывать раньше. До этого я беспокоилась, что осталась одна, что я такая маленькая и меня никто не увидит. Теперь же я ощутила себя большой, огромной, словно заполнила собой всю ледовую арену.

Когда зрители зааплодировали в начале программы, я подумала, что мне следовало бы остановиться. Я хотела поблагодарить их за то, что они собрались здесь со всех концов страны, со всего мира, чтобы вспомнить о Сергее. Но мои ноги продолжали двигаться. И я подумала: «Нельзя останавливаться, иначе я потеряю свое волшебство и могущество».

Я просто делала то, что приказывали мне мои ноги. И прислушивалась к Сергею. Словно вдруг овладела двойной властью. Никогда еще я не чувствовала в себе такой силы, такой энергии. Я только начинала исполнять какое-то движение, как кто-то заканчивал его за меня. В голове у меня не осталось ни единой мысли. Все сосредоточилось в моем сердце, в моей душе.

Больше я никогда не смогу откатать эту программу так хорошо. Да и не захочу. Это было нечто особенное, и я не уверена, что Сергей поможет мне во второй раз.

Я закончила и не смогла сдержать нахлынувших чувств. Я видела Дашу, мать Сергея, видела людей, аплодировавших мне стоя. Я была счастлива, но слезы сами полились из глаз. Я не хотела плакать, ведь мы собирались вспомнить лучшие годы Сергея, проведенные нами вместе. Но есть чувства, над которыми ты не властен. И другие фигуристы тоже плакали. Они гордились мною. Мне так хотелось обнять каждого из них. И еще я хотела обнять Марину, которая стояла у кромки льда, чтобы я знала, куда мне возвращаться. Она сказала, что будет ждать до тех пор, пока я ее не замечу, а потом уйдет. Но не смогла.

В конце моего номера Марина выглядела очень, очень печальной — и измученной. И я подумала: «Значит, я хорошо каталась».

Потом ко мне подошла Дарья и спросила:

— Мама, а почему ты закрывала лицо руками, когда каталась?

Таким образом я показывала Богу и людям, как мне больно из-за того, что он забрал Сергея.

Тебе это не понравилось? — спросила я у дочери.

— Нет, — ответила она.

— Ладно. — Я улыбнулась, обнимая ее. — Я больше никогда не буду так делать.

Марина не обсуждала со мной второй мой выход в финале. Лишь попросила быть красивой и сделать все так, чтобы Сергей улыбнулся.

— Постарайся кататься, словно ты говоришь Сергею спасибо за то, что он был твоим мужем, другом и партнером. Словно хочешь, чтобы он запомнил тебя красивой. Обещай ему, что никогда его не забудешь. Поблагодари за то, что он разделил свою жизнь с тобой.

Когда я снова вышла на лед, то уже не чувствовала в себе прежней мощи, зато успокоилась, была счастлива, даже радовалась тому, что происходит.

Первым на льду появился Скотт и пригласил остальных фигуристов присоединиться к нему. Они были в белых костюмах — все выглядело таким чистым, непорочным и прекрасным. Потом я прокатилась мимо них, словно обращаясь с просьбой: «Покажите мне, какими были Катя и Сергей».

И тогда они приняли позы, которые мы делали с Сергеем в разные годы нашей спортивной карьеры. Они оставались в этих позах без движения, пока я не повернула и не проехала обратно, как если бы говорила: «Спасибо за то, что вы показали мне Сергея и Катю в последний раз». А затем движением руки я заставила их ожить.

Затем я остановилась перед Скоттом Хамильтоном и будто просила его: «Благослови меня и разреши кататься теперь одной». Я представляла себе Скотта скорее не как короля, а как бога фигурного катания. Он всегда вел себе естественно и на льду, и вне его. Я так уважала его, что если бы и стала спрашивать у кого-нибудь разрешения, то выбрала бы Скотта Хамильтона. Затем я немного покаталась и поклонилась зрителям, как в русском народном танце. Должна признаться, что финальный номер вызывал у меня некоторое смущение: я хотела, чтобы в финале все катались, а не смотрели на меня. Ведь наше представление предназначалось Сергею. Это был его вечер.

Я знала, что должна что-то сказать в заключение. Нужно было приготовить речь заранее, но, как только Скотт вручил мне микрофон, я не смогла найти нужных слов. Позднее я расстроилась, что поблагодарила не всех.

Мне следовало упомянуть больше имен. Вот что я сказала:

— Я так счастлива, что этот вечер состоялся, и мне грустно, что он подошел к концу. Жаль, что нельзя его повторить, начать все сначала. Я говорю всем вам спасибо, потому что не вышла бы

на этот лед, если бы вас здесь не было. Я рада, что смогла показать вам свое катание. Но я хочу, чтобы вы знали — вместе со мной сегодня катался Сергей. Именно поэтому у меня все получилось. Я была не одна.

Когда я принялась благодарить остальных фигуристов, самообладание начало мне изменять.

— Я так благодарна вам всем, ребята. Вы самые лучшие. Вы такие прекрасные друзья. Вы такие хорошие. Спасибо, Скотт. Спасибо всем. Спасибо, Сандра, Майкл, Ли Энн. Так много имен. Спасибо Соединенным Штатам. Большое спасибо. Я хочу познакомить вас с мамой Сергея. Она приехала сюда из Москвы, она первый раз в Соединенных Штатах. Она дала мне Сергея, и я хочу... Анна Филипповна взяла из моих рук микрофон, а я переводила ее слова.

Потом я поблагодарила своих родителей. И тут вспомнила то, что собиралась сказать:

— У меня не хватает слов, но я хочу пожелать вам всем: попытайтесь находить мгновения счастья в каждом дне. И не забывайте повторять лишний раз человеку, с которым вместе живете: «Я люблю тебя». Это так замечательно. Ладно? Спасибо всем. До свидания.

ЭПИЛОГ

Я узнала, что время лечит. Оказалось, хороших дней намного больше, чем плохих. Я начала чаще и естественнее улыбаться. Моя тоска не прошла, но стала менее острой. Она всегда будет со мной, однако эту «комнату» в моей душе я не обязана теперь посещать каждый день.

Фигурное катание было для меня лучшим лекарством. Мне нравится проводить много времени с людьми; я люблю тренироваться; люблю ощущение усталости после напряженных занятий. Я долго не выходила на лед после смерти Сергея и начала терять себя. Чтобы снова стать собой, я должна кататься. Я не могу не быть фигуристкой.

На льду я в своей стихии. Ужасно признаваться: когда я постоянно живу дома, полностью отдавая себя родителям и дочери, я чувствую, как силы постепенно меня оставляют. Стоит мне выйти на лед, и они возвращаются. Приходит уверенность. Это полезно для меня, но и для Дарьи тоже. Она видит, что ее мама сильная, что она может что-то делать хорошо. Ей нравится, как я катаюсь, мои костюмы, то, как я выгляжу на льду. И это лучшая возможность для меня выплеснуть эмоции. Легче, чем писать, говорить или думать. Я просто один за другим выполняю элементы, которые учили меня делать всю жизнь, и если мне удается кататься так, как в вечер памяти Сергея, я счастлива.

Некоторые выступления получаются лучше, чем другие. Во время турне, когда я выхожу на лед одна, я не чувствую того, что пережила в Хартфорде, когда каталась для Сергея. Скотт Хамильтон сказал мне в тот вечер: «Заполни собой лед». И я сумела. Я чувствовала себя огромной, могучей, вдвойне сильной.

Теперь у меня такое ощущение, что не я участвовала в том представлении. У меня нет ничего, чем я могла бы поделиться со зрителями. Представляю себе, как они говорят: «Очень жаль, что она катается одна». Или: «Как приятно снова видеть ее на льду». Эти мысли всегда посещают меня во время выступлений и сильно мешают сосредоточиться. Я прекрасно понимаю, что все за мной наблюдают. Я не знаю, куда деть глаза. Раньше я никогда не думала о контакте с аудиторией. Мне был нужен лишь контакт с Сергеем.

Но я учусь. У меня получится. Придет день, и я стану тренером. Надеюсь, это будет не скоро, только когда не смогу больше выступать. Я должна передать секреты фигурного катания, которые мне известны. Так здорово помочь кому-нибудь вырасти и стать чемпионом. Мы с Сергеем один раз вместе

тренировали юных фигуристов в Канаде; он замечал ошибки и мог объяснить, что нужно сделать, чтобы их избежать. Я же только переводила. Необходимо иметь большое терпение, чтобы быть тренером, — у Сергея оно было. Надо внимательно наблюдать за исполнением программы, видеть миллион ошибок, а твой ученик каждый раз должен находить на твоем лице полную уверенность в том, что все будет в порядке. Потом ты скажешь ему, что он отлично откатался, вот только лучше изменить одну вещь. А на следующий день — другую. И так день за днем. Терпение.

Я бы не хотела, чтобы Даша стала фигуристкой... Нет, не так. Просто я мечтаю, чтобы у нее была возможность выбора. Я надеюсь, что моя дочь будет разбираться в компьютерах, бизнесе и политике. Я позабочусь о том, чтобы она получила лучшее образование, чем я; чтобы проводила в школе побольше времени. Я хочу, чтобы она была красивой, как моя мама, умной, сильной, самоотверженной и с хорошим вкусом. Она должна быть в отличной физической форме, поэтому я позабочусь о том, чтобы Дарья с самых малых лет занималась спортом.

Но главное, она будет делать то, что посчитает правильным. Именно это меня в ней восхищает. Дарья знает, чего хочет, и ее мало беспокоит, что об этом думает ее мама. Она такой родилась. Может быть, это качество она унаследовала от Сергея. Если Дарья пожелает стать фигуристкой, значит, так тому и быть. И тогда я ей помогу.

Думаю, в будущем я многое от нее узнаю. Я уже и сейчас у нее учусь. Сергей никогда меня не учил. Он оберегал меня, любил, заботился, утешал, когда мне было плохо. Но лишь после его смерти я начала понимать жизнь. Только теперь он начал меня учить.

Я узнала, что жизнь не дает тебе всего. Ты должен сам создать себе возможности, сделать свое будущее. Раньше мое существование состояло из тренировок, выступлений, побед, поездок по Соединенным Штатам и жизни с человеком, которого я любила. Все было слишком легко. Проблемы, с которыми я сталкивалась, были сиюминутными, они не затрагивали основ. Преодоление языкового барьера, билеты на самолет, привыкание к новым конькам, тренировки... Все это мелочи, ничто. Оказалось, что жизнь гораздо труднее, чем я думала.

В основном я узнаю новое о себе. Мне все еще больно видеть пары, с которыми мы с Сергеем были знакомы. У меня сжимается сердце, когда я смотрю на Нину и Виктора Петренко, — ведь Нина в любой момент может обнять Виктора, взять его за руки. Нина такая спокойная и доброжелательная, что иногда мне

хочется положить ей голову на плечо... или еще на чье-нибудь плечо. У меня никогда не возникало такого желания при общении с друзьями в прежние времена. С Сергеем я не думала о друзьях. Я могла встречаться с ними — или не видеть их очень долго.

Теперь я нуждаюсь в друзьях. Никогда не предполагала, что научусь разговаривать с людьми, вникать в их проблемы. Я этого не умела, а теперь стараюсь быть более открытой. Мне интересно их мнение по самым разным вопросам. Я лучше понимаю своих родителей, знаю, что им нравится, а что нет. В жизни так много любопытного, и я открываю для себя новый мир.

Поэтому я вхожу в будущее с желанием стать если не счастливее, то мудрее. Юность осталась позади. Она навсегда будет связана с моим бесценным Сережей.

notes

Примечания

1

Магазин гамбургеров.